

И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев

КРАШЕНЬЕ

*Страницы истории гражданской войны
в Коми крае*

**Сыктывкар
2000**

УДК 947.084.2 (470.13)

И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев. **КРАШЕНЫЕ. (Страницы истории гражданской войны в Коми крае).** – Сыктывкар, 2000.

Читатели! Предупреждаем вас: ни за что не открывайте эту книгу, если вам не интересно, кем — “аферистом” или “фанатиком революции” — был Мориц Мандельбаум, прозванный “Печорским Чапаевым”, как “самоеду” из Керчомыи довелось послужить и белым, и красным и удостоиться похвалы “настоящего” В.И.Чапаева, за что трудящиеся Коми края просили расстрелять С.О.Латкина (он же “Дядя”, он же “Губернатор без губернии”), откуда взялось “Верховное временное правительство Удоры”, почему устьысольское руководство после возлияний по случаю первой годовщины Октябрьской революции приняло местных рядовых коммунистов за белых мятежников, каким образом “башибузуку” Н.П.Орлову удалось захватить Усть-Сысольск и Яренск и еще кое-что в том же духе. Но если в вас не угас интерес к родной истории, то вашему вниманию предлагаются одни из наиболее любопытных страниц гражданской войны в Коми крае. Некоторые из изложенных фактов могут показаться невероятными, но все они извлечены из документов. В основу книги положены популярные очерки, опубликованные авторами на страницах газет “Молодежь Севера”, “Красное знамя” и “Республика”.

Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ №00-01-00286а “Население и власть в российской провинции в переломную эпоху: исторический опыт взаимоотношений (на материалах Коми края 1917 – 1921 гг.)”.

©И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев, 2000
©Г.Н.Шарипков, оформление 2000

КРАШЕНЫЕ

*Сегодня “красные”, а завтра “белые” —
Ах, не матери! ах, не цветы!
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты.*

*Сегодня пошлии и завтра пошлии,
Сегодня жулики и завтра то же,
Они, бывалые, пройдохи дошлии,
Вам спровоцируют любой мятеж.*

*Идеи вздорные, мечты напрасные,
Что в “их” теориях — путь к Божеству?
Сегодня “белые”, а завтра “красные” —
Они бесцветные по существу.*

*И. Северянин
январь 1919 г.*

“КРАСНАЯ ГОРЯЧКА”,
или
о БЕЗУСЛОВНОМ ВРЕДЕ ПЬЯНСТВА
ДЕЛУ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*“Поставить боевой задачей — ни одного случая
появления в выпившем состоянии на глазах
беспартийной массы. Как правило запомнить,
что очищенное вино не для партийца, что пьяная
болтовня контрреволюционному шагу подобна”*

*Из постановления Усть-Вымской
организации ВКП(б) Коми автономной
области от 3 августа 1927 г.*

Революционный банкет

Осень 1918 года. Уже несколько месяцев находятся у власти захватившие ее на значительной части Кomi края большевики. Население голодает, то тут, то там вспыхивают крестьянские бунты, активизируются на севере белые. Чтобы хоть как-то скрасить безрадостную картину бытия, руководство Усть-Сысольского уезда организовало празднование первой годовщины Октябрьской революции.

Начиналось празднество чинно и благопристойно. Накануне, 6 октября, один из местных большевистских деятелей Д.И.Розанов выступил в Усть-Сысольске с лекцией, авторитетно пояснив почтительно внимавшим слушателям, что “прошлое русской революции таково, что ей безусловно принадлежит не только ближайшее, но и отдаленное будущее”, какового, ясное дело, лишена “всякая нечисть” — “буржуазия” и “соглашатели”.

7 ноября в Усть-Сысольске состоялась манифестация. По окончании этого действия большинство местных руководителей собралось на банкет. Там присутствовали председатель Усть-Сысольского уездного исполкома В.П.Осипов и член губисполкома А.А.Кузнецов, военные комиссары И.Г.Казаков (он же возглавлял уездный Революционный совет) и Цивилев, лидер уездных коммунистов, председатель Усть-Сысольского комитета РКП(б) В.И.Чуистов (он был также заместителем председателя ЧК и заведовал отделом внутреннего управления, которому подчинялась милиция), председатель уездной ЧК М.М.Ляпунов, зам. председателя уездисполкома А.О.Канов, член уездисполкома и ЧК И.С.Юрьев,

член уездисполкома и уездного Военного совета С.П.Малыгин и другие (всего 27 человек). Поскольку со снабжением винно-водочными изделиями даже у руководителей имелись тогда трудности, а пить самогон было как-то не по чину, “отцы” города и уезда распорядились изъять из городской аптеки изрядное количество спирта (три ведра и еще 12 бутылей). “Злоупотребив властью при требовании спирта”, как позднее было отмечено следствием, бравые руководители напились “открыто, в обществе, до состояния явного опьянения”.

Ничего особенно страшного по местным меркам в этом не было (хотя, напомню, уже шла гражданская война). Как пояснил позднее коми коммунист, член губкома РКП(б) В.И.Сорвачев губернскому партийному руководству, “там (в Усть-Сысольске — авт.) с психологической стороны на пьянство не смотрят так (строго — авт.), как здесь”, в губернском центре. Пили в Коми крае изрядно, изводя на самогонокурение немало зерна, которого так не хватало. Например, из Чухлома в 1918 году сообщали: “Хлеба много, но он уничтожается на самогон. Пьянство сильно развито... Одна часть населения голодает, а другая moet голову самогоном”. Попытки искоренить самогоноварение встречались населением в штыки. Когда Д.А.Батиев (известный впоследствии коми политический деятель) в 1918 году на Яренском уездном съезде Советов выступил против самогоноварения в селе Жешарт, то после заседания группа возмущенных жешартцев намяла ему бока...

Не имело особого значения и то, что кое для кого из участников “банкета” эта пьянка была уже “рецидивом”: в августе 1918 года уездный исполком оштрафовал за попойку весь (за исключением председателя И.П.Андранинова) руководящий состав Усть-Сысольской ЧК — Д.И.Розанова, В.И.Чуистова, А.А.Сивкова и примкнувшего к ним уездного военкома И.Г.Казакова, Д.И.Розанов тогда, видать, сильно переживал за свой проступок и даже “ввиду наличности однофамильцев” сообщал в местной газете “Зырянская жизнь”: “Штрафу подвергнут именно я, редактор настоящей газеты, ...штраф мною уже внесён полностью, в чем... имеется расписка”. В коллективной руководящей гулянке 7 ноября он уже не участвовал, однако отнюдь не из-за того, что стал вести исключительно трезвый образ жизни...

Вполне вероятно, что празднование первой годовщины Октября в Усть-Сысольске, несмотря на лившийся ведрами спирт, прошло бы относительно спокойно, как и в других селениях уезда. Там

коммунисты (в ряды которых, к изумлению не ожидавших такой прыти губернских партийных вождей, записалась добрая половина взрослого населения уезда) дружно профилактировали с красными флагами, радуя детей и пугая скотину, а потом мирно разошлись по домам, где кто как мог отметили знаменательное событие. Пожалуй, лишь в Керчомье, где, по воспоминаниям одного из борцов за Советскую власть, “во время красного террора в партию вступили даже противники Советской власти”, празднование было организовано оригинальнее. Керчомские коммунисты под мудрым руководством председателя коммунистической ячейки и волостной ЧК Д.М.Ваддорова деятельно занимались устройством, помимо всего прочего, и церковной жизни, и даже организовали выборы священника — конечно, из числа руководящих членов местной парторганизации. А по случаю пролетарского праздника Ваддоров издал приказ устроить торжественное церковное богослужение, “целодневный” колокольный звон и панихиду на могилах коммунистов. (О столь передовом методе празднования годовщины революции ошарашило сообщила даже губернская печать). Но в уездном центре все благолепие испортил конфликт, назревший к этому времени в уездном руководстве...

Возмущение масс

Как докладывал губкому компартии в декабре 1918 года В.И.Сорвачев, осенью 1918 г. в Усть-Сысольском уезде “лица..., стоящие у власти, начали узурпировать власть. Не поделив что-то, “лица, имеющие власть, разделились на две стороны, одна из них опиралась на партию, другая на Красную армию”. В расколе и соперничестве между уездными вождями “большую роль играла Чрезвычайная комиссия, которая своим усердием создала из себя болезненное впечатление”. И вот в то время как В.П.Осипов, В.И.Чуистов и прочие “опиравшиеся на партию” мирно выпивали и даже, возможно, закусывали (о последнем документы умалчивают), другая часть местных активистов, находившихся на втором плане (к ней принадлежали Д.И.Розанов, В.П.Павлов, В.П.Юркин, М.В.Молодцов и, возможно, А.А.Маегов), решила “опереться на армию” и без ведома выпивавших организовала... красноармейское патрулирование города. Несколько человек из компаний Чуистова и Осипова, менее титулованных, были задержаны военными патрулями за безобразничание на улице в пьяном виде. Их доставили в милицию, где намеревались держать до пропречивания.

Но и это было бы еще ничего — проспались бы и пошли себе опохмеляться; в конце концов не буржуазный же праздник отмечали! Однако “вожди”, узнав, что их собутыльников засадили в кутузку, распорядились освободить их. В.И.Чуистов лично возглавил операцию по спасению товарищей. С наганом в руке он сурово прикрикнул на патрульных красноармейцев и велел им разойтись. После вызволения “плененных” празднество продолжалось до следующего дня (благо, спирта хватало). Крупного скандала и после этого могло не быть. Но, как на грех, в ход усть-сысольских событий властно вмешалась германская революция...

Нет-нет,уважаемый читатель, не пугайся неожиданного полета авторской мысли: они в добром здравии и даже не пьяны. Как ни странно, революционно настроенные германские трудящиеся, сами того не зная, подложили изрядную свинью своим зырянским собратьям по борьбе: в свое время отцами города “уже было обещано, когда будет революция в Германии, то будет отпущенено спирту” всем красноармейцам и коммунистам Усть-Сысольска. События в Германии как раз в эти дни разгорались; вслед за Кильским восстанием назревало Берлинское, вовсю шумела группа “Спартак” — и начитанные усть-сысольские красноармейцы сделали политически правильный вывод: пора бы выдавать им спирт. Эх, если бы, — с грустью говорил членам губкома РКП(б) В.И.Сорвачев, — “Красная армия получила тут же свою порцию, которую давали прошим” участникам банкета, то “результаты пьянства не были бы такие плачевые”. Однако увлекшееся празднованием руководство не сумело вовремя оценить международную обстановку и решительный настрой местных народных масс...

Обиженные невниманием к их нуждам красноармейцы и рядовые коммунисты собрались 8 ноября в коммунистическом клубе для обсуждения текущего момента. Не знаем, до чего бы они договорились, но чекисты и во время гуляния (оно все продолжалось) оказались начеку и информировали о происходящем расслаблявшееся руководство. Последнее, видимо, изрядно подустало, поскольку узрело в созыве красноармейско-коммунистического собрания ни больше, ни меньше чем... “привокацию неизвестных темных сил” и даже “белогвардейский мятеж”(!), и сгоряча объявило город на военном положении (!!!) (Это, пожалуй, смахивало уже на “белую горячку” — только вместо зеленых чертиков перед глазами перепившихся партийных вожаков запрыгали-заскакали белые мятежники; а может, это была “красная горячка”?"). Спешно вынесены-

ным постановлением запрещались “всякие собрища и собрания”, воспрещалось выходить из дома после 5 часов вечера; следовало “немедленно арестовать” организаторов красноармейско-коммунистического собрания, распустить “местную Красную армию”, а взамен набрать новый состав, “заменить все посты в городе, состоящие из красноармейцев, коммунистами и милиционерами”, верными руководству. По известной большевистской традиции первым делом решили занять почту и телеграф (дабы обезопасить их от “мятежников”). Не хватало, пожалуй, только захвата мостов и выстрела “Авроры” — и хорошая получилась бы годовщина Октября...

По распоряжению В.И.Чуистова “летучие отряды” ЧК отправились разгонять “белогвардейское собрание”. Коммунистический клуб был окружен, а затем чекисты под руководством своего председателя М.М.Ляпунова и зампреда уездного исполкома А.О.Канова с отчаянным криком “Руки вверх!!!” ворвались внутрь с винтовками наперевес, размахивая бомбами и револьверами. Ляпунов заявил красноармейцам и коммунистам, что их “сборище” незаконно. Канов зачитал упоминавшееся постановление, после чего чекисты очистили помещение от борцов за справедливость. Несколько наиболее ретивых коммунистов и красноармейцев арестовали, а десять человек как главных “белогвардейцев” посадили в тюрьму. Началось разоружение красноармейцев. Город патрулировали верные Осипову и Чуистову люди. Естественно, успешно были взяты почта и телеграф. 9 ноября ситуация не изменилась.

Наконец 10 ноября взбудораженные прошедшими праздниками, окончательно победившей в Германии революцией, а главное — так и не выданным спиртом, “рядовые члены большевистской партии”, по выражению историка 30-х годов В.М.Подорова, наконец-то “поняли, что партийное руководство сошло с большевистских рельсов и предает революцию”. Вооружившись, они вместе с красноармейцами устроили второе, на сей раз более удачное экстренное собрание, “на котором был дан бой зарвавшимся руководителям”. Томившихся за решеткой освободили. Созданная специальная комиссия изучила “события 7-9 ноября” и утром 11 доложила усть-сысольским коммунистам о пьяных безобразиях их лидеров. Чуистова и Ляпунова тут же исключили из РКП(б); остальных гуляк в последующие дни постигла та же участь.

Запахло расстрелом

Выяснив все леденящие душу подробности праздника, коммунисты и красноармейцы снова собрались 12 ноября и устроили Осипову и прочим изрядную взбучку. Дело едва не дошло до рукопашной схватки, а то и до перестрелки. Как деликатно выразился на страницах “Зырянской жизни” будущий коми литературный классик В.А.Савин, собрание “носило весьма напряженный характер, и было несколько критических моментов для участников “подавления белогвардейского выступления”, но организованность и самостоятельность членов-коммунистов удержала от возможного замешательства, призвав товарищей к соблюдению порядка и спокойствия”. Все участники “пьяного разгула” были разоружены, главных “закоперщиков” сняли с должностей. Позднее был реорганизован и военкомат; усть-сысольская организация РКП(б) по решению губкома компартии была полностью распущена и создавалась заново. Постановили также созвать уездные съезды коммунистов, Советов и комбедов, где обсудить приключившееся. Новый состав ЧК 13 ноября арестовал В.И.Чуистова, В.П.Осипова, М.М.Ляпунова и И.Г.Казакова “за измену партии”. Арестанты упорствовали, не желая “откровенно признать свою вину”, и даже намеревались сбежать из тюрьмы. За дело взялись губернские органы. Запахло расстрелом...

Тут усть-сысольские коммунисты сообразили, что, пожалуй, переборщили в низвержении начальства. 26 ноября на общем собрании они решили похлопотать о смягчении участии своих бывших лидеров. В губкоме РКП(б) и губчеке было отправлено ходатайство: “Усть-сысольская организация РКП(б), обсудив положение исключенных из партии членов В.П.Осипова, В.И.Чуистова, М.М.Ляпунова и И.Г.Казакова, которым по имеющимся материалам может угрожать расстрел за целый ряд преступлений по должностям и за измену партии, и принимая во внимание их прежнюю колоссальную работу по борьбе... с кулацким элементом в уезде, сознание своей силы и партийной мощи в эпоху подъема социальной революции во всем мире (это они о германской революции — авт.), признает уничтожение перечисленных выше лиц в данное время излишним, во избежание ликования в лагере испытавшей их работу буржуазии, а потому ходатайствует... о замене грозящего им расстрела следующей ступенью наказания”. В общем, погорячились ребята, бес попутал, с кем спьяну не бывает...

В виде наказания четверо едва не расстрелянных экс-вождей уездного масштаба были отправлены на фронт воевать против истинных, а не мнимых белогвардейцев. Сходное наказание понесли и другие: например, А.О.Канов и М.К.Волошин возглавили партизанские отряды, посланные на Удору. Член уездного комитета РКП(б) и уездной ЧК (позднее — руководитель этих почтенных органов) В.А.Савин в декабре 1918 года писал по поводу ноябрьских событий в Усть-Сысольске: “Революции нужны честные работники, истинные строители новой жизни на обломках старых развалин, ей нужны идеальные в глубоком смысле слова политические руководители, идущие рука об руку с трудовым народом по строго определенному пути, и если нечестные спотыкаются и падают (очень подходящие слова для данного случая, не правда ли? — авт.) поперек этого пути, они недостойны называться сынами пролетарской революции, и долой их с пути!” Через некоторое время “споткнувшиеся и упавшие” сумели подняться на ноги, и многие из них вновь заняли ответственные должности. И.Г.Казаков, например, в ноябре 1919 года исполнял обязанности заместителя начальника войск Пинего-Печорского края. В.И.Чуистов был в 20-х годах на ответственной работе в Коми обкоме компартии. А вот обличавший их Д.И.Розанов “отошел от активной политической деятельности” — не та, видать, закваска...

После расправы с перепившимся партийным начальством борьба с пьянством среди руководящих (и не только руководящих) коми коммунистов продолжалась. Привычным было, когда ответственному работнику, приезжавшему в какое-нибудь село из Усть-Сысольска, первым делом подносили самогон. В 1921 году сотрудник облздравотдела Н.Г.Савченко жаловался, что в Коми представительстве в Москве устраиваются обильные винопития с участием членов Советского правительства, и живописал в письме “пьяные рожи зырян-красноармейцев”, стороживших представительство. Сотрудники представительства оправдывались как могли. Но вот один примечательный факт: в числе хороших знакомых работников представительства был один из наркомов А.И.Рыков (возглавивший позднее Совнарком), лечившийся в середине 20-х годов в Германии от алкоголизма... В 1921 году после грандиозной пьяной драки в Визинге (на Пасху) облисполком принял постановление о штрафах за появление в пьяном виде. Через год штрафы пришлось удвоить...

Славная традиция

“Антиалкогольные кампании” в Коми области шли с переменным успехом. Если на IV областной конференции компартии (март 1923 года) рапортовалось, что “болезненные явления в организации (пьянство, местничество) стали изживаться”, то на V конференции (март 1924 года) звучали уже совсем иные речи. В.П.Юркин заявил прямо: “Абсолютно непьющих среди нас едва ли кто найдется”, а уже знакомый нам И.Г.Казаков отметил: “Одной из ненормальностей и, пожалуй, главной среди работников является пьянство... Пьянство... наблюдается главным образом в самом областном центре”. Лидер местных коммунистов А.Чирков, заметив, что партийные крестьяне постоянно трудятся, так что пить им некогда, заключил: “Пьянству летом и зимой подвержены работники советско-партийного аппарата и руководящая часть. С этим надо бороться”.

Его призыв был неосторожен. В.И.Сорвачев, тоже наш знакомец, на этом же форуме обвинил в пристрастии к спиртному самого А.Чиркова, напомнив, как тот ходил по городу в пьяном виде и босой. Секретарь обкома не остался в долгу, вспомнив, как В.Сорвачев в Архангельске, будучи изрядно навеселе, бегал с ножом. Началась остройшая дискуссия по этой принципиальной и наболевшей партийной проблеме. Делегат М.И.Попов: “Выступление Сорвачева, который указывает на хождение т. Чиркова — босиком, без обуви — это для чего?.. И мне хотелось бы задать вопрос т. Сорвачеву: всегда ли он ходит в обутках? И всегда ли он трезв?” Делегат Никифоров: “Был грех — пил. Я пил и сознался, пусть сознается и Сорвачев, что он пил в Архангельске и так пил, что с ножом гонялся за той буржуазией, с которой пил”. Причиной всех этих взаимных упреков была все та же борьба за власть. Редактор газеты “Югыд туй” Чаров заявил на той же конференции: “В областном комитете были нелады... В верхах имеется карьеризм, и это производит отталкивающее впечатление... Областной комитет надо освежить...” (Последнее выражение очень уместно — авт.).

К VI облконференции обком “освежили” (Чирков покинул Коми область, так и не успев воплотить в жизнь свою, возможно, не совсем трезвую задумку — переименовать Усть-Сысольск во Владимир-Ленин), однако же и тут, в октябре 1924 года, опять склоняли В.И.Сорвачева — за устройство некоего “ужина” (это было признано “некоммунистическим поступком”, который разбирала Центральная контрольная комиссия). На той же конференции делегат Нестеров

сказал: “Пьянство в организации почти поголовное, очень мало найдется непьющих товарищей, и борьба с этой болезнью не ведется”. На VII конференции (январь 1926 года) сообщалось: “Основной болезнью в нашей организации является пьянство, а от него все последствия”. “Пьянство, хулиганство и прочее сильно отражаются в массе и подчас вызывают совершенно справедливые нарекания”.

В 1926 г. в обкоме РКП(б) началась “склока”, в которую оказалась втянута “вся областная парторганизация”. Одним из самых распространенных аргументов стало, как, очевидно, уже догадываются читатели, пьянство. Например, А.А. Маегов обвинял в различных неблаговидных поступках (в том числе и в пристрастии к хмельному) председателя областного исполкома Е.М. Мишарина.. В свою очередь, самого Маегова уличали в том же. Автор одной из направленных в коммунистические органы “справок” сообщал: “В субботу 6 ноября... тов. Маегов как председатель обплана на занятие не явился — передавали, кровью кашляет, а вечером уже в 12 часов ночи явился на... вечер с тов. Дроздовским и Кипровской выпившие, и меня удивило, как так, работать больной, а по ночам можно кутить и шляться — быть здоровым”. Примеры можно умножить...

Ей-богу, после знакомства с этими и им подобными документами, соответствующим образом характеризующими местное коммунистическое руководство революционных и послереволюционных лет, подавлявшее “белогвардейские мятежи” и гонявшееся с ножами за “буржуазией”, хочется налить и выпить. Впрочем, за чем же дело стало? Мало ли у нас праздников...

ПЕРЕВОРОТ

Если вам попадут в руки подшивки ветхих газет или архивные дела, не поленитесь перелистать их: на пожелтевших страницах вы встретите те же вопросы, которые и сегодня волнуют едва ли не каждого. Можно ли доверять обещаниям политиков? Кто из разных претендентов на власть “слева” и “справа”, “законных” и “незаконных” действительно способен улучшить жизнь населения, а кто может лишь посулить это? Знакомые нам по совсем недавнему времени инфляция, нехватка или дороговизна продовольствия и товаров, неверие власть придержащим, шараханье политических симпатий населения из одной крайности в другую — всё это уже было, было, было...

Верхи не могли...

Июнь 1918 г. Более полугода у власти в России стоят большевики, а в Коми крае они почти незаметны. Советская власть была провозглашена здесь (приходилось учитывать исторические реалии) в начале 1918 г. при минимальном их участии. Уездные Советы и их исполнкомы возглавлялись деятелями демократической ориентации. В Усть-Сысольском уездном исполнкоме Совета был только один пробольшевистский деятель — врач Д.И.Розанов, активный пропагандист “свободной любви” и поборник прав женщин на занятие проституцией (революция, учил он своих менее прогрессивных коллег, освободила женщин, и они теперь имеют право делать что хотят); в Яренском и Печорском уездисполкомах большевиков и сочувствовавших им не было вовсе. То, что в Коми крае коммунисты не пользовались известностью и авторитетом в массах, признавали сами руководители местных парторганизаций: “Организационная и агитационная работа (коммунистов — авт.) в... Яренском уезде начала вестись только в сентябре 1918 года... До сентября наша деревня знала о коммунистах только понаслышке”.

Демократическим руководителям Коми края приходилось работать в сложнейшей обстановке. Страна была изнурена длительной войной, а захват власти большевиками еще более дестабилизовал обстановку. Нарушились связи с другими регионами, возникли трудности со снабжением, инфляция обесценивала имевшиеся у населения небольшие сбережения. А.М.Мартюшев, Д.Я.Попов и другие уездные руководители выбивались из сил, чтобы хоть как-то обеспечить сносные условия жизни жителям края. В тот период они стремились строго придерживаться буквы и духа

принятых советских законов и по возможности избегать крутых мер, способных в это сложное время вызвать обострение социальной напряженности и привести к острым конфликтам. Насколько удачно действовали демократы, в чем были правы и в чем ошибались — это тема для отдельного серьезного разговора. Отметим главное: беда демократических деятелей заключалась в том, что за отмеренный им короткий срок они просто не успели в тех условиях решительно оздоровить обстановку. Требовалось еще какое-то время, чтобы можно было увидеть перемены к лучшему — если бы, конечно, центральные большевистские власти позволили бы местным демократическим органам руководить по своему разумению.

Но большевики и не думали давать демократам такого шанса, а население устало ждать. Экономическая разруха, угроза голода отнюдь не способствовали о stoutжению страстей. Часть населения требовала немедленных действий, улучшения положения любым путем, в ущерб законности, правам человека, не взирая на возможные катастрофичные последствия. Выразителем интересов этой части населения и стали большевики.

11 июня 1918 г. для укрепления коммунистической власти в деревне был принят декрет ВЦИК о деревенских комитетах бедноты. В руках комбедов оказывалась огромная власть, которая позволяла им не считаться с мнением большей части крестьянства. Лидеры левых эсеров выступили против комбедов, подменявших демократию “диктатурой сброва”: “Беднота — это ведь не класс. Здесь и пьяница, и трудолюбивый неудачник, и батрак, и проходимец. Почему они становятся первыми фигурами в деревне? Что в этом социалистического? Где пределы взаимной экспроприации?.. Ведь страшен, страшен будет результат: раскол России сверху донизу, резня, запустение, ненависть навеки...”

Семь бед — один комбед

К чему неизбежно должна была привести деятельность ставших над законом комбедов, наглядно показали развернувшиеся в Усть-Сысольске вскоре после издания упомянутого декрета события. В это время шел спор за право обрабатывать большой земельный надел в Човью между прежними его владельцами Кузьбожевыми и группой безземельных крестьян соседней слободки Нижний Конец. И те, и другие обращались к городским и уездным властям, не желая уступать друг другу. Городские власти высказались в пользу передачи земли новым владельцам, уездные решили оставить ее Кузьбожевым. Далее

по закону безземельным крестьянам следовало бы адресовать свою просьбу губернским органам, но они — видимо, под влиянием декрета о комбетах — решили поступить иначе и стали вершить суд и расправу сами. 13 июня около 20 вооруженных жителей Нижнего конца явились в Човью, устроили погром, избили двух членов семьи Кузьбожевых и потребовали, чтобы Кузьбожевы покинули Човью, угрожая в противном случае на следующий день сжечь всех их — мужчин, женщин и детей — вместе с домом.

Уездный исполком, узнав об этом, взялся за наведение порядка. Пять человек, участвовавших в погроме и избиении, были арестованы. В Човью для охраны Кузьбожевых от ожидавшегося посягательства на их жизнь был оставлен милиционер. Известие об аресте взбудоражило население Нижнего конца. Собравшаяся толпа в две-три сотни человек явилась в город. Немногочисленных милиционеров разоружили, арестованных освободили, пытались найти также жившего в том же доме председателя уездисполкома А.М.Мартюшева, чтобы убить его. Поздно вечером пять-шесть вооруженных людей явились в Човью и попытались ворваться в дом Кузьбожевых, дабы выполнить данную ранее угрозу. Они рассчитывали, видимо, найти там только избитых безоружных мужчин, перепуганных женщин и детей. Но находившийся там милиционер применил оружие и застрелил одного из нападавших; остальные разбежались.

14 июня уездисполком объявил Усть-Сысольск на военном положении и обратился за помощью к прибывшему накануне в город красноармейскому отряду С.Н.Ларионова как к наиболее организованной силе. Свою позицию А.М.Мартюшев и его коллеги сформулировали чуть позднее так: “Исполнительный комитет как местный орган власти, стоя на страже истинного социализма, равенства, братства и неприкосновенности личности, не может... стать на такую позицию, чтобы вопреки ясных законов... некоторые граждане, хотя бы и бывшие буржуи, были вне всякого закона о гарантии жизни и чтобы можно было их свободно бить и убивать кому вздумается”.

“Наступает анархия...”

Но наделение русского большевика С.Н.Ларионова обширными полномочиями военного коменданта было ошибкой. Он и прибывший в Усть-Сысольск ранее русский большевик матрос И.П.Андранинов решили использовать стихийно возникшую

ситуацию для осуществления переворота с целью усиления влияния большевиков в уездных органах власти. Опорой переворота стал отряд Ларионова.

Разумеется, посвящать в свои планы уездных лидеров С.Н.Ларионов не стал. 15 июня он организовал собрание в здании женской гимназии с участием членов горсовета, своих красноармейцев, представителей городской бедноты с окраин, солдат местного гарнизона и крестьян Выльгортской волости, а также нескольких членов уездного исполкома и сотрудников некоторых его отделов. Вначале он выступил с докладом “о текущем политическом моменте”, говорил о необходимости объединения “всех революционных сил, беднейших крестьян и рабочих, против врагов трудового народа”, призывал одобрить политику Совнаркома и ВЦИК. По его докладу была принята резолюция, один из пунктов которой объявлял “беспощадный террор всем врагам трудового народа и завоеваний Октябрьской революции”.

Затем Ларионов взялся за воплощение этой резолюции в жизнь. Он, по сообщению “Зырянской жизни”, “всё собрание вел с заранее определенным направлением” — добиться осуждения деятельности уездного исполкома и реорганизовать его. Частично это удалось. Мартюшев и некоторые другие члены исполкома были отстранены от должностей, вместо них ввели коммунистов и их сторонников (в том числе и уже упоминавшегося Розанова). Андрианов стал начальником милиции.

Примечательно, однако, что несмотря на подбор участников собрания, Ларионову и Андрианову не удалось добиться безоговорочной поддержки. Они не смогли, в частности, удалить из исполкома одного из активных его деятелей А.Ф.Богданова: большинство собравшихся решило оставить его членом исполкома и даже временным заместителем председателя. А представители выльгортских крестьян заявили, что вообще отказываются от голосования, поскольку “один город не имеет право производить реорганизацию исполкома, а это... может решить [только] весь уезд”. Возможно, поэтому организаторы переворота не довели его до конца и не заменили полностью весь состав уездного руководства своими ставленниками. Это могло вызвать недовольство значительной части населения, а отряд Ларионова не смог бы дольше задерживаться в Усть-Сысольске, чтобы охранять полностью прокоммунистическое руководство — нужно было уходить на Печору, где тоже остро требовались “организаторы”. Но часть дела была сделана.

Для того, чтобы завершить переворот и окончательно свергнуть избранных на съезде уездных руководителей, решено было срочно создать большевистскую ячейку. 16 июня 1918 г. в Усть-Сысольске по инициативе Ларионова, его помощника Дубровина и Андрианова состоялось организационное собрание местных прокоммунистических сил из числа работников горсовета и членов “Союза бывших военнослужащих”. Ларионов поведал слушателям о том, что такая партия большевиков и откуда она взялась, а затем предложил образовать большевистскую ячейку, что и было исполнено. В организационный комитет партии вошли 16 человек (в том числе и Д.И.Розанов). Его председателем стал И.П.Андранинов. Позднее этот комитет переименовали в горком.

Организаторы сразу же поставили перед ячейкой задачу овладения властью. С.Н.Ларионов высказался на сей счет достаточно ясно: “Политическая борьба есть единственный путь к достижению экономических требований”; “необходимо, чтобы у власти были свои люди”, а для этого “нужна организованность”. Создание тогда еще немногочисленной, но облеченней доверием и поддерживавшейся губернскими властями коммунистической организации стало одним из важнейших шагов к ликвидации демократических органов власти, установлению коммунистической диктатуры в Коми крае и фактическому лишению местного населения каких-либо прав.

17 июня уездный исполком с участием и “старых”, и “новых” членов обсуждал вопрос о произошедших событиях. Большинство осудило переворот и анархические выступления населения. Розанов же от имени коммунистов предложил считать, что все это было вызвано… “недоразумением”! В конечном итоге решили согласиться с произошедшими в составе уездисполкома изменениями, дабы не обострять обстановку, и созвать для окончательного демократического решения вопроса уездный съезд Советов. А.М.Мартюшев на прощание заявил: “Отстаивать свое право и продолжать службу под дулом направленного на меня револьвера я, конечно, не могу. Я слагаю с себя нравственную ответственность за всякие нежелательные для населения уезда явления, могущие произойти... Я ушел под давлением силы и насилия... В своей деятельности я руководствовался, когда уезд поставил меня во главе исполкома, постановлениями съезда и писанными нормами прав человека и гражданина. Теперь, когда говорят, что никаких норм, никаких законов не нужно, и что всякая кучка никем не уполномоченных людей может явочным порядком в любое время удалить со службы представителей своего

уезда — я уже вижу, что в стране наступает анархия со всеми разрушительными последствиями". Эти слова оказались пророческими...

Рассчитывать на то, что организовавшиеся и почувствовавшие вкус власти большевики согласятся на демократические выборы руководства, было по меньшей мере наивно. Уже 17 июня Розанов и Андрианов (в руках которого осталась милиция) объявили, что на съезд "должны быть присланы истинные защитники Советской власти, а если будут присланы другие, то им место в тюрьме". При этом право решать, кто "истинный" защитник, а кто не истинный, они оставляли за собой. Нужны им были, естественно, молчаливые и послушные... 31 июня губернское руководство разослало на места указание о необходимости "разгонять вооруженной силой" неугодные большевикам Советы. После того как в июле уездный съезд Советов осудил июньское большевистское выступление, отверг декрет о комбедах и избрал исполнком, где большевики не получили большинства, они решили выполнить свою угрозу и осуществили переворот и захватили власть в уезде.

Поначалу предельно простые, доступные пониманию жителей обещания большевиков быстро накормить людей с помощью ужесточения политики реквизиций "излишков" продовольствия и имущества привлекли на их сторону немалую часть населения Кomi края. Конечно, в июньских и июльских событиях участвовало относительно немного людей: основная масса жителей не была настроена пробольшевистски, но она оказалась равнодушна и к демократическим деятелям, не оправдавшим их надежд на улучшение жизни. Это-то равнодушие к судьбе избранных органов власти сыграло громадную роль в том, что население не выступило против организаторов переворотов, приняло власть новых большевистских Советов.

Феноменальная численность коммунистов

Осенью 1918 г. власть коммунистов и комбедовцев в Кomi крае стала фактически бесконтрольной — по крайней мере, со стороны большей части беспартийного местного населения. А любая бесконтрольная власть разворачивает обладающих ею людей. Тем сильнее это сказывается тогда, когда они не обладают достаточными политическими и иными знаниями. А это было, к несчастью, характерно для коми коммунистов, причем не только в 1918 г., но и в последующее время. Даже в активе членов президиума Кomi обкома

РКП(б) первого состава (1921 г.) были лишь церковно-приходская школа да — в лучшем случае — двухклассное уездное училище.

“Большинство волостных ячеек состоят из людей малограмотных, которые не могут вести ни культурно-просветительную, ни агитационную” работу, — говорилось в сводке по партработе Яренского укома РКП(б) за июль 1919 года. В марте 1923 года секретарь обкома А.М.Чирков сообщал на IV облпартконференции: “Марксистов у нас... во всей областной организации не более пяти...”; устьысольская организация “из 200 человек может выделить не более 30 членов в марксистский кружок пониженного типа, остальных нужно посадить за политграмоту. Это передовая организация...” Март 1924 года, V облпартконференция: в докладе о работе отдела агитации и пропаганды обкома констатируется, что “до 80 процентов членов всей областной организации политически неграмотно”. В январе 1926 года на VII областной конференции РКП(б) говорилось: “Последняя партроверка в нашем областном центре показала всем, что политически грамотных только 14,2 процента, малограмотных — 33,1 процента и кое-как разбирающихся — 19 процентов”. И Кomi край не был исключением. По данным общепартийной переписи, в 1922 г. 92,7% членов РКП(б) были фактически полуграмотными.

Делегат IV облпартконференции С.С.Трофимов сказал: “В деревнях при изучении программы и устава партии случаются казусы. Некоторые параграфы программы являются такое новостью, что можно думать, что члены РКП(б) попали в партию по недоразумению”. О недоразумении, впрочем, говорить не приходится. В.И.Ленин в 1920 году писал о том, что многих охватил “себлазн вступления в правительенную партию”. “Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительенной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать”, — отмечал он в “Детской болезни “левизны” в коммунизме”.

Но в словах Ленина — не вся правда. В правящую партию вступали не только карьеристы и проходимцы, которых, действительно, хватало и среди коми коммунистов, но и простые крестьяне. Оценив сложившуюся осенью 1918 г. обстановку, они поняли, что в условиях беспомощности Советов и всевластия партийных ячеек единственный способ влиять на решения местных властей, иметь какие-то привилегии — это вступление в РКП(б). К этому их порой просто вынуждали обстоятельства.

Организатор кажимской ячейки РКП(б) Леушин рассказал на губпартконференции, что поначалу в ячейке состояло шесть человек. Но после того, как поступили сведения, что голодающее население получит хлеб, если в поселке будет крупная парторганизация, сразу же “навербовалась партия в 120 человек, куда вошли спекулянты, купцы и т.п. Я не в силах был с этим бороться”, — говорил Леушин. Один из местных руководителей Е.А.Напалков вспоминал, что в селе Керчомья осенью 1918 г. “членов партии доходило до 150 человек и сочувствующих около 300 человек. Благодаря такому сильному росту в партию попадал совершенно чуждый элемент, и организация потеряла свой большевистский облик. Во время “красного террора” в партию вошли даже противники Советской власти”.

Неудивительно, что уже 3 ноября 1918 г. Яренский уком РКП(б) постановил “произвести чистку рядов партии в городских и волостных ячейках от негодных для партии элементов”. О необходимости тщательного отбора кандидатов в компартию говорилось в резолюции I Усть-Сысольского уездного съезда РКП(б). Чистки, впрочем, мало помогали. Численность коммунистов в Коми крае, особенно в Усть-сысольском уезде, достигла феноменальных по тем временам размеров. Д.Н.Улитин на губпартконференции в январе 1919 г. отметил: “Усть-Сысольский уезд стоит на первом месте в губернии по численности действительных членов. Их более двух тысяч человек и также более двух тысяч сочувствующих. В этом отношении его можно сравнить со всеми остальными вместе взятыми уездами нашей губернии”. (Для сравнения скажем, что до конца тридцатых годов численность всей Коми областной парторганизации была меньше, чем численность коммунистов одного Усть-Сысольского уезда в январе 1919 г., причем до конца двадцатых годов — более чем в два раза меньше: в 1921 г. — 617 членов и 116 кандидатов, в 1930 г. — 1222 и 569, в 1933 г. — 2081 и 1789, в 1939 г. — 1647 и 1197). В отчете Яренского укома РКП(б) за май 1919 г. говорилось: “В Яренском уезде ячейки выросли быстро. В каждой волости было по ячейке, а в некоторых даже по две и по три. Но когда стали объявлять мобилизации, то ячейки стали распадаться одна за другую... потому, что были созданы скороспело, а члены, вошедшие в ячейки, не были достаточно убеждены в идеи коммунизма”.

Борьба большевиков против власти Советов

Начавшийся с захвата большевиками руководства в уездных Советах процесс развивался дальше. Все Советы должны были

находиться под полным контролем коммунистов. Еще 21 июля 1918 года устьсисольские большевики приняли решение: “На будущее время при подборе служащих руководствоваться рекомендацией таковых со стороны Усть-Сысольского комитета РКП(б)”. 15 сентября 1918 года из Усть-Сысольского горсовета вывели всех беспартийных, и там остались только большевики. На V Яренском уездном съезде Советов в октябре того же года большевики заявили, что “все поступающие в Совет должны иметь рекомендации или от организации коммунистов или от деревенских комитетов бедноты”. В резолюции I съезда РКП(б) Усть-Сысольского уезда (декабрь 1918 г.) говорилось: “Все ответственные служащие в советских учреждениях должны быть партийными, и вся работа должна вестись под контролем партии коммунистов”.

Решения о создании комбедов в уездах были приняты тотчас после прихода коммунистов к руководству уездными исполкомами, и несмотря на сопротивление значительной части крестьянства (например, в Читаево местные жители на общем собрании 7 августа отказались от организации комитетов деревенской бедноты), вскоре они под давлением большевиков появились повсеместно. Функции комбедов быстро вышли далеко за рамки, определенные декретом ВЦИК. Они стали заниматься организацией хозяйственной жизни деревни (если то, что они делали, можно назвать “организацией”), мобилизацией в Красную армию, переделом земли и т.д. Партичайки и комбеды, которые в большинстве вскоре также стали состоять из коммунистов, фактически подменили собой волостные Советы, лишив последние всякой власти. Об этом прямо сказал на Северо-Двинской губпартконференции делегат от Усть-Сысольской уездной коммунистической организации Д.Н.Улитин: “Волостные ячейки сразу после своей организации взяли в свои руки всё управление волостью”.

Логическим завершением всего этого могло стать... полное упразднение Советов депутатов как демократически избираемых органов власти всего трудового населения — т.е., по сути, ликвидация Советской власти на местах в том виде, в каком она создавалась и в каком была с энтузиазмом воспринята немалой частью населения. Намерение сделать этот последний шаг существовало и даже начало осуществляться. 9 ноября 1918 г. VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов под диктовку коммунистов принял решение о перевыборах на местах, причем их проведением должны были заниматься комбеды (которые после этого подлежали роспуску). Но

перевыборы Советов депутатов, осуществлявшиеся под контролем коммунистов и комбедовцев, должны были дать в итоге качественно иные органы власти — Советы бедноты.

19 декабря 1918 г. яренские “Известия...” сообщили: “В уезде приступлено к организации советов бедноты, единого органа Советской власти вместо Совдепов и комбедов. Потребность этой единой организации советвласти в деревне сказывалась местами очень остро. Постоянно возникали трения между Советами и комбедами. Советы бедноты являются тем постоянным и подлинным выразителем бедной... деревни, который будет главной опорой при проведении в жизнь декретов из центра, коренным образом переустраивающим крестьянское хозяйство. Беднота, полупролетарии деревни, в совете бедноты будет его ядром... Тов. коммунистам деревни предстоит большая работа: провести своих верных и твердых людей в совбеды”. Итак, в отличие от Совдепов, избираемых (по крайней мере, в теории) демократически всем крестьянством, в Совбедах основная роль однозначно отводилась бедноте, меньшинству населения. Середнякам (при том, что, по свидетельству той же газеты, “наш крестьянин-середняк где-нибудь в центральных или южных губерниях считался бы настоящим бедняком”) обещалось лишь некое “представительство” (очевидно, немногочисленное) в совбедах, причем эти представители должны были идти “за беднотой”. О зажиточных крестьянах, естественно, и речи не велось.

В принципе, создание Совбедов являлось попыткой использовать популярное слово “Советы” для сохранения несколько реформированных в угоду политической конъюнктуре комбедов и для того, чтобы избавиться раз и навсегда от Совдепов — этого раздражителя, лишенного власти, но продолжавшего пользоваться определенной популярностью у населения. В документах 1919 года можно встретить упоминания как о Совдепах, так и о Совбедах, но попытка ликвидации Совдепов в конечном итоге провалилась — вероятно, из-за резко отрицательного отношения населения к этой затее большевиков. К сожалению, проблема, связанная с Совбедами в Коми крае, практически не исследована...

Коммунист — пугало для детей

От местных большевистских лидеров ждали — как до этого от всех предшествовавших руководителей уездов — улучшения жизни. Но обещанное улучшение не наступало; наоборот, становилось все хуже и хуже. Да и можно ли было добиться каких-нибудь улучшений, если организационная, хозяйственная работа отошла для новых руководителей на задний план, а главным было “разделение деревни” на два лагеря — на прокоммунистический и на всех остальных, “врагов народа”. Этот процесс шел весьма успешно, а вот с остальным дела у них не ладились. 30 октября 1918 г. устьсисольский уездный продовольственный комиссар Е.М.Мишарин докладывал: “Население Усть-Сысольского уезда голодает. Положение с продовольствием... приняло угрожающие размеры...” В июне 1919 г. на Усть-Сысольском уездном съезде Советов крестьянской бедноты делегаты сообщали о тяжелейшем положении жителей: “Едим одну кору и опилки, нет даже соломы”, “съедаем по 50 пудов коры в день”, “умирают от голода дети и взрослые”. “Голод грозит довести народ до отчаяния, до нравственного безразличия, до пробуждения зверя”, — отмечала “Зырянская жизнь” 28 июня 1919 г.

Отрицательно сказывались на состоянии населения и негативные последствия всевластия большевистских ячеек и комбедов, в деятельности которых наблюдалось немало “перегибов” и прямых злоупотреблений властью (в том числе грабежей и пыток своих односельчан). Вот что услышали делегаты I Усть-Сысольского уездного съезда РКП(б) от представителя Большегулской парторганизации: “Первоначально ячейка действовала удовлетворительно, но впоследствии некоторые члены во главе с председателем Поповым стали преследовать личные цели и проявлять систематическую форму обирательства граждан, забирая у них, питающихся соломой и разными суррогатами, последние предметы первой необходимости”. Делегат от Аныбской волости рассказал съезду эпизод из деятельности своей коммунистической организации: “По слухам, один солдат Аныбской волости Лобанов привез с военной службы 18000 руб. Ячейка потребовала эти деньги целиком, но Лобанов не хотел дать их добровольно, за что он в виде острастки был опущен в прорубь на непродолжительное время, но не по горло, а только помочил ноги” (какой, однако, “туманизм” — а могли ведь вообще бросить в прорубь с камнем на шее...). Доставалось не только беспартийным. Позднее, в 1922 г. на III облпарктконференции, делегат Липин сделал такое примечательное заявление: “Не мешало бы

указать Леканову (секретарю укома партии — авт.), чтобы он изжил битье сапогами членов партии". Интересно, как относился Липин (тоже не рядовой коммунист) к битью беспартийных?..

Далеко не всегда большевики, причем не рядовые, были примером в том, что касалось выполнения решений своего же руководства. Так, побывавшие в Часово петроградские большевики-агитаторы докладывали, что волостной комиссар коммунист Логинов "спрятал хлеб от учета. Но крестьяне нашли, и пришлось его (Логинова — авт.) арестовать. Это страшно отразилось на крестьянах, которые волновались на собраниях, указывая, что вот вам и коммунист, а хлеб прячет... Были страшно возмущены... Пришлось действовать на них угрозой..."

Следствием всего этого были конфликты в деревне, об опасности которых предупреждали свергнутые большевиками лидеры демократических Советов. Родло недовольство и сопротивление властям, но одновременно и власть, почувствовав это, усиливала нажим на деревню, стремясь силой привести в жизнь "генеральную линию". Это не могло не привести к террору с обеих сторон — к террору власти и к террору против власти. (Любопытно, что, как сообщает Д.А.Волкогонов, В.И.Ленин в 1905 г. в заметках "О терроре" писал: "При неслыханной жестокости правительственный преследований... политические убийства являются совершенно естественным и неизбежным ответом со стороны населения").

Сообщения газет осенью 1918 г. напоминают сводки с места военных действий. "В ночь на 9 сентября в с. Керчомья неизвестными лицами убит секретарь волисполкома Гичев". 18 сентября "Керчемский комитет партии коммунистов-большевиков доносит, ...что следствие об убийстве... А.П.Гичева продолжается. В первое время было арестовано более 20 человек, 3 человека как главные виновники убийства растреляны на месте, а двое убежали. Реквизиции и конфискации имущества и лишних(!) вещей продолжаются. Установлен полный порядок". 22 октября в Керчомье во время завязавшейся при реквизиции скота перестрелки крестьянином Самариным был убит пьяный дружиинник-коммунист Жикин. Керчемская ЧК сообщила: "Вся родня Самарина арестована в числе 21 человека обоего пола. Следствие продолжается и аресты..." Самарин с сыном скрылись в лесу, за ними были отправлены 200 вооруженных людей, затем еще 600 человек. Беглецов настигли и убили на месте. В качестве доказательства смерти у одного из трупов отрубили кисть руки и доставили в следственную комиссию (пожалуй,

оставалось только начать снимать скальпы...). То же самое происходило в других селениях края...

Виктор Савин зимой 1918-1919 гг. писал, что авторитет компартии в Усть-Сысольском уезде “в корне” подорван, “а слово “коммунист” стало чуть ли не пугалом для детей”. На губернской партконференции отмечалось, что в Коми крае “крестьянство недоверчиво относится к коммунистам”, находится в оппозиции к ним. Но допустить коммунистов к власти было гораздо проще, чем избавиться от них, не выполнивших ни одного из своих обещаний, но не собиравшихся отдавать кому-либо кормило власти — пусть у них не было ни сил, ни знаний для того, чтобы улучшить жизнь местного населения, но зато имелись штыки и пули для того, чтобы никто иной не попытался сделать это вместо них. Прозрение жителей Коми края наступило слишком поздно. Началась жуткая эпоха красного террора и военного коммунизма...

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НАЧАЛ ВОЙНУ НА УДОРЕН

Вообще-то Николай Иванович Ворсин войну начинать не собирался. У небольшого его отряда было простое дело — проверить, не торгуют ли на Удоре хлебом сельские буржуи, и приструнить их, коль нос задирают. Но неожиданно вылилось все в большую кровь...

Красный ревизор

Н.И.Ворсин родился в Усть-Выми в бедной крестьянской семье, но сумел получить пристойное образование и до 1914 г. преподавал в школе грамоты в селе Вылиб на Удоре. Затем грянула мировая война, солдаты стали нужнее учителей, и Ворсина призвали в армию. Он находился на фронте, хлебнул там, как и все, лиха и потому очень проникся большевистской идеей относительно того, что с войной пора завязывать. Не знаем, усвоил ли тогда Николай Иванович еще какие-нибудь программные установки большевистской партии, но в революционных событиях 1917 г. в Петрограде он, во всяком случае, участвовал.

После демобилизации Н.И.Ворсин вернулся в Яренский уезд. В сентябре 1918 г. он примкнул к захватившим власть в Яренске коммунистам, стал депутатом Яренского уездного Совета и членом уездного исполкома. Тогда же, вероятно, он вступил в компартию. Время было тревожное, в стране начиналась гражданская война. До Коми края военные действия еще не докатились, но на рубежах Яренского уезда было тревожно. В пограничном с Удорой Мезенском уезде руководили белые.

Еще в конце августа до Яренска стали доходить слухи, что жители ряда удорских волостей относятся к белым с симпатией, но некоммунистическое советское руководство Яренского уезда не было этим особенно озабочено. После большевистского переворота настроения в Яренском исполкоме, естественно, изменились. 18 сентября уездные лидеры с неудовольствием узнали, что вместо того, чтобы организовывать комбеды и сдавать хлеб и пушнину яренским коммунистам, удорцы норовят, понимаешь, все это продать белогвардейцам и англичанам и вообще подумывают отделиться от советского Яренска и войти в состав враждебного Мезенского уезда. На объединенном заседании исполкома, военкома и чрезвычкома решено было отправить кого-нибудь на Удору разобраться с тамошними безобразиями. Командующему Северо-Восточным фронтом Кедрову (прославившемуся своей жестокостью при

подавлении антикоммунистических выступлений на Севере) послали телеграмму с просьбой “немедленно выслать 100 вооруженных латышей, 2 пулемета, ...150 верст телефонного кабеля, 25 аппаратов с коммутаторами” “для предупреждения вторжения белогвардейцев, подавления на Удоре контрреволюции, прекращения спекуляции”.

Подозреваем, правда, что яренские лидеры решили несколько преувеличить грозившую им опасность и вряд ли на самом деле рассчитывали, что Кедров пришлет им латышей с пулеметами для устрашения удорских “спекулянтов”. Вряд ли они серьезно задумывались о возможности скорого вторжения белых войск на Удору или каких-нибудь “контрреволюционных выступлений” местных жителей (по крайней мере, выступлений вооруженных, ибо под “контрреволюцией” тогда могли понимать все, что угодно). По воспоминаниям одного из красных командиров, И.В.Епова, исполком “надеялся, что его представитель все уладит мирным путем”. По крайней мере, прошло еще шесть дней, прежде чем в Яренске наконец-то определились, кого все-таки послать подальше (в смысле — в самую отдаленную часть уезда), на Удору. Выбор пал на Н.И.Ворсина — вероятно, потому, что он был уже знаком с этим районом. Отметим, что в постановлении уездного исполкома 24 сентября говорилось, что Ворсина отправляют лишь для “прекращения спекуляции” и “смягчения продовольственного кризиса” (о “вторжении белых” и речи не было). Впрочем, мандат Николаю Ивановичу выдали грозный, в лучших традициях того времени — “на право обысков, арестов, реквизиции и конфискации имущества, наложения контрибуций, смещения с должностей, предания суду” не исполняющих “беспрекословно” его приказы. Ну а уж “в случае вооруженного сопротивления” Ворсин имел “право принимать самые крутые меры, вплоть до расстрела”.

Во главе 20 красногвардейцев Ворсин выступил на Удору, захватив еще 25 винтовок для вооружения местных пробольшевистских элементов, которых надеялась завербовать в продотряды. Прибыв на Мезень, Н.И.Ворсин в конце сентября — начале октября, по его словам, “обревизовал волостные учреждения в Кослане, Глотове, Селибе” и, к своему удовольствию, “не нашел там больших отклонений от Советской власти”. В большинстве селений, сообщал Н.И.Ворсин, “население твердо стоит на платформе Советской власти”. Иная ситуация была в селе Чернутьево, основная часть жителей которого имела довольно крепкие хозяйства и негативно воспринимала политику коммунистов. Исполком Чернутьевского

сельского Совета отказывался исполнять распоряжения яренских руководителей относительно запрещения торговли хлебом и конфискации хлеба. Поэтому Н.И.Ворсину “пришлось обновить состав сельского исполкома, вычистить оттуда буржуазные элементы”.

С Мезени Ворсин направился в верховья Вашки, в Ертомскую волость. Там беднота составляла большинство жителей, и красногвардейский отряд получил полную поддержку. “В начале октября, — докладывал Н.И.Ворсин, — я встретил в дер. Разгорт агитатора..., побывавшего в ...Важгорте и Чупрове. Он мне заявил, что дела” в этих селах “обстоят неблагополучно для Советской власти: важгортцы и чупровцы не признают распоряжения, исходящие из гор. Яренска, а выполняют только распоряжения, поступающие из Усть-Вашки и гор. Мезени”, т.е. от белых. Ворсин получил от агитатора совет: действовать в названных селах “решительно” и “сразу же арестовать местных богатеев”. “Закончив благополучно дела в верхних Удорских волостях”, Н.И.Ворсин “спешно начал готовиться к выезду в нижние Удорские волости — Важгортскую и Чупровскую” (из его донесения в Яренск).

У страха глаза велики

Появление двух десятков “ворсинцев” на верхней Мезени и верхней Вашке вызвало большую (но едва ли оправданную) тревогу белых властей Мезенского уезда. Еще в самом конце сентября комендант Мезенского уезда докладывал в Архангельск, что в его распоряжении “имеется отряд из 9-ти (!!!) добровольцев”, но, к счастью, противника “в районе уезда нет”. Но известия о появлении красного отряда обеспокоили население Важгортской и Чупровской волостей. Опасаясь репрессий за свое неповинование коммунистической уездной власти, жители этих волостей стали вооружаться и обратились за помощью в Мезенский уезд, вероятно, изрядно приукрасив грозящую опасность. И вот 8 октября мезенцы запросили у Архангельска срочной помощи: “Необходимо прислать.. значительный военный отряд, пока не наступила распутица. Если большевики сделают нападение в распутицу, ...население будет разгромлено... Положение серьезное”.

Конечно, 9 добровольцев супротив 20 красногвардейцев — соотношение пугающее. Однако властям Мезенского уезда не составило бы труда набрать несколько десятков людей из местных жителей, готовых воевать с большевиками (что они, кстати, вскоре

и сделали). Но у страха, как известно, глаза велики. К тому же похоже, что мезенские лидеры перепутали Ворсина с неким “бывшим членом усть-вашского исполнкома Вурдовым”, видимо, изрядно им насолившим, которого они намеревались было арестовать, да не смогли. 10 октября в Архангельск полетела новая отчаянная телеграмма: “Срочно выслите отряд в 150 человек, 3 пулемета с командой и 50 винтовок” (до чего похоже на обращение яренчан к Кедрову!). “Вурдов формирует по достоверным (да уж! — авт.) сведениям сильный отряд, дав обещание Яренскому Совдепу захватить Мезенский уезд... Движение Вурдова намечается от Глотовской по Мезени на Пыссы, а второй отряд через Чупрово на Вашку... Усть-Вашке угрожает опасность с двух сторон. Население надеется на помощь”.

12 октября мезенский уездный комиссар попросил генерал-губернатора “сегодня же выслать в Мезень внушительный военный отряд” и оружие. “В случае неприсылки сил будем поставлены в ужасное положение”. В тот же день Временное правительство Северной области (так называлась территория Европейского Севера России, находившаяся под контролем белых) заслушало “внеочередное сообщение... о наступлении большевиков на Усть-Вашку” и, решив, что положение и впрямь угрожающее, постановило “командировать для освобождения (?) населения Усть-Вашки от большевиков 100 человек” и обратиться к союзникам-иностранным, чтобы те направили на Вашку “хотя бы небольшой отряд” своих войск.

Руководство Мезенского уезда 13 октября сообщило в Архангельск, что “положение безнадежное”, и объявило уезд на осадном положении. (Архангельскому начальству показалось, что это уже чересчур, и генерал Самарин начертал на сообщении резолюцию: “Надо указать на недопустимость осадных положений — довольно и военных”). На нижней Вашке срочно было набрано 50 добровольцев, которые направились в Важгорт на пароходе, носившем весьма символичное в создавшихся условиях название “Надежда”. По любопытному стечению обстоятельств командовавший ими подпоручик Калининский (родом из Усть-Вашки) в прошлом был, как и Ворсин, учителем, тоже воевал на Первой мировой... 14 октября командующий войсками Северной области Б.А.Дуров на заседании Временного правительства отметил, что “продвижение большевиков к Усть-Вашке сильно тревожит весь край”.

Первая кровь

Между тем Николай Иванович даже не подозревал о том переполохе, который наделал в самых высших кругах Северной области своим появлением на Удоре, и спокойно продолжал свою экспедицию. 15 октября 1918 г., “закончив с обследованием в Ертомской волости”, его отряд выступил вниз по Вашке, дошел до д.Чирки, “где задержался на один день в связи с подготовкой для дальнейшего следования”. Местные учителя, только что вернувшиеся из Важгорта с совещания педагогов, сообщили бывшему коллеге Ворсину, что там “пока все спокойно, белогвардейцев не имеется”, и что важгортцы ожидают прибытие “баржи с хлебом, …заготовленным для жителей” волости белыми властями Мезенского уезда.

Утром 16 октября 1918 г. Н.И.Ворсин выступил из д. Чирки, взяв с собой одну подводу и лодку, на которых он вез ящики с патронами и 18 винтовок “для организации на месте продовольственных отрядов и отрядов охраны” из пребольшевистски настроенной бедноты. Примерно в трех верстах от Важгорта, “в местности, называемой Важгортский перевоз”, отряд разделился. Основная часть красных была отправлена Ворсиным вместе с подводой по тракту, а сам он на лодке поехал с проводником М.Осиповым “к Важгортской пристани, где в это время стоял какой-то пароход”. “Мне, — объяснял позднее свои действия Н.И.Ворсин, — нужно было скорее попасть к пристани, чтобы проверить, что за пароход там стоит и какие грузы он имеет на борту”. Удивительно, что появление судна из белого Мезенского уезда (а больше пароходу взяться было просто неоткуда!) почему-то не заставило красного командира принять хоть какие-то меры безопасности. Мало того, что Ворсин оставил свой отряд; он еще и прихватил с собой… попутчика — статистического служащего Н.И.Бронникова (кстати, полного тезку Ворсина), попросившего подвезти его до Важгорта. Честное слово, Николай Иванович как будто на дачу ехал! Война? Какая еще война...

Но в благодушном настроении Н.И.Ворсин пребывал недолго. “Отъехав от перевоза, минут через десять” он “услыхал сначала одиночные выстрелы, а потом последовали ружейные залпы со стороны тракта”, по которому шел к селу его отряд. Белые добровольцы, к которым, по сообщению Калининского, примкнуло для сражения “против красноармейцев все местное население Важгортской и Чупровской волостей”, заняли позиции на подступах к Важгорту и встретили приближавшихся красных огнем. После короткой перестрелки красные, бросив подводу с вооружением и

ничего не зная о судьбе своего командира, бежали до самого Ертoma. Один красноармеец был убит, четверо “пропали без вести” (позднее они тоже объявились в Ертоме, изрядно поплутав по лесам — видимо, с перепугу не сразу сориентировались, в какой стороне надо спасаться). У белых потерь не было. Это было первое сражение гражданской войны на Удоре...

А Ворсин, заслышиав пальбу, по его собственному честному признанию, даже “не успел... как следует уяснить положение”, как вдруг “из прибрежных кустов повыскакивали вооруженные люди и стали стрелять”, требуя, чтобы Николай Иванович и его спутники высадились на берег. Ворсин “приказал ямщику-проводнику держаться противоположного берега, поняв, что это белогвардейцы”. Тогда белые открыли прицельный огонь и убили ямщика. Ворсин “выбросился из лодки в воду, ухватившись одной рукой за нос лодки, стал грести руками к берегу”. Выстрелы прекратились. “Когда течением реки лодку прибило к берегу, — докладывал Н.И.Ворсин Яренскому уездисполкуму, — я выскочил на берег и скрылся в лесу, ничего не зная о судьбе своего отряда”. Бронникова он бросил, а тот во время стрельбы потерял пленсне и, будучи сильно близоруким, не смог сориентироваться в местности и был арестован белыми. Ворсин скитался по лесу, “остерегаясь кулацких засад”, и лишь на вторые сутки добрался до с. Ертом, где и встретился со своими более резвыми бойцами.

Гонка вооружений по-удорски

После столь неудачного похода на Важгорт Н.И.Ворсин больше не стал предпринимать ничего. 18 октября 1918 г. он отправил в Яренск донесение, сообщил о событиях и о том, что “в ожидании дальнейших распоряжений... остановился с отрядом в с. Ертоме”, где и будет “держаться... до присылки подмоги”. Теперь пришла уже очередь Николая Ивановича сгущать краски (впрочем, ему посодействовал сбежавший из Важгорта секретарь волисполкома, который сообщил, что “ожидается прибытие еще одного парохода с 400 человек при пулеметах и орудиях”). “Жители Ертомской волости надежно стоят за Советскую власть, обещают мне помочь, — писал Ворсин, — но общее положение на Удоре создалось опасное для нас. По слухам, белые ожидали из Усть-Вашки пополнение людьми и оружием и собираются наступать вверх по Вашке и Мезени на советские волости. Очень возможно, что белогвардейцы попытаются оттеснить наш отряд из Удоры. Нужно быть готовым ко всему”.

Ворсин требовал “немедленной присылки... надежного отряда Красной Армии, продовольствия, вооружения”, установки телефонной связи.

Его противник Калининский, вернувшись в Усть-Вашку, 21 октября сообщил в Архангельск об одержанной победе (“в Важгортской волости власть Советов пала”, местные жители “единогласно решили присоединиться” к Мезенскому уезду) и в свою очередь предупредил: “Ожидается сильный карательный большевистский отряд. Спешно нужно подкрепление в 250 человек с пулеметами”.

Известие о неудачном вооруженном столкновении с белыми под Важгортом было для яренского уездисполкома как гром среди ясного неба. До этого от Ворсина долго не было никаких вестей, но, по воспоминаниям И.В.Епова, “исполком сильно не тревожился” из-за этого. И вдруг такое... 24 октября 1918 г. созвано экстренное заседание Яренского исполкома. Председатель П.И.Покровский доложил сотоварищам “о положении отряда тов. Ворсина на Удоре”. Решено было отправить на Удору красноармейский отряд и “возбудить ходатайство перед центром об отпуске средств и материалов для телефонной связи с Удорой”. 25 октября из Яренска на Удору выступил отряд под командованием И.В.Епова. Местная газета сообщила, что он “набран из красноармейцев, добровольно пожелавших идти на Удору указать место белогвардейской сволочи. Мы уверены, что белые хулиганы будут висеть на удорских соснах и елях. Там их хватит!” (Между прочим, ругательство “хулиганы” было, похоже, весьма популярно по обе стороны линии фронта: генштаб белых 17 октября сообщал, что удорские селения “подвергаются налетам красноармейцев и примкнувших к ним местных хулиганов”).

В начале ноября красноармейское пополнение появилось в Ертоме. Бойцы Н.И.Ворсина, влившись в отряд Епова, вздохнули свободнее. Белые, кстати, никаких активных действий более не принимали. Их добровольцы разошлись по домам, видимо, удовлетворившись тем, что отбили “грозное нашествие” и спасли важгортцев, Мезенский уезд, а может, и всю Северную область... Красные понемногу тоже успокоились, стали налаживать в верховьях Варки привычную им жизнь и 7 ноября отпраздновали в Ертоме первую годовщину Октябрьской революции с манифестацией, песнями, лекцией и салютом. “По инициативе товарищей Князева, Ворсина и Помылева был устроен вечерний митинг, на котором вынесена по текущему моменту... резолюция”, призывающая к борьбе с белыми и кончавшаяся словами: “Смерть врагам и паразитам!”

В Важгорте организацией обороны занимался прибывший из Архангельска подпоручик А.М.Стышнев, обучавший азам военного искусства местных жителей. Возможностей для этого у него было немного. Командующий белыми войсками этого района Д.Д.Шапошников предупреждал его: “Мы бедны. Часть вооружения, отряда и 2 пулемета отберу через 12-15 дней, так как предстоит солидный поход в совершенно другом направлении. Постарайтесь скорее покончить с бандами”. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: на соседней Пинеге житель с. Нюхча И.П.Попов “сформировал по своему почину” белый партизанский отряд, но под нажимом красных вынужден был 17 ноября отступить на Вашку, где и влился в войско поручика Стышнева — и как раз вовремя...

От испуга — к победам

25 ноября 1918 г. отряд Епова и Ворсина при участии ертомских добровольцев двинулся вниз по Вашке, однако добрался опять-таки только до деревни Чирки. Там красные остановились, решив подготовиться к дальнейшему наступлению — но не тут-то было. Белые не стали их ждать и ночью окружили деревню со всех сторон. Красноармейцы слегка пригорюнились (И.В.Епов дипломатично написал, вспоминая об этих событиях: “Количественный перевес противника несколько умалял уверенность в свои силы”). Решено было “на случай неудачи” вывезти канцелярию и обоз. С последними приключилась незадача — они целиком попали прямо в руки белых, разогнавших их охранение. Ободренные таким подарком, важгорцы, чупровцы и “примкнувшие к ним” белые добровольцы из других мест энергично атаковали противника, и вот уже часть красных дрогнула и побежала. “Удержать остальных было невозможно”, — с грустью констатировал Епов. Выбираясь из “котла”, красные переплыли реку и по той стороне Вашики, скрываясь в лесах, пробрались в ставший уже родным для них Ертом.

Рассказы об очередном поражении, как признавал Епов, произвели на ертомцев удручающее впечатление. В селе стали лихорадочно рыть окопы, укрепляться, собираясь дать врагу решительный бой. Но вскоре до Ертoma опять дошли слухи (о, эти слухи — без их влияния, наверное, события гражданской войны не развивались бы так захватывающе!), что помимо коварных важгорских кулаков, мечтающих добраться до ертомской бедноты, на красных движется белогвардейский отряд в тысячу человек с Мезени (иные говорили и посильнее — что едут, мол, из Мезенского уезда на

оленях две тысячи англичан!). Епов и Ворсин сочли за лучшее отступить. Епов вспоминал, что ертомское “население недоумевало и выражало явное недовольство”, ибо красные клятвенно обещали защитить их. Красноармейцы ушли сначала в Вендингу, а 2 декабря, махнув на Удору рукой, двинулись в Яренск.

Настала очередь запаниковать яренским лидерам. 3 декабря уже Яренский уезд был объявлен на осадном положении (“абсолютно воспрещались”, в частности, “всякие собрания, хотя бы и на частных квартирах”, “хождение по улицам группами”, зажигание огней в частных квартирах после 10 часов вечера” и т.п.; “за появление на улицах в нетрезвом виде” предавали “военно-революционному трибуналу”; наказание за все эти преступления — “вплоть до расстрела”). 4 декабря яренский Революционный Совет принял обращение к населению уезда, в котором объявил, что “начался последний и решительный бой” против “кулаков и их друзей-приятелей, так называемых социалистов-предателей” за Советы и “горячо любимого вождя Ленина”. Поведав, что белые “к великому сожалению, уже заняли весь Удорский край”, ревсовет призвал “раздавить белогвардейскую банду, осмелившуюся поднять голову”, “раз и навсегда покончить с этой дрянью”. “Зорко следите за своими врагами, эксплуататорами-кулаками. Душите их!”

Забеспокоились и в соседнем Усть-Сысольске. “Положение в городе тревожное ввиду белогвардейских выступлений на Яренск”, — телеграфировали оттуда командованию красных в Котлас 1 декабря. Срочно собирались отряды для отправки на Удору. 5 декабря командующий 6-й армией красных генерал Самойло получил “сведения о волнениях в Яренске”, и срочно поручил выслать туда оружие и подкрепления, связаться с ревсоветом, лично с Н.И.Ворсином и проинструктировать их относительно дальнейших действий. Белые, надо сказать, и не думали наступать на Яренск — сил для этого у них не было.

Красные быстро сумели собрать немалые силы, организовали в декабре 1918 г. сводный Вашко-Мезенский отряд во главе с И.С.Кривенко. Н.И.Ворсин стал начальником штаба. Он участвовал в наступлении красных на Вашке. 4 января 1919 г. красные заняли Ертом, затем Иб, Чирки, Выльвидз, 12 января наконец-то подошли к Важгорту. Окруженные важгортцы оказали упорное сопротивление, отстреливались из пулеметов, винтовок, охотничих ружей. Епов так описывал обстановку: “Наши части подходили все ближе к Важгорту. Вести людей в атаку было преступно. В глубоком снегу

под пулеметным огнем частям грозила верная гибель. Решено было действовать выдержкой". Красные открыли по селу массированный огонь из пулеметов и винтовок. Из-за сильного (около 40 градусов) мороза оружие и у белых, и у красных действовало с перебоями, приходилось отогревать его. Перестрелка продолжалась десять часов! В конце концов защитники села прекратили сопротивление, чтобы сохранить жизнь женщин и детей, подвергавшихся обстрелу красных наравне со всеми.

Коптюжская крепость

В последующие две недели красные захватили Муфтугу, Чупрово и другие населенные пункты на Вашке и подошли к последнему коми селению — Коптюге. 27 января красные предприняли первое наступление на деревню. Шесть часов шел бой, красноармейцы атаковали Коптюгу несколько раз, но так и не смогли захватить ее — местные жители и белогвардейский отряд с низовьев Вашки выдержали их напор. 3 февраля последовало второе наступление, 8 февраля — третье, и опять безуспешно. Коптюга стояла, как крепость. Выбившиеся из сил красные части более чем на полтора месяца прекратили попытки завладеть упрямой деревней. В марте стоявшим под Коптюгой красноармейцам привезли пушки. В 6 утра 31 марта они открыли по селению артиллерийский огонь и в четвертый раз двинулись в наступление, надеясь, что теперь успех точно будет за ними. Но в ответ также раздался гром пушек, оказавшийся для красноармейцев неприятным сюрпризом: они не подозревали, что белые, решившие Коптюгу не сдавать, тоже привезли орудия. Артиллерийская, пулеметная и т.п. перестрелка продолжалась 18 часов! Красные выпустили 400 снарядов по деревне, в которой в 1918 г. насчитывалось 82 дома и 369 жителей — почти по 5 снарядов на каждый дом, по снаряду на каждого жителя, включая грудных детей и дряхлых старух... Значительная часть селения была превращена в пепелище. (Заметим в скобках, что только к середине 1925 г. численность местных жителей достигла "дообстрельного" уровня — 81 дом, 375 жителей). Но Коптюга снова выстояла! В начале апреля красные в пятый раз двинулись было на штурм непокорной деревни, и кто знает, чем бы все кончилось, если бы именно в этот момент не пришел приказ их командования — отступать, вообще уйти с Удоры!

Вначале красные отошли на нижнюю Вычегду. Потом Вашко-Мезенский полк был выведен на Северную Двину (в июне 1919 г.),

где Н.И.Ворсин и воевал до завершения гражданской войны на Севере в начале 1920 г. В 1921 г. стали создаваться органы власти Коми автономной области. 22 июня 1921 г. состоялось первое заседание Усть-Вымского районного революционного комитета, на котором распределялись обязанности между членами районного руководства. Секретарем ревкома решено было назначить Н.И.Ворсина. С этого времени и до 1930 г. он занимал различные должности в советских органах. В 1930 г. Н.И.Ворсин начал работать в аппарате ВЦИК в Москве. Когда началась Великая Отечественная война, он ушел на фронт. Своей третьей войны Николай Иванович уже не пережил. Он погиб 13 ноября 1941 г.

“ЗЕЛЕНОЕ” ПРАВИТЕЛЬСТВО УДОРЫ

При слове “зеленые” (применительно к периоду гражданской войны) сразу вспоминается известный советский телесериал “Адъютант его превосходительства”. Помните, там группа белогвардейских офицеров и два красноармейца-большевика попали в плен к крестьянскому отряду “зеленых” и вынуждены были потом вместе оттуда выбираться? Сегодня чаще всего “зеленые” ассоциируются с организацией “Гринпис”, защитниками природы. Но нет-нет да и вспомнят газетчики о “зеленых” времен гражданской войны, описывая бандитские нападения на дорогах...

Капитальная энциклопедия “Гражданская война и военная интервенция в СССР” (1987 г.) дает два определения “зеленых”: “...Первоначально лица, которые... не желая служить в армии, укрывались в лесах (отсюда название)”, а также “...одна из форм сопротивления трудящихся масс контрреволюционным режимам”. Что авторы имели в виду под “контрреволюционным режимом”, неизвестно. В воспоминаниях Н.Вороновича “Меж двух огней (Записки зеленого)”, впервые опубликованных в 1922 г. в Берлине, рассказывается, как зеленые на черноморском побережье воевали против большевиков в 1920 г.: “Большевики отлично знали, как относится крестьянство к диктатуре крестьянской партии и как оно мечтает о союзе с кубанцами... для создания мощной крестьянско-казачьей республики. Организованное Черноморское крестьянство и сохранившее оружие крестьянское ополчение могло явиться тем ядром, вокруг которого будут собираться все недовольные советской властью элементы Кубани и Черноморья”. Во время гражданской войны черноморская “Зеленая армия” боролась против деникинцев, защищалась от Красной Армии, выступала против грузинских отрядов, пытавшихся аннексировать Сочи. Крестьяне учредители свое самоуправление и собственный Военный Штаб.

Сын за отца

Все это происходило вдалеке от Коми края, на юге России. Но, оказывается, было нечто подобное и у нас. В годы гражданской войны существовало на Удоре некое Верховное временное правительство, а в вычегодских и удорских лесах скрывалась настоящая “Зеленая Армия”.

О существовании на Удоре летом 1919 г. Верховного временного правительства, стоявшего между красными и белыми, упоминается в

любопытных документах продовольственного комиссара из с.Усть-Вашка А.Попова, сохранившихся в фондах Коми республиканского государственного архива общественно-политических движений и формирований. Одним из главных действующих лиц в этом “правительстве” был Л.П.Марков.

Леонид Прокопьевич Марков родился в с.Чернутьево, в семье зажиточного крестьянина, лесного доверенного. В годы I Мировой войны получил на фронте чин подпрапорщика. По возвращении на родину был избран в 1918 г. в Чернутьевский Совдеп секретарем. Когда в сентябре 1918 г. продотряд Н.И.Ворсина начал “трясти” крестьянские дворы в Чернутьево, Марков был в Яренске и участвовал в работе V уездного съезда Советов в качестве делегата. Ворсин добыл в Чернутьево примерно две тысячи пудов хлеба и вскоре началась вывозка хлеба в Кослан. Группа чернутьевцев попыталась воспрепятствовать вывозке хлеба. Их арестовали и отправили в косланскую тюрьму. Среди арестованных был в том числе и Прокопий Марков — отец Л.П.Маркова. Из Кослана арестованных хотели отправить в распоряжение яренской ЧК, уже получившей известность своими расстрельными приговорами в отношении зажиточных крестьян и прочих врагов советской власти. Тем временем Л.П.Марков выступил на уездном съезде Советов против деятельности продотрядов на Удоре, грабящих, по его мнению, крестьянство, и вскоре после окончания работы съезда был арестован “за распространение контрреволюционных слухов”. Однако из-под ареста его вскоре освободили, 20 ноября 1918 г. мобилизовав в Красную Армию. Перед тем, как начать красноармейскую службу, Л.П.Марков отпросился на побывку домой и был отпущен в краткосрочный отпуск.

Прибыв в Чернутьево и узнав об аресте отца, а также о вывозе всего хлеба, Л.П.Марков сколотил вооруженный отряд из чернутьевских крестьян и 25 ноября 1918 г. напал на красноармейскую заставу в Мучкасе. Два красноармейца из заставы были пойманы и расстреляны. Затем 26 ноября 1918 г. “марковцы” прибыли в Селиб, где разогнали волостной Совдеп и арестовали его депутатов. Марков, выступая перед толпой селибских крестьян, заявил, что они “только авангард, а за ними идут сотни человек, и при сопротивлении все будут сметены с лица земли”. Крестьяне стали десятками записываться в отряды Л.П.Маркова (даже председатель селибского комбеда В.Ф.Ванеев и селибский военноенкомиссар записались в “марковцы”). В скором времени у Маркова под ружьем находилось до 100 конных

и пеших вооруженных удорцев. В ночь на 28 ноября “марковцы” напали на Кослан, освободили всех узников местной тюрьмы, а на их места в камерах водворили работников Косланского Совдепа. Местная милиция успела отправить отца Л.П.Маркова под конвоем в Яренск, но “марковцы” настигли “этап” на станции Дин-Ель и освободили всех конвоируемых.

Зеленой тропой — к белому делу

Штаб белогвардейцев в Усть-Вашке, прослышиав о событиях на Мезени, отправил в район Селиба на разведку небольшой отряд С.Киприянова из 25 человек. Селибский отряд “марковцев” встретил белогвардейцев на подходе к селу огнем из охотничьих ружей, вспыхнула перестрелка. Позднее Киприянов докладывал начальству: “Третье декабря отряд из 25 человек прибыл в д. Селибскую для улаживания конфликта, произшедшего между отрядом и гражданами д. Селиб. По прибытии в деревню со стороны граждан д. Селиб был открыт из охотничьих ружей огонь по отряду. Мы были вынуждены ответить таковым же. Нами было выпущено 200 выстрелов, через несколько минут была выслана делегация, которая предложила, чтобы население сдало охотничики ружья, что было выполнено. Конфликт уложен, жертв не было”. Киприянов арестовал было нескольких селибцев, но потом был вынужден отпустить их под давлением общества.

1 декабря конный отряд “марковцев” под началом П.Бушенева сделал попытку захватить Глотово, но в ходе возникшей перестрелки (во время которой был убит глотовский крестьянин З.Политов) с советскими работниками вынужден был отступить в Кослан. Совработники Глотово тоже решили более не искушать судьбу и эвакуировались в Яренск. 4 декабря “марковцы” заняли оставшееся без власти Глотово. На Мезени установилось крестьянское “зеленое” самоуправление, попытавшееся занять позицию между белыми и красными. Везде вовсю распускались слухи о многочисленности удорской армии Л.П.Маркова (утверждали, например, что вот-вот подойдут к Кослану еще 2 тысячи человек на оленях).

Из Яренска на Удору тем временем был отправлен карательный отряд Ваганова-Воробьева с пулеметами. В Буткане была задержана застава “марковцев” из пяти человек. После их допроса красные разделились и двумя частями двинулись на Кослан и Глотово, рассчитывая быстрыми ударами покончить с крестьянским восстанием. 5 декабря после короткой перестрелки Ваганов выбил

“марковцев” из Кослана. На дороге между Косланом и Глотово красными был разгромлен и обезоружен конный отряд П.Бушенева, причем последний был убит (не зная, что Кослан уже занят красными, П.Бушенев возвращался в него из Глотово и нарвался на засаду красных). В этот же день красные заняли Глотово.

Быстрота их продвижения напугала Л.П.Маркова. Он попытался организовать в д. Разгорт заслон и задержать противника. 6 декабря 1918 г. отряд Ваганова атаковал Разгорт. В разгар вспыхнувшей перестрелки часть “марковцев” не выдержала и стала разбегаться из РазгORTа, после чего красные ворвались в деревню. По воспоминаниям большевика К.И.Попова, хранящихся в архивных фондах КРГАОПДФ, яренские каратели “после этого установили в Разгорте порядок” — было убито и расстреляно 17 “марковцев”. В Разгорте был пойман Ф.С.Селиванов, перебежавший в свое время из красного отряда к “марковцам”. Его расстреляли вместе с отцом.

Активный участник антибольшевистского движения на Севере П.А.Сорокин, незадолго до этого сдавшийся большевикам и содержавшийся в велико-устюжской тюрьме, так писал о восстании на Удоре: “Только что привели шестьдесят семь новых заключенных, среди них пять женщин и четверо детей. Это крестьяне, которые осмелились сопротивляться, когда коммунисты явились “национализировать” все их зерно, скот и другое имущество. На подавление бунта в селах были посланы пушки и пулеметы. Три населенных пункта разрушены до основания и сожжены, много крестьян убито, сотня арестованных. Те шестьдесят семь человек в ужасном состоянии — руки переломаны, на теле рваные раны и кровоподтеки... Сегодня нас стало меньше. Большинство крестьян казнены”.

Вернувшись в Кослан, Ваганов приказал наступать на оплот повстанцев — Чернутьево. По словам К.И.Попова, тогда же в Кослане было расстреляно еще 4 “марковца”. 10 декабря 1918 г. красные без боя заняли Чернутьево и продолжили вывоз хлеба с ссыпного пункта. В селе было оставлено сильное охранение. А.А.Ваганов сообщал в Яренск: “Население Кослана под давлением кулаков определенно стоит на платформе белых, население Разгorta, Буткана, Глотова колеблется, не проявляя активной борьбы...” Л.П.Марков был вынужден с небольшим отрядом отойти в район Пыссы под охрану белогвардейских гарнизонов. Таким образом, удорские “зеленые” не без “помощи” красных стали союзниками белых.

В январе 1919 г. советские войска численностью свыше 850 штыков и сабель начали наступление на усть-вашском направлении одновременно по Мезени и Вашке. 13 января 1919 г. начальник пысского гарнизона подпоручик Н.И.Макаровский информировал штаб в Усть-Вашке: “Присылайте скорее винтовки, патроны и бомбы, иначе я буду принужден отступить. Вчера стрельба продолжалась 4 часа. Красноармейцы были при 2 пулеметах. В случае такого следующего натиска солдаты уйдут. Пыссы легко окружить, и тогда я с отрядом [попаду в тяжелое положение]. Жду винтовок и распоряжений”. 15 января Н.И.Макаровский с белогвардейским гарнизоном покинул Пыссы, оборонять которую остались “марковцы”. Л.П.Марков сообщал начальнику Печорского уезда штабс-капитану Г.П.Алашеву: “Войска Мезенского фронта подпоручика Макаровского отступили из Пыссы. Остановились в 20 верстах от Койноса. Поэтому вам нужно опасаться обхода красноармейцев со стороны Мезени, т.к. здешних войск — малое количество. Поэтому никак пока не можем выставить лишних постов, т.к. нам угрожает опасность со стороны Вашки. Сообщите сюда, когда высланы винтовки и сколько. Если можете дать помощи, то посыпайте хотя вооружение. Телеграфируйте, как ваши дела. Обязательно нужно иметь между нами связь, дабы не остаться отрезанными”.

18 января 1919 г. красные заняли Латыгу, а на следующий день атаковали Пыссы, но были вынуждены отойти. 20 января батальон Ваганова снова атаковал Пыссы, “марковцы” не выдержали и бежали из села. В апреле 1919 г. красные получили приказ командования эвакуироваться с Удоры. 19 апреля при отступлении через Чернутьево помощник комполка Вашко-Мезенского советского полка П.А.Анисимов приказал бросить бомбу в дом Л.П.Маркова. От разорвавшейся бомбы вспыхнул пожар — сгорело 28 домов. В горящем Чернутьево красноармейцы изымали у населения все мало-мальски ценное, включая, по словам К.И.Попова, “спички, поноженное женское белье и платки”. Легко представить, как после этого мирные жители стали относиться к Красной Армии. Мобилизованные в ряды Красной Армии удорские жители разбегались по домам, ямщики отказывались возить грузы по труднопроходимым дорогам. Историк П.Г.Доронин отмечал: “Местные жители... прятали лошадей по лесам”. Начштаба Вашко-Мезенского советского полка А.П.Багин так отзывался об Удоре: “Необходимо отметить враждебное отношение населения Удоры к Красной Армии и ее действиям.

Были случаи шпионажа и передачи сведений противнику. В Чупрово крестьяне сигнализировали фонарем белым об обходе их красными. Были случаи укрывательства белогвардейских шпионов в деревнях”.

Верховное правительство Удоры

В мае 1919 г. белые заняли Удору. Их приход особенно не обрадовал жителей, настроенных как против красных, так и белых. Поручик Калининский доносил в Усть-Вашку 19 мая: “Население Косланской, Глотовской и Селибской волостей все пропитаны большевизмом и коммунизмом. Шпионаж и агитация против наших отрядов, неподчинение и отказ в содействии и отказ в перевозочных средствах встречаются на каждом шагу. Были частые случаи, что лодки оставались без ямщиков, ямщики под предлогом оправиться скрывались в лесах, бросая на произвол судьбы свои лодки. Много наблюдалось случаев, что лодки, не уничтоженные красноармейцами, жители сами старались испортить. Все плоты для перевоза лошадей через реку Мезень отпущены вниз по течению. Телег нет. По лесам бродят вооруженные красноармейцы, боясь выйти в деревни”.

Летом 1919 г. белые фактически оставили Удору, только в Важгорте находился небольшой гарнизон и изредка появлялись небольшие белогвардейские отряды из 10-15 человек. Вся власть на Удоре в течение июля-сентября 1919 г. принадлежала Верховному временному правительству, организованному Л.П.Марковым в Кослане. В этом селе стоял отряд Л.П.Маркова в 40 человек. Из других лиц удорского правительства известны еще Н.Мартюшев и А.В.Павликов, бывший жандарм из Ертома. Удорское “правительство” ориентировалось все же на белых. Те обеспечивали Удору хлебом, завезли его во все волости, в том числе Ертомскую, считавшуюся на Удоре probольшевистской. По словам большевика С.А.Захарова, летом 1919 г. Ертом был “нейтральной зоной”, но “белые доставили в Ертом хлеб для бедноты, ... острый голод был изжит”.

Удорские коммунисты-беженцы, осевшие после эвакуации красных с Удоры в Яренске, неоднократно писали командованию VI Красной Армии, что советские войска не стремятся к наступлению на Удору: “Местный штаб... не приходит на помощь несчастному... 10-тысячному населению. Красноармейцы открыто говорят, что они не находят нужным наступать в Мезенском и Удорском районе. Военные власти не считаются с нами”. Беженцы прямо заявляли, что военный комиссар Яренского уезда Ф.С.Коковкин относится к делу

освобождения Удоры от белых “враждебно”. 6 сентября 1919 г. удорские беженцы написали наказ делегатам III съезда Советов Северо-Двинской губернии, где отмечали: “Мы, удорцы, испытавшие на своей спине прелести белогвардейского управления, все до одного стоим на советской платформе и горим желанием отомстить своре белых душителей живой свободной мысли и трудящегося класса за те муки, которые лично мы претерпели от них и какие ныне испытывают наши семейства. Уполномачиваем своих делегатов осветить то безотрадное положение, какое создалось у нас на родине, где все сочувствующие власти Советов расстреляны, посажены по тюрьмам, а семьи их подвержены различным издевательствам. Порка и насиливание стали обыденным явлением. Кучки бандитов ездят из села в село и производят все то, от чего волосы встают дыбом. Грабеж имущества почти без разбору у всех привел население к тому, что даже те, которые ранее ждали белых, теперь воочию убедились, что представляет эта свора, и ждут ныне избавления со стороны красных”. Удорцы призвали делегатов губернского съезда: “Слыша вопли наших семейств, поручаем нашим делегатам внести внеочередное заявление об освобождении Удоры от белогвардейских банд...”

Красноармейская газета “Наша война” еще 28 июня 1919 г. публиковала материал о зверствах белых на Удоре: “Прибывшие с Удоры в Яренск сообщают о тех зверствах, какие белогвардейцы чинили над бедным и средним крестьянином Удоры... Все семьи советских работников... ограблены... В дер. Селиб публично высекли розгами крестьянина, его жену и их двенадцатилетнюю дочь... В дер. Разгорт выпороли розгами и также публично крестьянина и его жену... В с. Глотово выпороли розгами публично жену советского работника за то только, что муж ее стоит на советской службе... По словам прибывших с Удоры, порка розгой и битье нагайкой белогвардейцами является обычным средством “внушения” за малейшее сочувствие Советской власти”.

В свою очередь архангельские газеты публиковали факты произвола со стороны большевиков во время их пребывания на Удоре. Так, “Северное утро” сообщало, что со слов крестьянина Мезенского уезда А.Е.Зотикова (бывшего коменданта Важгорта — авт.), выступавшего на митинге перед рабочими судоремонтного завода в Соломбале, “большевики зачастую перед расстрелом намеченных жертв еще порют. Издаваясь над крестьянами некоторых деревень за то, что они зажиточные, работают в поте лица, а не занимаясь мотовством, — порят их плетьми, не считаясь ни с

возрастом, ни с положением. Например, в одной из деревенек был выпорот плетьюми 70-летний крестьянин Б. Порят не только мужское население, но и женщин. Порят так, что, как только появятся раны, посыпают их солью и снова стегают плетьюми". "Русский Север" 18 сентября 1919 г. публиковал постановление Усть-Вашской (Лешуконской) волости: "Всенародное собрание граждан Лешуконской волости 12 сентября единогласно постановило: 1) продолжить неустанную и самую решительную борьбу с большевиками; 2) всемерно защищать край от разграбления его со стороны диких банд красноармейцев и энергично содействовать правительству Северной области; 3) никто из Лешуконской волости, способный носить оружие, не имеет никакого права отказываться от несения военной службы".

В сентябре 1919 г. шпион красных доносил в Яренск, что "от Косланы до Усть-Вашки никаких сил и частей противника нет, за исключением местного кулачества и несознательного элемента". В октябре 1919 г. полковник П.А.Троянов разместил на Удоре ряд гарнизонов. Удорское "правительство" было распущено. Л.П.Марков получил назначение командиром 5-й роты 1-го Северного Мезенского полка белых, дислоцированной в Кослане. В январе 1920 г. ему был пожалован офицерский чин прапорщика. Отряды "марковцев" вступили в ряды белых.

Конец "временного правителя"

В феврале 1920 г. Л.П.Марков находился в д. Латьюге, где размещался крупный интендантский склад белых. После капитуляции белых в марте 1920 г. в Латьюгу прибыла комиссия красных для регистрации военнопленных и инвентаризации трофеев. По воспоминаниям комиссара И.П.Чукичева, красные первым делом решили "быстро разыскать Маркова, арестовать его... Одному из первых встретившихся белогвардейских солдат мы отрывисто бросаем: "садись в сани, укажешь, где квартира Маркова". Вбегаем в комнату Маркова — пусто. Спрашиваем хозяйку: "Где Марков?" Ответ: только-только был здесь. Радостная мысль: струсишь, сбежал"" (красные очень боялись "зеленого" Маркова, могущего снова поднять удорское крестьянство против любой власти). Комиссар Чукичев приказал "окружить Латьюгу, объявить населению, у кого будет найден Марков, с тем поступят по законам военного времени". В течение суток шли поиски Маркова. Наконец он был выслежен, арестован и под конвоем отправлен в Архангельск.

Как выяснилось, красные не зря опасались влияния Л.П.Маркова на крестьян: по дороге он сбежал вместе с конвоирами (!), организовал “банду” и в течение нескольких лет “терроризировал” советскую власть в пределах Архангельской губернии. По словам И.П.Чукичева, только в 1926 г. Марков был окончательно пойман и расстрелян.

“ПЕЧОРСКИЙ ЧАПАЕВ”

Среди многочисленных “борцов за Советскую власть” в Коми крае, писать о которых какое-то время назад было столь же популярно, как в последнее время — о “борцах против Советской власти”, особняком стоит имя Морица Мандельбаума. На его долю еще при жизни выпало достаточно и хвалы, и хулы “Герой Печорской экспедиции”, “наш Чапаев” и в то же время “аферист”, “беспардонный мошенник” — таким он был в глазах своих товарищей по партии и оружию. Недаром не одно поколение местных историков гражданской войны мучилось с описанием его действий: как бы, упоминая этого “борца”, нанести возможно меньший ущерб престижу самого процесса установления Советской власти в Коми крае...

Во главе красногвардейцев, интернационалистов и отрядов ВЧК

Жизнь Морица Мандельбаума, еврея, родившегося в Австрии в 1890 г., получившего среднее образование в школе вольно-определенящихся, оказалась полна причудливых перемен. Думал ли он, профессиональный актер, а с 1914 г. — младший офицер (феенрих) австро-венгерской армии, воевавший в пехоте и пулеметной части на Восточном фронте против русских, что скоро будет командовать совсем другими солдатами далеко-далеко от родных мест? Попав в русский плен в 1916 г., господин Мандельбаум оказался в Ташкенте и вскоре стал “товарищем”, возглавив во время Октябрьского переворота 1917 г. один из отрядов Красной гвардии. (У него, впрочем, был некоторый опыт пребывания в социал-демократической партии, куда он записался 16-летним юнцом).

Несмотря на крайне скверное знание русского языка (родным языком Мандельбаума был немецкий, говорил он также по-польски), М.Мандельбаум принял активнейшее участие в борьбе за дело русской революции. В январе 1918 г. он был ранен. Одним из первых этапов боевого пути Мандельбаума стали бои против “белочехов” — по иронии судьбы, тоже бывших военнопленных из австро-венгерской армии. Весной 1918 г. он находился в Поволжье в районе Самары и Сызрани, вступил в один из красногвардейских отрядов. Тогда же в Самаре возникла интернациональная группа, объединявшая пробольшевистски настроенных военнопленных, говоривших на немецком языке; одним из ее лидеров стал М.Мандельбаум, делегированный на Всероссийский съезд военнопленных социал-демократов — интернационалистов. Съезд проходил в Москве 16-18

апреля 1918 г., в нем участвовало 300-400 делегатов, обсуждались вопросы об организации военнопленных и ее программе, о политико-воспитательной работе среди военнопленных, возвращающихся на родину. Решено было организовать всероссийскую организацию иностранных рабочих и крестьян; председателем организации избрали М.Мандельбаума. В принятых документах содержался традиционный призыв к борьбе против капиталистического строя, за диктатуру пролетариата. 24 апреля в Москве была создана Немецкая группа РКП(б), объединившая немецкоязычных коммунистов; она входила в федерацию иностранных групп РКП(б). В немецкую группу вступил и М.Мандельбаум. Он стал членом коллегии комиссариата по делам военнопленных.

В начале июня 1918 г. М.Мандельбаум командовал так называемым “отрядом интернационалистов”, в составе которого были немцы, венгры, чехи, на Волге под Сызранью. Действовал он решительно и жестко; например, 2 июня приказал направить порожний состав на эшелон с чешскими военнопленными, не подчинявшимися большевистской власти, сбросив его с рельсов. Лето 1918 г. Мандельбаум провел в боях на Волге и Каме. Из “интернационалистов” стал в значительной мере формироваться Корпус войск советской охраны (войска ВЧК). С Волги Мандельбаума отправили на Север в качестве одного из руководителей архангельской роты этого корпуса. Он входил в число тех, кто возглавлял организацию эвакуации советских учреждений из Архангельска в начале августа 1918 г., затем служил в Котласе, куда перебралась часть архангельского руководства.

Пришло время расстрелов

В августе 1918 г. руководство Усть-Сысольского уезда сообщило “наверх”, что за Уралом, в с. Ляпино, находятся большие запасы хлеба, охраняемые белыми. С продовольствием на Севере, да и во всей стране, было тогда крайне трудно, и командование 6-й армии красных для захвата этих запасов решило отправить на Печору небольшой отряд под руководством М.Мандельбаума. Кроме того, Мандельбаум должен был принять меры против появившихся на нижней Печоре немногочисленных белых и заодно проверить деятельность местных волостных органов Советской власти (руководители Усть-Сысольского уезда жаловались, например, что “в селе Троицко-Печорском... орудует исполнительный комитет

хулиганов. Необходима ревизия для поддержания авторитета Советской власти”).

В начале сентября 1918 г. М.Мандельбаум во главе небольшого (10-12 человек — латышей, немцев, венгров) “летучего отряда прифронтовой Чрезвычайной комиссии” прибыл в Усть-Сысольск. По описанию очевидцев, он был высокого роста, худощавый, с небольшой черной бородкой, которая делала его на вид старше, чем на самом деле. “Обличьем Мандельбаум производил впечатление строгого военного человека”, ходил в серо-зеленой английской шинели, френче “тоже чужого покроя и галифе с кожей на сидячем месте и коленках”, вид имел бравый. Мандельбаум являлся человеком несдержаным, горячим, скорым на решения, однако “боевым”, “смелым, в бою очень храбрым” человеком, который “мог сам идти вперед и бойцов за собой вести в атаку”, порой с “бесшабашной удалью”. Усть-сысольские большевики прозвали Мандельбаума “немцем”, поскольку тот очень сильно корежил русские слова, выражаясь, по свидетельству знавших его людей, примерно следующим образом: “Собирайт добриволиц на Петшора” (об этом пишут А.Мурzin и В. Новоселов в книге “Тайна далекой пристани”).

Пока в Усть-Сысольске велось формирование добровольческого отряда, который должен был возглавить Мандельбаум, последний съездил в д.Граддор (близ с.Шошка на Сысоле) “для расследования дела об убийстве товарища коммуниста-большевика Арсения Сивкова”, убитого 6 сентября. “У подозреваемых в преступлении лиц, — сообщил Мандельбаум командованию, — мной был произведен обыск, и найденная сумма... конфискована как контрибуция. Дальнейшее расследование... передано Усть-Сысольской... милиции”. Снабжение формировался отряда, по сообщению Мандельбаума, “не обошлось без принятия репрессивных мер по отношению к некоторым гражданам”. Так, он приказал арестовать старую владелицу бывшего имения в Човью Кузьбожеву и двух “барышен”, ее родственниц, не желавших безропотно отдавать свое имущество красноармейцам.

В Усть-Сысольске к “летучему отряду” присоединилось четыре с половиной десятка местных коммунистов и сочувствующих. У Мандельбаума имелось орудие и пулеметы. Ему предписывалось занять Печору, Ижму, верхнюю Мезень и среднюю Вашку, затем перейти Уральские горы, захватить Ляпино (Саранпауль) с большими запасами хлеба, а при возможности — и весь бассейн Оби. 8 сентября войско Мандельбаума двинулось вверх по Вычегде на пароходе, по

иронии судьбы имевшем название “Доброжелатель”. Пароход тащил за собой баржу, где находились лошади, сено и ящики с патронами. По пути пассажиры “Доброжелателя” высаживались едва ли не во всех встречавшихся селах и деревнях, проводили собрания жителей, реквизиции, конфискации, допросы и расстрелы. Очень часто (если не всегда) действительная вина расстрелянных (среди которых были и женщины) не была доказана, либо их проступки были незначительны. Это отнюдь не было самодеятельностью Мандельбаума: незадолго до того, 5 сентября, Совнарком принял постановление “О красном терроре”, согласно которому уличенных или даже заподозренных в контрреволюционной деятельности следовало расстреливать. Наступило то самое время, о котором задолго до 1917 г. писал русский писатель Д.Мережковский: “Во всякой революции наступает такая решительная минута, когда кому-то кого-то надо расстрелять и притом непременно с легким сердцем, как охотник подстреливает куропатку”... Именно так и поступал М.Мандельbaum, не колебавшийся при принятии самых жестоких решений. Чего стоит, например, его сообщение о том, что утром 9 сентября в районе д. Озел на берегу Вычегды им “расстреляны мать с дочерью Кузьбожевы и Макарьина за неподчинение распоряжению и оскорблению Российской коммунистической партии”. Перед расстрелом Мандельбаум избил Кузьбожеву-старшую плетью и лично застрелил ее.

9 сентября в Корткеросе Мандельбаум устроил обыск в доме местных крестьян Казаковых, изъяв обнаруженные деньги в качестве контрибуции. “В с. Небдине, — сообщил он, — ...мною была наложена контрибуция и конфискованы мануфактурные и другие товары”. В Деревянске были проведены обыски у “подозрительных” лиц из числа местных жителей, один из них арестован. В Кужбе Мандельбаум, недовольный деятельностью председателя местного исполнкома, мобилизовал его в свой отряд “в качестве конюха”, а также наложил контрибуцию на местного торговца “ввиду найденных у него портретов бывшей царской семьи, вывешенных на видном месте, и серебряных монет”. В Усть-Куломе также были наложены контрибуции и штрафы.

Вечером того же дня М.Мандельбаум прибыл в Ульяновский монастырь. На встрече с настоятелем он потребовал, чтобы монастырь оказал помощь его отряду, “подчеркнув необыкновенно трудные условия военной экспедиции, не имевшей времени подготовить и взять с собою все необходимое для похода в далекие глухие чащобы Севера”, и заявив, “что у монастыря безусловно

должны быть средства”. После отказа настоятеля добровольно “помочь” красным Мандельбаум приказал устроить обыск. Найденные деньги (40 тысяч рублей) он объявил контрибуцией и забрал с собой.

В ночь на 9 сентября 1918 г. в Керчомье был убит местный большевистский лидер, секретарь волостного исполкома А.П.Гичев. Мандельбаум прибыл в село 10 сентября для “принятия самых строгих мер”, арестовал 20 человек и лично их допросил. Во время допроса, по свидетельству участника его отряда Д.И.Розанова, “он часто пускал в ход плетку”. Однако, как докладывал начальству сам Мандельбаум, “несмотря на тщательный допрос, никто не признал за собой преступления, а также не указывали точно преступника”. Тогда, констатирует Д.И.Розанов, “нам ничего больше не оставалось, как прибегнуть к красному террору: из числа допрошенных было выбрано трое, поведение которых было наиболее подозрительным и которые, очевидно, стояли в оппозиции к молодой советской власти. На другой день, рано утром, их расстреляли. Казнь происходила публично, при большом стечении народа”. (Позднее выяснилось, что среди расстрелянных не было убийцы).

15 сентября “Доброжелатель” прибыл в Усть-Нем, где Мандельбауму, по его словам, “также пришлось реорганизовать состав исполнительного комитета”, снять председателя и назначить другого. Получив “сигнал”, что местный священник “занимается антисоветской пропагандой”, называет Советскую власть “властью грабительской”, Мандельбаум распорядился арестовать его. Священника увезли на “Доброжелателе”, по дороге допросили. Он, по сообщению Мандельбаума, “подтвердил свое выступление в церкви”, но “сказал, что было только сказано в отношении местного усть-немского волостного Совета”. Несмотря на то, что, по признанию Д.И.Розанова, “следствие велось с грубейшими ошибками”, священника Спасского приговорили к расстрелу, “каковое постановление было приведено к исполнение” “где-то возле Помоздино”. 16 сентября в Пожеге и 17 сентября в Помоздино с зажиточных и с середняков также были взысканы контрибуции, которые, как докладывал М.Мандельбаум, вносились “в моем присутствии беспрекословно”.

Поход на Усть-Цильму

В середине сентября 1918 г. М.Мандельбаум прибыл в Троицко-Печорск. В его отряде насчитывалось уже около 100 человек, главным образом коми, что дало Мандельбауму основание называть свое воинство “1-м зырянским батальоном”. Из Троицко-Печорска Мандельбаум двинулся вниз по Печоре. Близ Щугора происходили столкновения между белыми, подошедшими из Усть-Цильмы (центра Печорского уезда) и красными отрядами из Чердынского уезда. Ко времени прихода Мандельбаума (21 сентября) белые уже отошли: он отправился вдогонку, захватил в Усть-Усе брошенный противником пароход и остановился здесь. Через несколько дней, в ночь на 26 сентября, сюда прибыли и чердынские красноармейцы под руководством братьев Аппога. Отношения между красными командирами сложились скверные, чему способствовал, видимо, трудный характер М.Мандельбаума (Д.И.Розанов говорил, что он был человеком несдержаным, горячим, скорым на решения). Верхняя Печора входила тогда в Чердынский уезд, и братья Аппога представляли здесь уездную власть. Но Мандельбаум заявил, что высшее руководство и на нижней, и на верхней Печоре должно принадлежать ему. Чердынцы были недовольны этим: позднее они жаловались командованию Северного фронта, что Мандельбаум препятствовал их деятельности и требовал, чтобы все указания уездных властей передавались населению верхнепечорских волостей только через него, Мандельбаума.

Не сумев договориться о единстве действий против белых, 26 сентября Мандельбаум и Аппога решили двигаться вниз по Печоре независимо друг от друга. Трудно сказать, к чему привела бы эта “независимость”, если бы белые решили дать им отпор, но красным повезло. “27 сентября утром, — докладывал Мандельбаум, — нами была занята Усть-Цильма без малейшего сопротивления, каковое явление произошло по причине отсутствия белогвардейских банд”. Но несмотря на отсутствие противника, Мандельбаум повел себя по отношению к устьцилемцам очень жестко. Вот что рассказывал очевидец: красные “произвели высадку конной разведки и отряда в 80 чел. верстах в двух от Усть-Цильмы. В течение 15-20 минут Усть-Цильма была оцеплена цепью красноармейцев. Всех, кто только был в это время на улице, подвергали задержанию, тщательно обыскивали, ... часть уводили к казначейству, где поместился штаб красноармейцев. Одновременно... по верхнему концу села был открыт ружейный огонь. Был захвачен... дом”, где ранее находился штаб

белых. “В него бросили 2... гранаты. Дом загорелся... В это время 2 парохода вверху и 2 внизу..., направив на Усть-Цильму” орудие и пулеметы, “хотели открыть по селу огонь, грозя стереть его с лица земли за предательство, но огонь не был открыт”.

Радуясь победе, красные произвели многочисленные аресты и расстрелы “контрреволюционеров” (“убили хозяина дома, где помещался штаб (белых — авт.)... и... организатора дружин против большевиков”, а позднее — еще одного человека, как рассказывал очевидец), устроили конфискации и реквизиции имущества и продовольствия у усть-цилемцев (“ограбили почти все местное купечество”), а на следующий день уехали из села, забрав с собой усть-цилемскую казну, а также телеграфные и телефонные аппараты и другое имущество и даже не восстановив органы Советской власти! “По уходе отрядов из Усть-Цильмы, — сообщает документ, — было такое положение, что не существовало никакой власти — ни комитетов (земских — авт.), ни советов. Так продолжалось около двух недель”. Судя по всему, Мандельбаум никакого уважения к местным Советам не испытывал.

“Положение как нельзя лучше”

Из Усть-Цильмы М.Мандельбаум направился на р. Ижму, где захватил пароход “Межень”, 29 сентября, а оттуда двинулся вверх по Печоре до Усть-Усы, поднялся в поисках парохода с небольшим отрядом белых добровольцев вверх по Усе, но никого не найдя, вернулся в Усть-Усу, а оттуда отбыл в Щугор. На пути в Щугор, в самом начале октября, братья Аппога заявили ему свои претензии на часть захваченных в уездном центре денег. Поделиться Мандельбаум отказался (кстати сказать, ни копейки не получили ни бойцы его отряда, ни местные крестьяне, которых Мандельбаум привлекал к выполнению различных работ). Тогда Аппога обвинили его в присвоении казны. Мандельбаум в долгую не остался и отправил в штаб 6-й армии донесение о том, что “чердынский отряд здесь... оставил у населения впечатление, как будто красноармейцы только и умеют делать, что забирают все, что ни попало”. Его сообщение было правдиво, вот только Мандельбаум не стал говорить, что местные жители не видели особенной разницы в действиях отрядов Аппога и его собственного. Уроженец Щугора А.М.Мартюшев, находившийся в то время на верхней Печоре, позднее писал, что “начавшуюся там вакханалию Мандельбаума и другого такого... командира Аппоги” он “никак не мог переваривать ни в душе, ни в

мыслях. Поэтому решил выбраться из Печоры куда глаза глядят”. Примеру Мартюшева рады были бы последовать и многие другие жители печорских селений...

“Так как Печорский уезд сравнительно богат, жители... к большевизму относятся отрицательно”, — отмечалось в белогвардейских документах. Чувствовал это и Мандельбаум, занявший по отношению к печорскому крестьянству очень жесткую позицию. “Производя реквизиции и конфискации у кулацкого элемента”, он “терроризировал и среднее крестьянство”; среди расстрелянных им людей “были и невинные”: неудивительно, что “жестокость и неправильный подход к населению вооружили против него последнее”, — говорится в статье А.А.Цембера, написанной в 1920-х годах на основе воспоминаний участников экспедиции Мандельбаума.

Даже братья Аппога в конце концов выступили против одного из репрессивных мероприятий Мандельбаума. Тогда последний обвинил их в “мягкости” по отношению к “врагам революции”, арестовал, а красноармейцев их отряда разоружил и распустил. Оставшись единственным красным командиром на Печоре, Мандельбаум 5 октября 1918 г. с удовлетворением сообщил в Усть-Сысольск: “Наше положение на реке Печоре нельзя желать лучше. Нами заняты главные стратегические пункты. Белогвардейские банды разоружаются и уничтожаются”. Четыре дня спустя М.Мандельбаум, оставив отряд на своего заместителя Суворова, отправился в Котлас. Там, несмотря на жалобы Аппога, его встретили как “героя Печорской экспедиции”. Командующий Котласским районом А.И.Геккер дал о Мандельбауме самые лестные отзывы члену Реввоенсовета Северного фронта Е.М.Пятницкому. Из Котласа Мандельбаум поехал в Вологду к командованию 6-й армией, затем — в Ярославль, в штаб Северного фронта, где получил рекомендательное письмо в Реввоенсовет Республики и отбыл в Москву.

В столице он еще раз встретился с Е.М.Пятницким, и эта встреча произвела на последнего неблагоприятное впечатление. Чуть позднее, вспоминая об этом, Пятницкий говорил: “Мне кажется, Мандельбаум или фанатик, или же беспардонный и бессердечный мошенник”. Однако в Реввоенсовете Республики фанатизм Мандельбаума (подлинный или мнимый) пришелся, видимо, по душе: “герой Печорской экспедиции” добился полной поддержки своих действий чуть ли не со стороны самого председателя РВСР Л.Д.Троцкого; по словам Е.М.Пятницкого, “Мандельбаум получил несколько сот

тысяч рублей, ему была обещана вся необходимая для ведения боевых действий на Печоре помочь живой силой и техникой". Обласканный на таком высоком уровне, он вернулся в Печорский край в начале декабря 1918 г.

За время его отсутствия красные захватили Ляпино и начали вывоз оттуда на Печору хлеба; вторично заняли Усть-Цильму, установив-таки там на сей раз Советскую власть, но ненадолго — подошедший к Мезени белогвардейский отряд занял уездный центр и ряд населенных пунктов на нижней Печоре и Ижме. Перед вернувшимся Мандельбаумом стояла задача вывезти хлеб из-за Урала и удерживать основные селения на Печоре от Усть-Цильмы до Троицко-Печорска, не давая соединиться отрядам Белой армии, наступавшим с Севера и из Сибири. 22 декабря Мандельбаум прибыл в Ляпино. В тот же день русско-чешский отряд белых атаковал Ляпино; вследствие неудачных распоряжений Мандельбаума относительно действий красноармейцев наступление поначалу имело успех (белые взяли д. Щекурью возле Ляпино), но в конечном итоге красным удалось отбросить наступавшего противника. Мандельбаум вскоре уехал в Щугор.

В течение декабря 1918 г. Мандельбаум сформировал на Печоре три партизанских отряда, находившихся под его общим командованием. К исходу года эти отряды заняли районы Ижмы (кроме низовьев) и Печоры — до Брыкаланска (Усть-Цильма осталась у белых). Это был второй и последний успех, достигнутый на Печоре под командованием Мандельбаума. Дальше начались неудачи.

“Тактические изгибы” “странныго командующего”

К этому времени авторитет Мандельбаума в глазах командования был заметно подорван, чему способствовали и упоминавшиеся заявления Аппога, и “неоднократные жалобы” командующему 3-й армией красных Р.И.Берзину (эта армия располагалась к Прикамье, ее части находились и в Чердынском уезде) “на его (Мандельбаума — авт.) чересчур свободные действия”. Реввоенсовет 6-й армии сообщил командованию фронтом, что “в следственную комиссию поступили некоторые дела, в которых его (Мандельбаума — авт.) роль по некоторым вопросам денежного и иного характера не совсем чиста” и что у РВС-6 “нет уверенности, что Мандельбаум будет достаточно содействовать столь сложному государственному предприятию”, как вывоз хлеба из Ляпино. Решено было командировать к Мандельбауму для ревизии и инспекции

представителя командования Комиссарова. Однако эта “ревизия” началась еще не скоро...

3 января 1919 г. М.Мандельбаум приказал наступать на занятое белыми село Диюр в низовьях Ижмы. Наступление было спланировано неудачно, и после 8-часового боя Мандельбаум распорядился отступать. Часть красноармейцев осталась не довольна действиями командира. Один из них позднее писал: “Приказ об отступлении означал банкротство командования, выразившееся в отсутствии плана наступления и доведения операции до конца”. Это недовольство усугубили последующие указания Мандельбаума, который по непонятным причинам решил снять и Брыкаланскую заставу — отряд, который прикрывал среднее течение Печоры от возможного продвижения белых со стороны Усть-Цильмы. Но едва этот отряд прибыл из Брыкаланска к штабу Мандельбаума, у того “созрело новое решение: занять обратно с. Брыкаланское”. Красноармейцы были рассержены чехардой принимавшихся Мандельбаумом противоречивых решений. По воспоминаниям того же участника событий, “командиры отряда и группа партизан-ижемцев, пришедшие к командующему, стали объяснять ему, что занимать Брыкаланское, если (уже) заняли его белые, не так легко, как его сдать без боя. Партизаны готовы были броситься на Мандельбаума с кулаками... Возмущение было тяжелое...”

Тем не менее Мандельбаум оказался непреклонен и велел красным идти обратно к Брыкалансу. Чтобы как-то успокоить их, он придал отряду пушку. Однако каково же было удивление пошедших в атаку на село красных бойцов (Брыкаланск действительно был уже в руках белых, и пришлось вступить в бой), когда орудие неожиданно... увезли назад в тыл, не сделав ни единого выстрела по врагу! И только когда белые отступили, пушку привезли обратно на позицию... Выяснилось, что такое распоряжение отдал командиру орудия Мандельбаум, боявшийся, что противник сможет в ходе сражения захватить пушку, которой он очень дорожил (видимо, больше, чем жизнью своих бойцов). Этот эпизод не способствовал укреплению авторитета Мандельбаума в глазах его подчиненных. “Трудно судить о тактических изгибах мысли этого странного командующего”, — не без иронии заметил в своих воспоминаниях один из его соратников. “История с орудием говорит о весьма нелестных чертах этого командира — о двуличности и большой трусости. Во всяком случае, он... не отвечал единственному, но самому важному требованию для боевого командира: не изме-

нять принятого боевого решения, не перерешать его на ходу, а доводить операцию по принятому решению до конца”.

Но немалая часть красноармейцев продолжала доверять Мандельбауму, и даже много позже бывшие бойцы Печорского отряда говорили: “Мандельбаум в наших глазах был таким же авторитетом, как Чапаев перед своими бойцами”; “он в моем понимании был настоящий командир”. Вероятно, красноармейцам импонировало то, что Мандельбаум при всех своих недостатках был все же храбрым человеком: недаром те, под чьим началом он позднее воевал на Южном фронте, называли его “боевым”, “смелым, в бою очень храбрым” человеком, который “мог сам идти вперед и бойцов за собой вести в атаку”, отмечали его “бесшабашную удаль”. Но не только удаль роднила Мандельбаума с Чапаевым. Вот что писали о последнем сами красные: “Тов. Чапаев, этот степной орел, действует... исключительно партизанским способом. Распоряжений штаба не признает. Были случаи, что Чапаев уходил со своим отрядом и пропадал без вести, а возвратившись через некоторое время, доставлял трофеи и пленных. Население [районов], по рассказам очевидцев, где появлялся Чапаев, было терроризировано. Его жестокость известна многим. Личность легендарная... Чапаев говорит: я не верю штабу и бумажек его знать не хочу”. Примечательно, что Чапаев настолько приглянулся Троцкому, что Лев Давидович лично уговорил Василия Ивановича возглавить дивизию. Вполне возможно, что и Мандельбаум, этот “печорский Чапаев”, тоже пришелся Троцкому по душе — в том случае, если их встреча в Москве осенью 1918 г. состоялась...

После боя за Диюр М.Мандельбаум уже не предпринимал наступления на белых, и инициатива постоянно была на стороне последних. 9 января 1918 г. Мандельбаум попросил штаб фронта разрешить ему отступить вверх по Печоре и Ижме. Разрешения на отход он не получил: наоборот, от Мандельбаума потребовали атаковать белых в районе Усть-Цильмы. Этот приказ не был выполнен. Получив известие о выезде к нему Комиссарова для ревизии и инспекции Печорского отряда М. Мандельбаума, последний выехал из Ижмы в Щугор. Он появился в Щугоре 19 января, а 20 января туда пришла первая группа красноармейцев из Ляпино, разбитых белыми.

М.Мандельбаум постоянно и в довольно жесткой форме требовал от командования армии и фронта присылки подкреплений и вооружения, обвиняя штабных работников в измене и саботаже.

“Я вижу, что вся телеграфная работа не дает пользы, что часть (работников — авт.) находящаяся (у вас — авт.) изменяет ваш труд и труд революции. О! Несчастливые органы снабжения! Это гибель, товарищ Самойлов (Самойло — авт.)!.. Я боюсь, что будет поздно, но если это будет, больше жить не хочу”, — заявлял Мандельбаум командарму А.А.Самойло, возглавившему 6-ю армию в конце ноября. “Я напоминаю, что всегда принимаете меры, когда уже поздно... Я, западный европеец, не буду смотреть, на что падают самые лучшие силы революции на севере. Вся вина лежит на штабах, где находятся большинство изменников революции. Если не получу материальную силу и припасы, я буду действовать по своему усмотрению”, — сообщил он в штаб фронта. А.А.Самойло, позднее в своих воспоминаниях называвший Мандельбаума “аферистом, ...много повредившим армии”, в конце концов 25 января снял его с поста командующего Печорским отрядом и назначил вместо него Комиссарова. Мандельбауму велено было выехать в штаб армии.

“Армия Мандельбаума занимается грабежами”

На Печору были направлены подкрепления. Но исправить положение красных в этом регионе было уже невозможно. И главной причиной тому стало не плохое снабжение, недостаточность подкреплений, ошибки командования, активизация регулярных частей Белой армии в верховьях и низовьях Печоры и за Уралом и т.д. (хотя все это, конечно, имело место), а крайне отрицательное отношение печорского населения к Мандельбауму и его отряду...

Зимой 1918-1919 годов местные жители голодали, ели солому, смешанную с пихтовой корой, не имея ни крошки хлеба. Они обращались к Мандельбауму с просьбой выделить голодающим хотя бы небольшую часть из огромных запасов ляпинского хлеба. Даже командующий армией А.А.Самойло приказывал Мандельбауму: “К населению относитесь ровно, твердо, не раздражая особенно без нужды, приходя к нему на помощь и содействуя в продовольствовании голодающих”. Однако Мандельбаум жителям Печоры не дал ничего. Командарму Самойло Мандельбаум “объяснил”: “Население на севере большинство шкурники, сегодня красноармейцам, а завтра белогвардейцам”, поэтому нет необходимости с ними церемониться.

Вывезенный из Ляпино хлеб (кстати, далеко не весь: большое количество его осталось за Уралом и вскоре попало в руки белых) он переправил из Щугора в Троицко-Печорск, а оттуда намеревался

транспортировать его на Вычегду. Снабжение умиравших от голода обитателей печорских селений в его планы не входило. Напротив, Мандельбаум продолжал проводить в их отношении крайне жесткую политику. Весь маршрут его экспедиции был отмечен беспощадными реквизициями имущества жителей, несших, помимо всего прочего, и все тяготы прифронтовой жизни. По словам очевидцев, “отряд Мандельбаума навел ужас на всю Печору. Окружив какое-нибудь селение, он сгонял всех жителей его на сход и объявлял, что мужчин он оставляет только до окончания полевых работ, после чего они вместе с детьми будут истреблены, а жены их будут оставлены в живых, так как еще “пригодятся” для красных”. У одного “крестьянина все близкие были убиты красным отрядом Мандельбаума, а сам он совершенно случайно спасся, подвергнувшись страшным пыткам; грудь его была вся в язвах, так как его выдержали под открытым краном кипящего самовара, пока оттуда не вытекла вся вода”. Мандельбаум постоянно проводил реквизиции и конфискации продовольствия и имущества жителей Печоры и Ижмы, причем его действия вызывали протест даже у некоторых его помощников и у руководителей местных органов Советской власти. Комиссаров сообщил штабу армии: “Жители края находятся в ужасном положении. Во многом я вижу вину Мандельбаума, не умевшего поставить дело в крае и только пугавшего жителей битьем физиономии, не платившего … крестьянам за перевоз хлеба и грузов”.

Проведение реквизиций стало до того привычным делом, что порой красноармейцы даже не дожидались приказов Мандельбаума, принимая — вопреки всяким армейским правилам — решения на сей счет самостоятельно. Один из участников Печорской экспедиции Мандельбаума упомянул “процветавшие при нем (Мандельбауме — авт.) самовольные “конфискации, которым подвергались не только кулацкие хозяйства, но часто и имущество кооперативов и комбетов”. Направленный в Печорский отряд политкомиссар М.Т.Трубачев объяснял развитие таких “самовольных конфискаций красноармейцев, которые подрывали моральный и политический кредит отряда в его тылу”, отсутствием дисциплины в отряде. По словам Трубачева, “штабу… было достоверно известно, что армия Мандельбаума деморализована и распущена и вместо сознательной революционной борьбы занимается бесчинствами, доходящими до открытого грабежа мирного населения, даже не относящегося к классу эксплуататоров”.

Неудивительно, что память об этом надолго сохранилась среди местных жителей. “Этот Мандельбаум своими жестокими и

преступными действиями восстановил против Советской власти печорское население, которое даже в 1923 г., в бытность мою на Печоре, с ужасом и ненавистью вспоминало о нем”, — писал известный большевистский деятель, один из руководителей ВЧК М.С.Кедров. Его слова о жестокости Мандельбаума тем более примечательны, что сам Кедров во время пребывания в 1919 г. в Вологде был известен своей жестокостью но отношению к вологжанам. Те жаловались на него В.И.Ленину: высказывались опасения, что из-за “кедровщины” может вспыхнуть восстание. В Вологде восстания не случилось, а вот на Печоре его избежать не удалось...

Правда, к этому времени Мандельбаум уже сдал дела Комиссарову и уехал отчитываться перед командованием. Он отправился из Щугора в Ижму, оттуда на верхнюю Вычегду. В Усть-Куломе Мандельбаум обнаружил, что две роты красноармейцев не могли двигаться в направлении Печоры из-за отсутствия подвод (к тому же они и сами не особенно хотели ехать туда). Мандельбаум решил, что виной всему этому является саботаж волостного исполкома, и направился туда. Очевидец так описывает события: “Мандельбаум в горячем озлоблении, решительно требуя подводы для солдат, наругал служащих волисполкома, грозя передать их всех к военно-полевому суду за задержку отряда... Я... сказал, что лошади уже устали... Мандельбаум со всей грозой выступил на меня, грозно затопал о пол ногами, говорил: “Чорту вздохнут, но чтобы немедленно были подводы! Засели буржуи и банды в исполнком, препзаграждаете дело революции, подмагааете тем белогвардейцам!..” Причем меня лишь чуть не ударяя по лицу кулаками, грозя меня и всех служащих исполнкома передать к расстрелу, и сказал: “Бомбу брошу в исполнком!” ...И так грозя и наругаясь, вышел из исполнкома”. Из Усть-Кулома Мандельбаум проследовал в Усть-Сысольск, а оттуда — в Котлас и Вологду.

Разгром

4 февраля 1919 г. в Троицко-Печорске восстали набранные на Печоре и Ижме красноармейцы формировавшейся в селе роты. К ним присоединились местные жители. Находившееся там одно из подразделений Печорского отряда под руководством Суворова было разоружено и частично перебито. Также были убиты большевистские и советские деятели, члены комиссии по перевозке ляпинского хлеба для нужд Красной армии и др., всего 120-150 человек. Вскоре произошел крестьянский бунт в Покче. В Савиноборской волости

возник белый партизанский отряд, который в ночь на 14 февраля 1919 г. занял Савинобор. В Подчерье жители также создали небольшой белый партизанский отряд, соединившийся с савиноборцами. Белые партизаны примкнули к появившимся на верхней Печоре регулярным частям Сибирской армии белых. В обширном районе от Подчерья до Троицко-Печорска Советская власть была свергнута при активнейшем участии местного населения. Ляпинский хлеб так и не был вывезен с Печоры...

Комиссаров послал в штаб телеграмму: “Произвел ревизию Печоря и Печкрай... Впечатление от того и другого ужасное... Все приходится изменять по-новому и налаживать”. В восстаниях на Печоре, по мнению Комиссарова, был виновен именно Мандельбаум. События для красных складывались все хуже и хуже. 20 февраля, в тот день, когда Мандельбаум в Вологде докладывал о своей деятельности в штабе Северного фронта, белые партизаны у Подчерья разбили красноармейский отряд. 25 февраля красные ушли из Щугора в Усть-Кожву, а оттуда на Ижму. Вся верхняя Печора оказалась в руках белых. Местные повстанцы стали самым жестоким образом сводить счеты со своими врагами. И красный, и белый террор были одинаково ужасны. Белый генерал В.В.Марушевский писал о событиях 1919 г. на Печоре: “В этих глухих местах... революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов.. На почве одичалости и грубых нравов населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую... Проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды... Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый, — было почти невозможно. Отравленные ядом безнадежия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае”...

29 марта 1919 г. Комиссаров отдал приказ о начале с 1 апреля отступления красных вверх по Ижме и далее на Вычегду и Вымь. Но в тот же день в с.Ласта, где он находился, появился... Мориц Мандельбаум, вновь на назначенный по чьему-то стратегическому замыслу командиром Ижмо-Печорского полка (так стал называться Печорский отряд). Первое, что сделал по возвращении “печорский Чапаев”, — это распорядился начать отступление раньше, 30 марта, сказав, по словам одного из бойцов, “что военных запасов у нас мало, хлеба мало, начался голод, морской путь отрезан и, чтобы не умереть с голоду, мы должны отступить”. По воспоминаниям одного из

участников событий, “сколько-нибудь сносной организованности при эвакуации не было. Часть красноармейцев ухитрилась выехать на лошадях, выведенных из крестьянских дворов: при отступлении обходили по дворам и забирали имевшихся лошадей”, не разбирая, кто хозяин — бедняк, середняк или зажиточный крестьянин. В Извайльской волости в верховьях Ижмы забрали вообще всех лошадей. По пути к Кедавому Мандельбаум “был арестован своими же красноармейцами за очередную грубость”, — сообщил тот же автор. Но этот конфликт удалось уладить. Однако, по словам М.Т.Трубачева, назначенного 9 апреля комиссаром Ижмо-Печорского полка, штабу войск Пинего-Печорского края стало ясно (в который уже раз!), что “настоятельно требуется его (Мандельбаума — авт.) удаление с поста командующего” ввиду полного развала отряда.

“Печорский Чапаев” под трибуналом

11 апреля 1919 г. Ижмо-Печорский полк стал отступать на верхнюю Вычегду. Там, в Помоздино, его встретили представители военного командования, в том числе и М.Т.Трубачев. Последний вспоминал, что за бойцами Мандельбаума шло множество подвод, нагруженных великолепными малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеждами, швейными машинками, граммофонами, никелевыми самоварами и многим другим, конфискованным у населения Ижмо-Печорского края. Полк был подвергнут обыску. Все имущество у красноармейцев забрали, оставив лишь необходимые предметы обихода, обмундирования и снаряжения. 23 апреля части полка стали прибывать в низовья Сысолы (в Выльгорт). 24 апреля 1919 г. Мандельбаум в очередной — и последний — раз сдал командование. Поступивших на него жалоб оказалось столько, что он был арестован и отдан под суд. Часть бойцов выразила недовольство этим решением. По воспоминаниям одного из них, “когда Мандельбаума арестовали, то красноармейцы стали требовать, чтобы его освободили и чтоб он продолжал быть командиром”. “Лично я о нем самого хорошего мнения как о человеке, и говорят о нем худое ложно”, — заявил позднее другой бывший красноармеец Ижмо-Печорского полка. Третий их боевой товарищ предлагал даже назвать именами Мандельбаума и его сподвижников “улицы в наших городах, поселках, селах”.

Эти и им подобные отзывы о Мандельбауме свидетельствуют, что “печорский Чапаев” (кем бы он ни был — “фанатиком” или

“аферистом”), как и “настоящий” Чапаев и другие такие же красные и белые командиры, своими действиями выражал, к несчастью, настроения немалой части нищавшего и озлобленного населения, в том числе и одетого в военную форму. Эта группа людей (в данном случае — красноармейцев Печорского отряда) и по прошествии многих лет продолжала считать, что в условиях Гражданской войны можно и нужно было действовать именно так, как Мориц Мандельбаум: “О Мандельбауме могут говорить плохое только те, которые ничего не знают о делах и обстановке тех лет”, — писал бывший его боец в начале 70-х годов.

Однако реввоентрибунал Западного фронта (Северный фронт был уже ликвидирован) рассудил иначе, и 20-21 ноября 1919 г. бывшего “героя Печорской экспедиции” приговорили к пяти годам тюремного заключения за непринятие мер к правильной постановке работы хозчасти и денежной отчетности полка, подлоги с целью скрыть имевшие место хищения, неучтенные взыскивавшиеся контрибуции и реквизиции, насилие, кулачные расправы и незаконные аресты, “дискредитировавшие Советскую власть”, за “превышение власти и развал дисциплины полка”. Но за решетку Мандельбаум не попал: “принимая во внимание...постановление ВЦИК об амнистии ко дню 2-ой годовщины Октябрьской революции, а также имея ввиду, что беспорядки в хозяйственной части и делопроизводстве полка и враждебные отношения с населением происходили отчасти вследствие того, что Мандельбаум крайне плохо владел русским языком” и “ввиду ходатайства Центрального комитета Немецкой группы РКП” трибунал постановил “передать последнему Мандельбауму под наблюдение, считая тюремное заключение условным, с воспрещением занимать ему ответственные должности”.

“Самый преданный делу революции”

Мандельбаум остался на военной службе, с декабря 1919 г. являлся агитатором-организатором политотдела Запасной армии в Казани. В 1920 г. он был комиссаром 132-го полка 15-й стрелковой дивизии на Южном фронте — воевал на знаменитом Каховском плацдарме, затем в Северной Таврии, участвовал в переходе через Сиваш и взятии Турецкого вала, в захвате Ишуньских укреплений, потом и всего Крыма. Судя по оценкам, данным Мандельбауму его товарищами по оружию на Южном фронте, та встряска, которую дал ему реввоентрибунал, пошла на пользу. Командир 132-го

стрелкового полка, где служил М.Мандельбаум, рассказывал, что тот “был комиссаром смелым, боевым, ...очень неплохим организатором, ...бросался туда, где можно было бы пока обойтись без комиссара... Не любил нытиков, просто презирал любителей выпить, не любил, чтобы ему наушничали”, и, что особенно примечательно, “вел очень крепкую борьбу против всякого случая мародерства”. По словам начальника политотдела 15-й стрелковой дивизии, в состав которой входил полк, Мандельбаум “пользовался огромным авторитетом среди бойцов и командиров”. Возможно, этот авторитет Мориц Мандельбаум заработал и во время борьбы с “зелеными” крестьянскими отрядами (не признававшими ни белых, ни красных), уничтожением которых 15-я дивизия занималась в конце 1920 г. в Крыму.

В конце концов бывший условно осужденный “беспардонный и бессердечный мошенник” оказался одним из “самых преданных делу революции, самых грамотных в политическом отношении людей” и в качестве такового в декабре 1920 г. был направлен в распоряжение Коминтерна. 25 декабря политуправление Красной Армии в Москве выдало Мандельбауму удостоверение о том, что командирует его в распоряжение ЦК РКП(б). Какой вклад он внес в дело подготовки мировой революции, пока неизвестно. Вероятно, Мандельбаум использовался для организации революционной работы в Венгрии, Австрии и Германии. Кто знает, может быть, именно он, вспомнив свою “юность боевую”, проведенную в Кomi крае, стал инициатором подготовки письма-обращения ЦК компартии и ЦК комсомола Австрии, главного командования австрийского МОПР (Международной организации помощи борцам революции), Всеавстрийского комитета профсоюзов и коммунистических ячеек ряда промышленных предприятий Австрии “К рабочим, крестьянам, красным солдатам Кomi области” с первомайскими поздравлениями, опубликованного газетой “Югыд туй” 8 мая 1928 г.

По некоторым данным, Мориц Мандельбаум пережил и ленинизм, и сталинизм, счастливо достигнув эпохи волонтаризма и субъективизма. Слава Богу, что его именем у нас все-таки ничего не названо.

“РАССТРЕЛЯН ПО ПРОСЬБАМ ТРУДЯЩИХСЯ”

На страницах объемистых трудов по истории Коми края, издававшихся в 60-80-е годы, найдется очень мало имен, выделяющихся на фоне бесконечных передовиков производства, партийных лидеров местного масштаба и борцов за торжество коммунизма в отдельно взятой деревне. К числу этих немногих принадлежит имя Степана Осиповича Латкина. Информация о нем обычно исчерпывалась сжатыми характеристиками типа “губернатор без губернии”, “злейший враг трудового народа” и упоминается в связи с “нашествием банд Орлова-Латкина” на Коми край в 1919 г. Между тем человек этот был заметной фигурой в политической жизни нашего края начала XX в.

Под псевдонимом “Дядя”

Степан Осипович Латкин родился в 1886 г. в Усть-Сысольске в семье зажиточного коми крестьянина, торговца кожами, имевшего в городе двухэтажный дом и земельный участок. Отец Степана Осип Михайлович (“Мишка Осип”) происходил родом из Небдино, где осталась многочисленная родня Латкиных. Старики рассказывают, что известный в 1930-е годы небдинский вор и разбойник Мишка Ондрей (Бисин) Миш приходился Степану Осиповичу двоюродным племянником. В 1901 г. Латкин окончил городское училище и некоторое время работал писцом-регистратором и помощником секретаря Усть-Сысольской уездной Земской управы. Ф.В.Буханцов в книге “Призваны революцией” так пишет об этих годах Латкина: “Большой ловелас и острослов, он умел искусно держать себя в обществе, слыл хорошим собеседником и поэтому был желанным гостем в купеческих семьях, завсегдатаем всех веселых компаний”.

Политическая биография С.О.Латкина началась в 1903 г., когда он познакомился в Казани с группой социалистов-революционеров и проникся ее идеями. В 1904 г. за распространение эсеровских листовок и газет Латкин был арестован и получил свой первый тюремный срок, но уже в 1905 г. попал под амнистию. Он вернулся в родной город, привезя с собой пачку казанских эсеровских листовок. В ночь на 14 июля 1905 г. Латкин вместе со своим дружком А.И.Бессоновым расклеили по Усть-Сысольску 36 прокламаций под названиями “В борьбе обретешь ты право своё!” и “К запасным солдатам” (первая была эсеровская, вторая — социал-демократическая). Когда одну из прокламаций kleili в городском сортире

на Базарной площади, городовой Игнатов обратил внимание на подозрительных субъектов и погнался за ними. Революционеры еле унесли ноги. Но Латкин был опознан и через несколько дней арестован. Как доносил в своем рапорте начальству усть-сысольский уездный исправник, расклеенные в городе прокламации призывали “к неповиновению властям и ниспровержению существующего в Империи государственного порядка и самодержавия”. На допросах Латкин признался в своем членстве в усть-сысольской окружной организации эсеров и получил в итоге несколько месяцев тюремного заключения за распространение антиправительственной литературы.

Еще два года он участвовал в революционном подполье. Под псевдонимом “Дядя” сочинял в разные газеты смелые обличительные статьи. 15 марта 1907 г., например, Латкин написал для газет “Мужик” и “Северная окраина”, издававшихся в Вологде, статью “Организуйтесь”, в которой, в частности, заметил: “Вся беда в том, что народ не организован, а без организации ничего нельзя поделать, хотя бы и весь народ был не доволен своими угнетателями. Когда же народ будет организован, когда он устроит сельские районные комитеты, тогда дело примет совершенно иной оборот”. Неизвестно, напечатали ли газеты подобные призывы...

В 1908 г. Степан Осипович женился на Софье Астраханцевой, дочери богатого помещика из Симбирской губернии, остыпенился и начал отходить от революционной деятельности. Родился сын Василий, надо было кормить семью. Латкин решил стать агрономом и поступил на Санкт-Петербургские Высшие сельскохозяйственные курсы. В 1910 г., будучи в Петербурге, он свел короткие знакомства с известными земляками: редактором журнала “Вестник Севера” И.А.Шергиным, архитектором А.Холоповым, студентом Психоневрологического института, будущим социологом с мировым именем П.А.Сорокиным. В обществе последнего Латкин несколько раз встречался с адвокатом А.Ф.Керенским. В начале 1908 г. (по другой версии, в 1910 г.) Латкина исключили из эсеровской партии за “монархизм и черносотенные взгляды”. По воспоминаниям лидера усть-сысольских эсеров Н.В.Лодыгина, исключению предшествовало письмо Латкина из Петербурга, в котором Степан Осипович утверждал, что “революционеры стоят на ложном пути”. Лодыгин пишет, что “партия исключила Латкина из своих рядов как “чуждый элемент” и сообщила об этом студенчеству в Петрограде, с которым Латкин вел знакомства”.

По окончании курсов Латкин с семьей переехал в уральский город Верхотурье, где устроился агрономом. Город был маленький, Латкин быстро приобрел известность. После Февральского переворота 1917 г. он занимал там пост начальника городской милиции, но за превышение власти был вскоре смешен с должности и выехал в Усть-Сысольск. В чем конкретно состояло “превышение власти” у Латкина, неясно. В воспоминаниях ветерана революции и гражданской войны И.С.Порошкина рассказывается о пыелдинском портном-большевике В.И.Шишкine, сидевшем до 1917 г. в верхотурской тюрьме: “Вышел он из тюрьмы, разъезжал на автомобилях, по 40 человек расстреливал”. К сожалению, ветеран не указывает, в каком году вышел из тюрьмы товарищ Шишкine. Возможно, аресты и расстрелы в Верхотурье были как-то связаны и с именем Латкина, когда тот был начальником городской милиции. Так или иначе, но весной 1917 г. Степан Осипович вновь был в родном городе.

Председатель

Здесь все изменилось. В некогда тихом захолустье теперь тоже занимались политикой. Даже отец Латкина Осип Михайлович и то был избран в состав Усть-Сысольского уездного Временного комитета от местной “Трудовой группы”. В большом фаворе были эсеры, учреждавшие в Усть-Сысольском уезде крестьянское самоуправление под названием Советы крестьянских депутатов. Устроившись уездным агрономом, Латкин быстро сошелся со старыми друзьями по партии, тем более, что многие бывшие политсырьльные эсеры, в том числе Лодыгин, хорошо помнивший Латкина по 1905 г., по-прежнему проживали в городе. В мае 1917 г. на уездном собрании землевладельцев Степан Осипович был выдвинут делегатом на I Всероссийский съезд Советов Крестьянских Депутатов, проходивший в Петрограде в конце мая – начале июня.

Из Петрограда Латкин выехал в Москву, где в июле принял участие в работе Всероссийского мещанского съезда, на котором собирались представители мелкого и среднего предпринимательства. На съезде Латкин был выбран товарищем (заместителем) председателя съезда В.Е.Гринева. В это время по стране уже вовсю набирала обороты избирательная кампания во Всероссийское Учредительное собрание. Впервые в истории России выборы должны были состояться на основе “всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права, посредством прямых выборов и тайного

голосования”. Вернувшись в Усть-Сысольск, Степан Осипович сразу был выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания на проходившем в начале августа 1917 г. I съезде Советов крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда. Этот съезд стал большим явлением в политической жизни города и уезда. Латкин попал на него как делегат от городских землевладельцев и был выбран председателем съезда. Его товарищами избрали А.М.Мартюшева, Д.Я.Попова и И.М.Коданева.

С.О.Латкин снял свою кандидатуру в депутаты Учредительного собрания, сославшись на “утомленность и нездоровье”. Вместо него была выдвинута кандидатура П.А.Сорокина. Съезд крестьянских депутатов избрал Латкина председателем исполкома уездного Совета крестьянских депутатов. До ноября 1917 г. Латкин занимался делами исполкома, участвуя в предвыборной избирательной кампании эсеров (надо заметить, что ближе к выборам Степан Осипович стал поддерживать кадетскую программу и, по сохранившимся данным, голосовал за кадетов, а не эсеров), а 7 ноября поставил Совет крестьянских депутатов в известность: “Имею честь заявить... что я не могу быть председателем комитета, так как Чрезвычайным уездным Земским Собранием избран председателем уездной Земской управы”. К этому времени власть в России уже была захвачена большевиками. 29 октября 1917 г. Усть-Сысольская городская Дума, гласным которой состоял С.О.Латкин, приняла резолюцию, осуждающую большевистский переворот: “Гибель России, на которую ведут ее большевики, может быть устранена только единением сил страны вокруг Комитета Спасения Родины и Революции и восстановлением коалиционного Временного правительства, что Усть-Сысольская городская Дума и ставит себе священным долгом и неотъемлемой обязанностью”.

Усть-сысольский корреспондент газеты “Северное эхо” 17 декабря 1917 г. так писал о приезде группы московских большевиков в Усть-Сысольск: “Наконец-то дождались и мы господ большевиков. 2-го декабря приехали в город официальные представители Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов для распространения большевизма среди населения. Первым делом, конечно, они явились в Земскую управу просить оказать содействия. Когда председатель управы узнал, кто такие эти господа (приехали 4 человека), он потребовал документы от них, приказал в канцелярии снять копии с них и потом заявил: “Я, как председатель уездной Земской управы, заявляю, что по вашим документам видно, что вы

изменники Родине и Временному правительству, что вы являетесь членами той банды, которая предает свою Родину, которая в союзе с Германией терзает страдающую Россию, а поэтому я, как сын своей великой Родины, как гражданин и как председатель уездной Земской управы, считаю своим долгом передать вас всех в распоряжение местного воинского начальника, как дезертиров. Документы ваши также будут переданы г. воинскому начальнику". И после этого г. председатель сам отвел этих непрошеных гостей к воинскому начальнику и передал их в его распоряжение... По слухам, едут еще три большевика, но к тому времени вероятно успеет соорганизоваться Союз для борьбы с большевиками; конечно, ни один большевик в пределы нашего города или уезда не проникнет".

Пытаясь оградить Усть-Сысольск от большевизма, местные земцы приняли решение о запрете большевистской пропаганды в уезде. Председатель управы С.О.Латкин 8 декабря 1917 г. издал распоряжение о "немедленном изъятии из употребления всей большевистской литературы в виде брошюр, листовок, газет и т.п." Известна также оплеуха С.О.Латкина советскому агитатору М.Ф.Зайкову, прибывшему в Усть-Сысольск из Москвы.

Но это, естественно, не помешало "триумфальному шествию советской власти" в Коми крае. В Усть-Сысольске группа горожан организовала Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов, который разослал закрыл и опечатал все магазины и лавки в Усть-Сысольске, намереваясь устроить инвентаризацию с последующей конфискацией товаров у купцов. Но Латкин своей властью отменил это распоряжение и вновь разрешил торговлю.

13 января 1918 г. состоялось чрезвычайное заседание Городской Думы, целиком посвященное обсуждение текущих событий в городе. На заседании присутствовали члены уездной Земской управы (в том числе ее председатель С.О.Латкин), представители городского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и др. С.О.Латкин выступил с резкой речью о непризнании советских органов власти в городе. Началась перепалка между депутатами Думы и присутствующими членами городского Совета. Заседание окончилось ничем.

15 января 1918 г. открылась 48-я сессия уездного Земского собрания, 16 января — Продовольственный съезд, 17 января — Учредительный съезд уездного Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. С.О.Латкин тоже участвовал в его работе, выступил с разъяснительной речью, где защищал свои распоряжения в декабре

1917 г.: “Мне бросили обвинение, во-первых, в разрешении торговли, закрытой Советом Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Но как же я мог поступить иначе, когда ко мне приходили местные жители и крестьяне дальних деревень и просили распоряжения, как лица, имеющего отношение к самоуправлению... открыть магазины для производства закупок необходимейших товаров. Просьбы были настойчивые, и мне ничего больше не оставалось, как только исполнить желание населения. Во-вторых, по вопросу об уничтожении большевистской литературы... Я только исполнял постановления Чрезвычайного Земского Собрания — не входить в сношения с большевиками и противодействовать их распоряжениям”. Съезд оставил Латкина на свободе, хотя раздавались голоса об аресте председателя управы за антисоветские действия. Но земство пока еще существовало, и его авторитет играл свою роль.

Учрежденный на съезде Совет стал верховной властью в уезде. Земство как хозяйственный орган продолжало существование, а Латкин по-прежнему оставался председателем уездной управы.

20 марта 1918 г. I Усть-Сысольский уездный съезд Советов принял решение ликвидировать земства. Бывший председатель уездной Земской управы С.О.Латкин содержался к этому времени за решеткой. В феврале 1918 г. он был арестован за игнорирование советской власти (а конкретно — за новое разрешение свободной торговли). В связи с арестом председателя Союз земских служащих объявил забастовку и обратился к I съезду Советов с требованием об освобождении Латкина. Съезд объявил амнистию политзаключенным. А.М.Мартюшев, выступая на съезде, заметил по этому поводу: “Большой беды нет, что Латкин, будучи председателем Земской управы, не зная уверенно, укрепиться ли Советская власть, разрешил открыть магазины”.

27 марта Степан Осипович вышел из тюрьмы, чтобы спустя два дня снова очутиться в камере. На этот раз он был арестован за скандал в городской аптеке, заведующий которой Карл Пильберг уволил без согласия Земской управы, но с ведома Совета служащего. Латкин зашел в аптеку и отчитал Пильберга за самоуправство. Последний обратился к съезду Советов с просьбой оградить его от происков земца. Съезд постановил арестовать Латкина за новое непризнание им Советской власти.

Сообщения источников о дальнейшей судьбе Степана Осиповича расходятся. По одной версии, Латкина освободили из тюрьмы 1 апреля 1918 г. по ходатайству его приятеля, комиссара юстиции

Н.В.Лодыгина. Комиссар выступил на съезде с речью, в которой, в частности, заметил, что “виновность Латкина сомнительная, между тем общепринятый срок для предварительного заключения до суда 48 часов уже истек”. Лодыгин предложил освободить Латкина, отобрав у него вид на жительство и взяв подпись о невыезде, что и было будто бы сделано по постановлению съезда. По другой версии, Степан Осипович с конца марта и по июнь 1918 г. содержался в заключении, о чем было известно даже Вологодской духовной консистории, получившей в апреле 1918 г. жалобу Судебной организации Усть-Сысольска на действия уездного Народно-революционного трибунала. Прося заступничества священнослужителей, Судебная организация писала: “Самочинно возникшее... судилище — трибунал... заключает по своим приговорам ни в чем не повинных людей в тюрьму, как это было с председателем Усть-Сысольской Земской управы Латкиным, осужденным на три месяца в тюрьму только за то, что он не признал Советской власти”. Консистория, разумеется, ничем не могла помочь Степану Осиповичу, разве что лишила духовного сана Д.Я.Попова, комиссара по земским делам.

В июне 1918 г. II съезд Советов Усть-Сысольского уезда, на котором преобладали левые эсеры, объявил амнистию политзаключенным. Латкин вышел из тюрьмы. Он решил вновь поработать уездным агрономом и подал прошение об этом в Усть-Сысольский Земельный комитет. Одновременно редактор уездной газеты “Зырянская жизнь” левый эсер Д.С.Попов предложил Латкину стать зав. отделом сельского хозяйства в газете. Но грянувшая вскоре большевизация местного уездного Совета сорвала планы Степана Осиповича.

Он понимал, что рано или поздно усть-сысольская ЧК расправиться с ним, как с явным врагом советской власти, поэтому решил бежать. Как раз пронесся слух, что в Яренск приехал и выступает там с лекциями старый знакомый Латкина депутат Учредительного собрания П.А.Сорокин. Степан Осипович втайне от всех (жени он сказал, что идет на рыбалку) покинул Усть-Сысольск и направился в Яренск, надеясь встретиться там с Сорокиным. Его бегство не сразу было замечено. Но осенью чекисты вовсю разыскивали по Усть-Сысольскому уезду скрывшегося невесту куда бывшего председателя уездной Земской управы. 19 сентября 1918 г. председатель усть-сысольской ЧК М.М.Ляпунов разоспал по всем волостным совдепам уведомление: “Усть-Сысольским ЧК разыс-

киваются скрывшиеся Кононов В.Н., Попов В.Ф., Латкин С.О., Фролов А.С. Гражданам, знающим их местожительство, предписывается немедленно довести до сведения ближайших Советов, которые должны их немедленно арестовать и под строгим конвоем представить в распоряжение Чрезвычайной Комиссии". Но Латкин в это время был уже вне досягаемости Ляпунова.

Губернатор

Июль 1918 г. был месяцем повсеместных восстаний против Советов и большевиков. 6 июля вспыхнуло Ярославское восстание, 16 дней повстанцы удерживали город в своих руках. После поражения ярославцев началось Шенкурское восстание, возглавляемое учителем М.Н.Ракитиным. Всюду носились слухи о готовящемся выступлении в Архангельске. Неудивительно, что из Яренска Латкин поехал сразу на север, тем более что и Сорокин направился тоже в Архангельск (правда, в отличие от Латкина он доехал только до Усть-Пинеги).

Степан Осипович прибыл в Архангельск уже после антибольшевистского переворота. Созданное 2 августа 1918 г. Верховное Управление Северной области (ВУСО) во главе с народным социалистом Н.В.Чайковским взяло на себя "верховную государственную власть в Северном крае".

Новое правительство очень нуждалось в активных и преданных Белому делу работниках. В Управлении Внутренних Дел ВУСО С.О.Латкину сразу предложили стать начальником Архангельского уезда, но он отказался, выбрав должность особо уполномоченного УВД по Мезенскому уезду. Поскольку ситуация там в августе 1918 г. была еще неопределенной, Латкин выехал туда также в качестве уездного агронома. К сожалению, деятельность Латкина в Мезенском уезде практически неизвестна. Ф.В.Буханцов пишет, что за время работы особо уполномоченным УВД ВУСО Латкин собирал сведения о положении дел в Усть-Сысольском и Яренском уездах, надеясь туда вернуться в качестве "правителя". Возможно. Известно также, что в январе 1919 г. Латкин находился в Важгорте на Удоре и бежал оттуда вместе с белогвардейским гарнизоном, преследуемый частями Вашко-Мезенского советского полка. К этому же времени относится, наверное, и докладная записка Степана Осиповича помощнику Мезенского правительенного комиссара Окулову о неблаговидной деятельности Удорского Комитета общественной безопасности, спекулирующего поставками продовольствия для Белой армии.

По всей видимости, деятельность Латкина в Мезенском уезде была успешной. В апреле 1919 г. он был вызван в Архангельск, где получил пост чиновника особых поручений при Временном правительстве Северной области (ВПСО). В августе 1919 г. Латкина представили Главнокомандующему Северным фронтом белых генерал-лейтенанту Е.К.Миллеру, в беседе с которым и решилась дальнейшая судьба Степана Осиповича. Штаб фронта планировал начать осенью 1919 г. наступательные действия в Вычегодском крае, в глубоком тылу красных, с целью выхода в район Котласа. Латкин был назначен “уполномоченным ВПСО для организации гражданской власти в местностях, освобожденных от советской власти” при вычегодском военном экспедиционном отряде.

5 сентября 1919 г. начальник Архангельской губернии И.В.Багриновский издал приказ № 107: “В целях согласования действий гражданских властей с военными заданиями, а также в целях объединения административной работы в Яренском уезде и других вновь занимаемых местностях Вологодской губернии... командирую в пределы Вологодской губернии через с.Усть-Вашку Мезенского уезда в качестве уполномоченного отдела внутренних дел чиновника особых поручений при мне сверх штата С.О.Латкина. Уполномоченный о.в.д. пользуется в указанном районе правами начальника губернии и ему подчиняются все чины ведомства внутренних дел...” Долгое время считалось, что инициатива экспедиции на Вычегду и особенно организация добровольческого отряда исходили исключительно от Латкина. Это не совсем так. Большую роль в деле набора добровольцев сыграл также Г.Н.Сосунов, помощник начальника Архангельской губернии, а в дальнейшем помощник начальника Онежского района. Латкин, возможно, состоял с ним в дружеских отношениях. В телеграмме на имя Сосунова, отправленной из Усть-Кулома 12 января 1920 г., Латкин поздравляет его с Новым годом: “Молодцы вычегодцы просят передать Вам свои поздравления и глубокую благодарность за содействия по организации отряда, который вылился теперь в полк, крепкий духом, готовый биться до последнего за Временное правительство, стоящего на страже справедливости. Радуюсь скорому нашему свиданию... Крепко жму руку...”

Итак, в начале сентября 1919 г. усилиями С.О.Латкина, Г.Н.Сосунова и капитана (впоследствии подполковника) Н.П.Орлова, назначенного командиром, был сформирован Особый Вычегодский добровольческий отряд. В конце октября он вышел на

Вычегду и захватил первый населенный пункт в Коми крае — с.Айкино. Здесь и началась деятельность Латкина в качестве “губернатора”. На состоявшемся 30 октября общеволостном сходе Степан Осипович выступил с речью, в которой обрисовал военно-политическую ситуацию на Вычегде и призвал коми крестьян к поддержке действий Белой армии. На сходе была выбрана временная айкинская волостная Земская управа во главе с А.А.Поповым. Одновременно айкинцы выдвинули белым своеобразный ультиматум: “Если Орлов не предпримет ничего решительного против коммунистов, то мы сами всех их перестреляем”. Это предложение внес на сходе кулак Ф.Разманов, и оно было принято молчаливым большинством. Двух коммунистов (Н.М.Пызыдышева и Н.Н.Тюрнина) спас от расстрела айкинский священник П.А.Богословский. Он также попытался составить в отношении арестованного фельдшера-большевика Н.И.Жижева приговор общества об освобождении, но не успел. Жижев был расстрелян. Функции карателей выполнял в Айкино комендантский взвод под командованием казака С.Матвеева. В Айкино возродилась волостная ячейка эсеров, ядро которой составляли В.А.Исаков, К.Н.Чукичев, М.И.Калимов, Ф.Д.Малафеев и Ф.П.Чукичев. Латкин заверил товарищей по партии в полной победе белого оружия и о планах созыва нового Всероссийского Учредительного.

Кое-где репрессии белой власти в отношении коммунистов не были поддержаны населением, в ряде мест — наоборот. В Шежаме общее собрание граждан не разрешило арестовать и расстрелять ни одного коммуниста. В Гаме мужики встретили Латкина со словами благодарности, что он спас их волость от красных. На сходе в Гаме местный учитель, бывший эсер С.А.Марков, записал под диктовку односельчан фамилии гамских большевиков и передал список карателям. В Жешарте сход постановил изгнать из волости учительницу Климушеву за то, что она “детей заражает коммунизмом”. Латкин допросил Климушеву, потом отпустил на все четыре стороны (впоследствии, жешартская учительница вновь была арестована и препровождена в Айкино, где и сидела до эвакуации белых).

После занятия ряда населенных пунктов на Вычегде Латкин шлет в Архангельск донесение, просит выслать продовольствие и финансы для освобожденных от красных территорий. На нужды Яренского и Усть-Сысольского уездов, автоматически вошедших теперь в состав Северной области, он просил перечислить не менее миллиона рублей

до конца 1919 г. (эти деньги действительно были выделены Архангельском 2 декабря 1919 г.).

7 ноября Степан Осипович со своей походной канцелярией прибыл в Яренск. Вечером в здании бывшей Земской управы состоялось общегородское собрание, на котором присутствовало несколько сотен избирателей. Основной целью собравшихся являлись выборы в городскую Думу и уездную Земскую управу. Латкин присутствовал на собрании в качестве начальника Вологодской губернии. Это был первый город, в который он, образно выражаясь, въехал на белом коне. Начальником Яренского уезда стал 39-летний А.В.Новоселов, бывший секретарь уездного земельного отдела. При яренском земстве была создана Следственная комиссия под председательством А.П.Губенского. Она собиралась два раза, в обеих случаях оправдав обвиненных в распространении идей коммунизма лиц (в первый раз был оправдан учитель Павлов, во второй — группа крестьян).

Новоселов после консультаций с Латкиным издал в период с 7 по 17 ноября 1919 г. ряд приказов и распоряжений по Яренскому уезду — своеобразную программу действий восстановленного земства. И если, скажем, приказы № 1 и 2 от 7 и 10 ноября выполняли в основном охранные функции (запрещалась, в частности, противогармейская агитация, незаконные собрания, хранение огнестрельного оружия и т.д.), то более поздние распоряжения касались уже действительно восстановления досоветского правопорядка. Например, в предписании Княжпогостской волостной Земской управе № 23 от 17 ноября Новоселов писал о воссоздании института волостного суда (на основе статей 154-178 “Общего положения о крестьянах” издания 1902 г.), разрешении свободной торговли, отмене твердых цен, возвращении реквизированного и конфискованного при советской власти имущества прежним владельцам. Последним сразу воспользовались все, кто лишился своей собственности при коммунистах. Так, бывший пароходовладелец Козлов из Онежья, не в силах вернуть себе национализированное и уплывшее невесть куда судно, забрал из Онежского советского клуба свою мебель.

Яренский Союз кооперативов не эвакуировался с красными. Председатель Союза М.А.Колычев после переговоров с Латкиным и Новоселовым отдал распоряжение возобновить торгово-закупочные операции по уезду. Белые не занимались грабежом складов кооперативов при первом занятии Яренска. Из документов

кооператоров видно, что в первой половине ноября у них реквизировали всего два мешка сахара. Кооператоры отказались снабдить белую милицию зимней обувью и даже не были наказаны за подобную смелость. Когда Яренск вторично был занят белыми, тогда и начался грабеж кооперативов. На Удору были увезены 802 пуда пороха, 10 тысяч аршин мануфактуры, три ящика махорки, посуда, конфеты, папиросы, мыло, шесть бочек керосина и т.д. Видимо, во второй половине ноября 1919 г. белые уже не надеялись восстановить досоветский уклад жизни по Яренскому уезду; оставалось только грабить.

Из яренской тюрьмы выпустили всех арестованных поначалу меньшевиков-интернационалистов. Из массы яренских коммунистов каратели расстреляли всего пять человек. Часть большевиков, в основном руководящего звена, перешла на службу к белым (в том числе член яренского ревкома И.Д.Проскуряков, уже упоминавшийся В.К.Тырин, зав. транспортным отделом уездисполкома А.Д.Ершов, начальник советской милиции 2-го района Яренского уезда С.Калинин, председатель Коквицкого Совдепа Седрысов и др.). В городе остались практически все учителя, так что вскоре занятия в школах возобновились. 11 ноября состоялся общегородской педсовет, на котором учителя постановили вести занятия в школах по положениям, существующим при Временном правительстве 1917 г. Позднее, 27 декабря 1919 г. за преподавание при белых учителя Н.К.Тяпугин, Н.В.Кочнева, В.И.Кочнева, П.А.Гулынин, Н.К.Писарева и А.П.Губенский были исключены из школ. Весь ноябрь 1919 г. в Яренске шел ремонт городской больницы. Земство составило также смету на ремонт грунтовых дорог в уезде и на строительство станционных зданий по Шежамо-Бутканскому тракту. В Айкино были размещены оружейные ремонтные мастерские, открылся лазарет.

Яренск имел праздничный вид. Не случайно даже враги белых, в частности, Елена Покровская, сестра известных в уезде большевиков — братьев Покровских, писала в своих воспоминаниях: “Местная буржуазия, до сих пор притаившаяся, зашевелилась. Купчихи надели свои пропахшие нафталином ротонды, служили молебны. Здание уездного комитета РКП(б) по чьей-то контрреволюционной инициативе было окроплено духовенством святой водой, отслужен молебен. Слышался звон колоколов. Белогвардейские офицеры, одетые в английские военные шинели, кутили, пьянствовали... Везде были вывешены монархические флаги”.

Из Яренска С.О.Латкин направился в Усть-Сысольск, который был освобожден от красных 15 ноября отрядом фельдфебеля С.Е.Завьялова. Под канцелярию начальника Вологодской губернии был занят советский клуб “Звезда” (бывшее здание магазина Дербеневых). Штат канцелярии резко увеличился за счет вернувшихся из-под Визинги заложников красных (при эвакуации из Усть-Сысольска ЧК этапировала в Мураши 19 заложников, но в пути конвоем они были отпущены на все четыре стороны, хотя комиссар И.П.Чукичев и требовал расстрелять их всех). Кстати, красные взяли в заложники и отца С.О.Латкина. Он был доставлен в Великий Устюг специальным этапом и помещен в губернскую тюрьму.

Прибыв в Усть-Сысольск, Латкин отдал распоряжение начальному временной охраны города А.П.Кудинову прекратить беспорядки в городе (горожане грабили склады и магазины), арестовать зачинщиков, а также всех большевиков и активистов советской власти, произвести учет спирта. В усть-сысольскую тюрьму препроводили 24 человека, коммунистов среди них не было, если не считать бывших, исключенных из партии либо по собственному желанию, либо за провинности. Всех таких экс-коммунистов выдал белой милиции С.А.Надеев, один из немногих действительных большевиков, оставшихся в городе. После того, как городскую милицию возглавил бывший усть-сысольский воинский начальник, полковник царской армии И.И.Львов, аресты стали производиться исключительно на основании ордера. Любопытный случай, связанный с этим, произошел во время задержания активиста советской власти П.Ф.Парилова, обвиняемого в краже конфет из потребительской лавки. Когда милиционеры пришли его арестовывать, Парилов решительно воспротивился следовать в тюрьму, мотивируя свой отказ отсутствием у стражей порядка ордера. Он был арестован только со второй попытки, когда Львов выдал ордер на его арест.

Всего в усть-сысольской тюрьме содержалось за время белой власти по разным данным от 40 до 100 арестантов. Никто из них не был расстрелян. Усть-сысольский священник Б.А.Едский ходил на прием к Латкину хлопотать об освобождении арестованных. Латкин заявил ему, что беспокоиться не нужно, все будут освобождены. В специальном воззвании Степан Осипович заверил население Усть-Сысольска в миролюбии новой власти: “Никто не будет расстрелян”. Пять человек, в том числе известный в Усть-Сысольском уезде советский деятель И.С.Юрьев были отправлены по этапу в

Архангельск. После взятия столицы Северной области Красной Армией в феврале 1920 г., все они благополучно вернулись домой.

18 ноября в Усть-Сысольске состоялись сразу два больших собрания: учителей и по выборам в уездное и городское земство. На собрании учителей Латкин выступил с речью, где призвал педагогов вернуться к досоветской системе преподавания. Советские школы 2-й ступени были реорганизованы в высшие начальные училища. Предмет “Закон Божий” вновь ввели в школьный курс. Вскоре после собрания школьные занятия в городе и близлежащих волостях возобновились. Общегородское собрание по выборам в земство проходило в бывшем советском клубе “Звезда”, присутствовало около 500 избирателей. Председателем собрания являлся Н.А.Суханов, делопроизводитель усть-сысольского лесозаготовительного округа. Он предложил на пост председателя Временной Усть-Сысольской уездной Земской управы В.А.Тентюкова, кандидатура которого и была утверждена собранием. В состав уездной управы избрали кроме того Н.А.Суханова (зам.председателя), В.П.Титова, П.А.Забоева, Г.Д.Оплеснина, А.И.Безсонова, З.Д.Следникова, В.П.Кудинова, В.А.Прокопьев и др. Председателем городской Думы стал П.А.Забоев, бывший зав. коммунальным отделом и жилищным подотделом уездисполкома, городским головой избрали инвалида И.П.Лыткина. Состав гласных Думы решено было не избирать — все, кто были выбраны в Думу последнего созыва, согласились работать в новых условиях. Начальником уезда был назначен Г.Ф.Ролланд, бывший зав. лесным подотделом уездисполкома, уездную милицию возглавил землемер Л.А.Ботнев, бывший подпоручик царской армии. Городской тюрьмой по-прежнему ведал П.В.Колотов, которому по всей видимости было совершенно безразлично, кого содержать в камерах — белых или красных.

Вновь выбранная уездная управа тотчас занялась делами. В первую очередь необходимо было решить продовольственную проблему. Население самовольно растащило по домам значительные запасы хлеба из ссыпных пунктов. В Зеленце, например, местные припрятали весь складированный там хлеб, предназначенный для 600 ижемских беженцев. Чтобы изъять этот хлеб и вывезти его в Усть-Сысольск, в Зеленец выехала специальная комиссия земства во главе с В.А.Тентюковым и Г.Д.Оплесниным. Ей удалось собрать в волости более 167 пудов хлеба, который был вывезен в город и реализован горожанам.

Латкин обратился в штаб Печорского района белых, полковнику В.Ахаткину за помощью в снабжении гражданского населения уезда продовольствием. 9 декабря из Усть-Цильмы для “начальника Вологодской губернии” был отправлен первый обоз с продовольствием (87 пудов муки, свыше 43 пудов мяса, 28 пудов рыбы, 14 пудов крупы, 8 пудов сахара и т.д.). Груз добрался до Латкина, когда тот уже находился в Усть-Куломе. Большую деятельность кроме продовольственного развили лесной отдел земской управы. Дело в том, что при эвакуации красных весь отряд уездной лесной стражи остался в Йбе и, дождавшись подхода белых, вернулся в Усть-Сысольск, так что дефицит в кадрах лесной отдел не ощущал. По возвращении в Усть-Сысольск лесничий Н.С.Соборский передал Латкину казну Союза трудовых лесных артелей на сумму 198111 рублей, а Г.Ф.Ролланд — последнюю выручку за продажу леса (86000 рублей). Лесничие предложили отпускать населению лес по инструкции 1900 года, причем несостоительным — бесплатно. Лесной отдел организовал в Усть-Сысольске продажу дров, сумма от которой (131833 рубля) поступила в фонд земства.

20 ноября 1919 г. уездная Земская управа разослала по всем волостям Усть-Сысольского уезда отношение №30 за подписью В.А.Тентюкова с распоряжением “О немедленном преобразовании волисполкомов во Временные волостные земские управы”. В командировку по сысольским и вычегодским волостям отправились земцы Н.А.Суханов, П.А.Забоев и И.П.Лыткин. Суханов посетил, например, Пезмог, Небдино, Подъельск, Визябож, Большелуг, Богородск, Усть-Кулом, везде созывая народные сходы в поддержку земства. Забоев ездил в Пажгу и Йб, раздавал там архангельские газеты. В Пажге председателем волостной управы был избран Н.Ф.Конев, в Йбе — А.Я.Сямтомов.

Любопытная история с воссозданием земских учреждений произошла в Койгородской волости. Получив отношение усть-сысольской управы № 30, секретарь волисполкома В.С.Лихачев назначил крестьянский сход на 27 ноября, на котором койгородцы постановили: “Выборы отложить впредь до выяснения результатов по этому поводу в соседних волостях (Ужгинской и Гривенской), но не позднее 30 ноября”. Пока шло “выяснение”, Сысола была уже обратно отвоевана красными, и в Койгородок вернулись коммунисты. Однако 30 ноября 1919 г. собрание граждан волости по выборам в волостную земскую управу все равно состоялось. Волостной военный комиссар П.Гуляев за попытку конфисковать

переписку с белым Усть-Сысольском был избит и изгнан с собрания. Однако вечером 30 ноября в Койгородок вступил отряд красноармейцев из Объячево, и страсти по выборам в земство улеглись.

С.О.Латкин тем временем подготовил к тиражированию свое политическое воззвание “К простому зырянскому народу”: “Я — Степан Осипович Латкин, природный зырянин... Я хорошо знаю все недостатки края, которые ныне же нужно изжит... Прежняя царская власть пала, теперь вся власть государственная находится в руках большевиков, которые, чтобы склонить на свою сторону простой крестьянский народ, обещают многое, но они обманывают, не верьте им. Они уничтожили правительство, разложили войска, производят всюду грабежи, отняли имения помещиков, разрушили монастыри, множество храмов, святыни сожгли, множество архипастырей и пастырей расстреляно... Долго ли будет терпеть эти бедствия русский крестьянин? Давно пора встать на его защиту... Открывайте в волостях Земские управы, восстановливайте полицию и мы скоро очистим свой край от неугодной нам власти... Я... употреблю все силы и средства для приведения края в мирное положение”. Воззвание предполагали опубликовать в типографии З.Д.Следникова, но по каким-то причинам оно так и не увидело свет.

Вместо этого типография напечатала различные “Объявления” Латкина, касающиеся нормализации экономической и политической ситуации в уезде. В частности, запрещались “хищения советского имущества”, объявленного государственным; запрещались также самовольные аресты и хранение огнестрельного оружия; разрешалось хождение советского рубля на рынке совместно с “северным” и т.д.

Ходоки из сысольских волостей обратились к начальнику Вологодской губернии с запросом, что им делать с землей, передел которой был осуществлен при советской власти. Латкин ответил, что “раздел земли, отобрание и передача ее от одних граждан другим ни в коей мере не подлежит его компетенции, и что эти вопросы должны быть разрешаемы самими гражданами с специальными земельными отделами”. Несмотря на близость фронта в Усть-Сысольске жизнь постепенно нормализовалась. Работали магазины, лавки, школы, церкви. Открылась столовая для солдат (заведующий столовой Малыгин был в свое время ярым активистом советской власти, с приходом белых он долго ждал своего ареста, но так и не дождавшись, решил кормить белогвардейцев). Состоялась свадьба учителя пения Покровского на дочери известного в Усть-Сысольске купца В.П.Комлина. По воспоминаниям А.А.Потаповой, “свадьба была

отпразднована особо пышно". Сыграл свою новую свадьбу и С.О.Латкин — на некоей Суворовой, купчихе (развод с Софьей Астраханцевой Латкин оформил в 1926 г.).

Между тем, положение на фронте как на Сысоле, так и в Яренском уезде день ото дня становилось для белых все хуже и хуже. 17 ноября 1919 г. начальник Яренского уезда А.В.Новоселов в своем рапорте Латкину писал: "Банды красной армии и коммунисты во главе с военным комиссаром Коковкиным... 200-300 человек... окопались около Козьминской волости. Их разбойничье-разведочные отряды, разъезжая по деревням, грабят мирных жителей, забирая живой инвентарь, хлеб, овощи и прочее... Население этих волостей умоляет о помощи..."

В последних числах ноября в Усть-Сысольск прибыла рота поручика А.Г.Иванова из 10-го Печорского полка. Она была сразу направлена на фронт, но военную ситуацию под Усть-Сысольском уже нельзя было изменить. Ударная группировка красных под командованием коменданта Вятки Б.В.Контыма численностью в 1830 штыков и сабель теснила на север малочисленный сысольский отряд белых. В Усть-Сысольске началась паника. 30 ноября Латкин выехал из города. Он отдал распоряжение выпустить из тюрьмы часть арестованных, а остальных этапировать в Корткерос. Последнее не было выполнено. Арестанты благополучно дождались прихода красных. 2 декабря войска Контыма вошли в Усть-Сысольск. Яренск к этому времени тоже был вновь советским.

Во главе усть-куломского "Президиума"

После эвакуации Усть-Сысольская уездная Земская управа разместилась в Усть-Куломе, ставшем, таким образом, своего рода "столицей" белого Коми края. Здесь Латкин образовал т.н. "Президиум", куда помимо него вошли председатель Усть-Сысольской городской Думы П.А.Забоев и начальник милиции Усть-Сысольского уезда Л.А.Ботнев. "Президиум" принадлежала вся гражданская власть на верхней Вычегде. В первую очередь Степан Осипович связался по телеграфу с остатками Особого Вычегодского добровольческого отряда, отступившего на Удору. Вскоре удалось выяснить, что старшим в удорском отряде является поручик Глыжев, находящийся в Кослане. Ему Латкин и отправил телеграмму: "Немедленно телеграфируйте в Усть-Кулом подробно о состоянии отряда и какие части Вычегодского отряда отступили в Кослан. Получен приказ Главкомсева развернуться в полк. Необходимо

готовиться к выступлению сюда батальонного имущества, не оставлять ничего. Где жена покойного подполковника Орлова?" Начальник Яренского уезда А.В.Новоселов, тоже находившийся на Удоре, получил вскоре предписание Латкина: "Предлагаю вам заняться организацией администрации и выполнять мои обязанности в Удорском крае, который является частью Яренского уезда... Срочно телеграфируйте... о беженцах и их положении..."

Некоторое время Усть-Кулом и Удора непрерывно обменивались телеграммами, выясняя прежде всего судьбы тех, кто погиб или не сумел отступить с армией. Позднее Латкин ездил в Ульяновский Троице-Стефановский монастырь, где в беседе с настоятелем о. Амвросием попросил монахов отслужить панихиду по убиенным офицерам и солдатам Особого Вычегодского добровольческого отряда. 15 декабря 1919 г. начальник Вологодской губернии представил к наградам большую группу офицеров, унтер-офицеров и рядовых стрелков. К Георгиевскому кресту 2-й степени был представлен и фельдфебель С.Е.Завьялов, первым вошедший в свое время в Усть-Сысольск. Георгиевской медалью 4-й степени был награжден начальник усть-куломского почтово-телеграфного отделения В.Н.Бобров, приложивший максимум усилий для восстановления телефонной связи на верхней Вычегде. (А надо заметить, что Бобров был большевиком, в связи с чем усть-куломцы написали Латкину донос, возмущенные тем, что "слепые коммунисты, т.е. второстепенные расстреляны, шайка же коммунистов, среди которых находится... Бобров и его жена и остальные служащие телеграфа [продолжают работать при белых]"). Латкин не обращал внимания на доносы — ему нужны были работники вне зависимости от их партийной принадлежности. Множество коммунистов на верхней Вычегде было мобилизовано в ряды Белой армии, в том числе и в Керчомский партизанский отряд, занимавшийся разведкой не только на вычегодском, но и пермском направлениях. Но репрессии в отношении большевиков тоже проводились. В Помоздино находилась карательная рота поручика И.Вяткина, которая занималась дознанием арестованных коммунистов, этапированием их на Печору и иногда расстрелами. Например, в январе 1920 г. в Троицко-Печорск доставили 13 арестованных вычегодских коммунистов, которые приказом капитана Шульгина были зачислены на провиантское и табачное довольствие в местной тюрьме.

В Усть-Куломе был расстрелян советский судья С.П.Кочанов (по возвращении большевики даже хотели переименовать Усть-Кулом в Кочаново), в Помоздино — Д.Ф.Каликова (в 20-е гг. Домна Каликова была возведена в ранг народной коми героини, в ее честь устанавливали памятники, переименовывали улицы и т.д.). На протяжении десятилетий советские историки и писатели инкриминировали Степану Осиповичу допрос Домны Каликовой. По архивным материалам следственного дела Латкина 1926 г. видно, что он “не допрашивал и не видел ее совсем”. В отличие от пребывания в Усть-Сысольске, в “усть-куломский период” Латкин не строил никаких политических планов на будущее в качестве начальника Вологодской губернии, а занимался более прозаическими делами. Прежде всего это были продовольственное снабжение населения и формирование 14-го Северного Вычегодского полка. 21 декабря Степан Осипович вновь обращается в Архангельск с просьбой выделить продовольствие для Усть-Сысольского и Яренского уездов: “Население совершенно не имеет продовольствия. Мне приходится делиться имеющимися скучными запасами. Яренский начальник уезда сообщает о безвыходном положении 1000 беженцев на Удоре, помочь которым я не могу. Денег до сих пор не получил. Обходимся пока займами и пожертвованиями. Просьба перевести через полковника Ахаткина деньги”.

Командующий Печорским районом белых Виктор Ахаткин знал о бедственном положении Усть-Кулома. Он старался как мог помочь Латкину, организуя для населения верхней Вычегды продовольственные обозы, а для формируемого 14-го полка поставки оружия и обмундирования с Печоры. В начале января 1920 г. полковник Ахаткин выехал в инспекционную поездку по верхней Печоре и Вычегде. 6 января он встретился в Усть-Куломе с Латкиным и заверил его, что интендантство Печорского района будет снабжать верхнюю Вычегду всем необходимым по мере возможности. Кадровое печорское офицерство (особенно командир верхнепечорской группировкой войск капитан В.Шульгин) не испытывало особых симпатий к “начальнику Вологодской губернии”. По приказу из Архангельска военные подчинялись Латкину в гражданских делах, в первую очередь в отношениях с местным населением, но за глаза прозвали Степана Осиповича “агрономом” и посмеивались над его стремлением примирить коммунистов и их врагов.

Такое стремление у Латкина одно время действительно наблюдалось. В частности, в декабре 1919 г. во время посещения Усть-

Немской волостной земской управы, куда по мнению белогвардейских офицеров “проникли коммунисты”, Степан Осипович заявил, что “неприкословенность выборного лица должна быть безусловной, независимо от его политических взглядов”. В Керчомье накануне Нового года местные учителя устроили ёлку для школьников и населения. Латкин вместе с Суворовой ездил на ёлку, организовал сбор и раздачу новогодних подарков. Для Латкина эта керчомская ёлка стала своеобразным символом несбыточного гражданского мира.

В январе 1920 г. в Усть-Куломе состоялся парад сформированного 14-го Северного Вычегодского полка. Парад принимали исполняющий обязанности комполка штабс-капитан А.О.Прокушев и С.О.Латкин. Степан Осипович произнес перед солдатами большую речь, смысл которой состоял в необходимости продолжения борьбы с большевизмом. Солдаты, как это и полагается, ответили троекратным “ура”. 20 января С.О.Латкин с Суворовой и Н.С.Соборским выехали в Архангельск (по другим источникам, Суворова осталась в Усть-Куломе). Путь был неблизким — через Ижму, Мезень и Пинегу, так что добрались до столицы Северной области только в феврале. В Архангельске Латкин узнал, что за участие в экспедиции на Вычегду ему присвоен офицерский чин подпоручика. Постановлением ВПСО от 9 февраля 1920 г. он награждался также орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Латкин был весьма удивлен производством в офицеры и позднее писал об этом: “Когда я пришел в штаб, чтобы указать, что я совсем не желаю быть военным, и тем более офицером, да и не могу быть таким, так как никогда в жизни не был в строю и не знаком ни теоретически, ни практически с военной специальностью, мне ответили, что это от меня и не требуется, так как штаб и не предполагает использовать меня как военную силу, но что наградить меня нужно именно офицерским чином, чтобы в дальнейшей моей работе в Усть-Куломе военные власти смотрели на меня тоже как на военного, что в значительной мере может сглаживать взаимоотношения между мной и остальными”. Степан Осипович дал телеграмму в Усть-Кулом, что возвращается обратно, но обстоятельства помешали этому возвращению. Е.К.Миллер предложил Латкину занять пост управляющего отделом внутренних дел ВПСО, мотивируя это тем, что кандидатура Латкина выдвинута Земско-Городским совещанием Северной области, но Степан Осипович

отказался. Он был назначен начальником Архангельской губернии. В этой должности Латкин пробыл всего несколько недель.

Казавшийся прочным Северный фронт в середине февраля 1920 г. внезапно рухнул вследствие многочисленных солдатских мятежей. Во многом этому способствовала порочная практика белогвардейского командования пополнять фронтовые части пленными красноармейцами. 19 февраля 1920 г. Главнокомандующий Северным фронтом белых Е.К.Миллер оставил Архангельск, отплыв в Норвегию на яхте “Ярославна”. Вместе с ним эвакуировалось на ледоколе “Канада” около 600 человек правительственные чиновников, военных, женщин и детей. С.О.Латкин и Г.Н.Сосунов были в их числе. Н.С.Соборский, который выехал с Латкиным из Усть-Кулома в Архангельск, тоже получил приглашение на борт “Канады”, но отказался покинуть Россию (красными он потом был осужден на 15 лет концлагерей). Началась заграничная страница жизни С.О.Латкина.

Back in the USSR.

Прежде чем осесть в Англии и заняться книжной торговлей, Латкин много путешествовал по Европе, правда, в основном по служебным делам. По словам Ф.В.Буханцева, за границей Степан Осипович стал одним из доверенных лиц Е.К.Миллера, занимавшего в 1920-1922 гг. пост главноуполномоченного и начальника штаба барона П.Н.Врангеля в Париже. В 1921 г. Латкин открыл книжную лавку “Родное слово” в Лондоне. Она помещалась на Шафтсбери-авеню, 222. Именно этот адрес был указан для почтовой корреспонденции из Советской России. В Лондоне Латкин выписывал газету “Югыд туй” из Усть-Сысольска. Согласно тому же Ф.В.Буханцеву, книжная лавка Латкина “имела двоякое назначение. Днем бывший губернатор, забавно мешая русские и английские слова, услужливо предлагал покупателям книги, журналы и газеты различных оттенков и направлений... Но вечером же в просторной квартире Латкина, примыкавшей к книжной лавочке, собиралось изысканное общество, состоявшее из бывших “хозяев” России, вышвырнутых за границу Октябрьской революцией. Оказавшись на чужбине, они отнюдь не считали себя побежденными. И хотя из России приходили совсем неутешительные для них вести, многие из них были уверены, что власть большевиков — это временное явление. Разгоряченные неумеренными порциями спиртного, они строили самые невероятные, порой фантастические планы похода на Советскую Россию”.

Проводимая советским правительством в начале 20-х гг. Новая экономическая политика, направленная на восстановление и укрепление мелкого частного капитала (прежде всего в сельском хозяйстве), вызвала у некоторой части российской эмиграции призрачную надежду на перерождение Советской России. В связи с этим штаб Врангеля пытался переправить в СССР как можно больше подготовленных людей, которые бы в случае необходимости могли возглавить антибольшевистские выступления на местах. Так во всяком случае историки объясняли раньше причину возвращения С.О.Латкина на родину.

Впервые идею о возвращении Латкин решил реализовать еще весной 1921 г., когда в лондонской гостинице “Ферстеню” он встретился с советским полпредом Л.Б.Красиным и попросил его похлопотать о разрешении на въезд в Советскую Россию. 31 января 1922 г. Степан Осипович направил Красину письмо, в котором, в частности, писал: “Весьма Вам благодарен за Ваше обещание поговорить в Москве о возможности моего возвращения на Родину. Сообщаю о себе: с тюрьмой познакомился в 1904 г. и рас прощался с ней в 1918 г. Были крупные должности, служил агрономом, в земстве. Участвовал в походе на Вычегду в качестве уполномоченного Красного Креста. Никто не был казнен мною или по моему повелению...” Несмотря на обещание Красина, визу на въезд Латкин в 1922 г. не получил.

В 1924 г. в Англии побывал с делегацией наркомата земледелия РСФСР профессор Н.Д.Кондратьев, старый деятель партии эсеров, хорошо знавший Латкина со слов работника наркомата земледелия М.А.Большакова (мужа сестры Степана Осиповича Марии). В Лондоне Кондратьев несколько раз встречался с Латкиным и посоветовал ему вновь подавать заявление о возвращении, на этот раз в качестве сельскохозяйственного специалиста, в которых СССР нуждался. Так Латкин и сделал. В свою очередь, Кондратьев, вернувшись в Москву, тоже обратился к властям с ходатайством о выдаче разрешения на возвращение Латкину, так как тот, по словам профессора, “является дельным работником и его возвращение в СССР было бы крайне желательным”.

В конечном итоге, в июле 1925 г. С.О.Латкин смог приехать в Советскую Россию. Некоторое время он жил на квартире Большаковых в Москве, а потом, с помощью Кондратьева получив должность агронома в Поволжской колонизационно-мелиоративной экспедиции, выехал в Саратов. Там жил сын Латкина Василий,

студент Саратовского индустриального техникума. Отец и сын встретились после долгой разлуки и стали жить вместе. По архивным данным, вскоре между ними возникли нелады, но причина неприязненных взаимоотношений не известна. Проработал Степан Осипович в Саратове недолго, до весны 1926 г. За это время он несколько раз выезжал в командировки по губернии для сельскохозяйственного обследования районов, предназначенных для переселенцев. В селе Дергачи им были организованы сельскохозяйственные курсы для старожилов и переселенцев. Начальник экспедиции Баранов высоко отзывался о Латкине, считая его “крайне полезным работником”.

15 марта 1926 г. С.О.Латкин был арестован ОГПУ. Газета “Югыд туй” в номере от 15 июня 1926 г. сообщила читателям, что “коми областным отделом ОГПУ разыскан на территории СССР и арестован белогвардейский “губернатор” Степан Латкин. Латкин для следствия и суда доставлен в Усть-Сысольск”. 28 июня 1926 г. ему было предъявлено обвинение в организации Белого движения в Коми крае и убийствах коммунистов и беспартийных активистов советской власти — всего 113 человек. Еще до начала судебного процесса коми обком РКП(б) организовал подачу с мест писем от “народа” с требованием смерти Латкина, как главного палача и душегуба в годы гражданской войны на коми земле.

Следствие в Усть-Сысольске продолжалось до конца 1926 г. На допросах Степан Осипович держался достойно. Из его дела видно, что он не называл ни одной фамилии своих агентов в Усть-Сысольском и Яренском уездах, снабжавших его информацией о положении дел на советской территории в 1919 г. Латкин также сделал заявление, что по его приказу коммунисты и советские деятели не расстреливались — этим занимались военные каратели. В Усть-Сысольске, например, не был расстрелян ни один коммунист или советский активист; наоборот, как здесь, так и в других местах он, Латкин, брал к себе на службу раскаявшихся большевиков. Приговоры о расстрелах или арестах коммунистов выносили местные крестьянские общества, которыми, собственно, и руководствовались карательные органы белых. Поток писем с мест тем временем нарастал. Трудящиеся Коми области требовали от властей “применить по отношению к Латкину высшую меру социальной защиты”, в крайнем случае — “длительное тюремное заключение”, как писали, например, граждане Сторожевской волости.

ОГПУ привлекло по делу С.О.Латкина сотни лиц. Были допрошены фактически все мало-мальски знавшие Степана Осиповича люди, в том числе В.Ф.Попов, А.А.Черепанов, Н.В.Лодыгин, Б.А.Едский, З.Д.Следников и др. Агенты ОГПУ разыскали во многих отдаленных уголках Советской России бывших белогвардейцев, участвовавших в Вычегодском походе 1919 г., и допросили их, пытаясь выяснить роль Латкина как “губернатора”. На дому отца Латкина был устроен обыск. Обыск произвели и на квартире Марии Большаковой, которая приехала из Москвы в Усть-Сысольск помочь брату. Уполномоченный коми отдела ОГПУ А.Рубинов запросил Москву о санкции на допрос мужа Марии М.А.Большакова, но получил отказ. 14 августа 1926 г. чекисты перехватили письмо Латкина сестре, в котором содержались такие строки: “Рубинов напирает на то, что я производил массовые аресты...Не верно... Что я допрашивал Домну Каликову. Я ее не видел. Словом – приписывается мне очень много и все на основании свидетельских показаний. Рубинов говорит, что я хвастался на свадьбе у В.П.Комлина, что я приехал в Усть-Сысольск специально, чтобы повесить всех коммунистов, и что это подтверждают участники этого пира. Какая ложь! Как раз обратно: мой разговор с И.И.Комлиным, где я подчеркиваю, что я никого не буду вешать и убивать и что слухи о моей жестокости — ложны. Словом, свидетельств против меня — очень много. Будут ли за меня — не знаю”. Еще одно письмо Латкина сестре чекисты перехватили в сентябре 1926 г. Из него можно узнать, что в камере Латкин вел дневник (“не для потомства, а просто поговорить”). Свидания Степана Осиповича с отцом и сестрой не разрешались. В тюрьме он содержался в одиночной камере.

14 декабря 1926 г. А.Рубинов передал дело С.О.Латкина в Москву. Сам обвиняемый был отправлен туда же по этапу 20 декабря. 28 февраля 1927 г. Коллегия ОГПУ постановила передать дело Латкина на рассмотрение Особого Совещания. 28 марта 1927 г. Особое Совещание при Коллегии ОГПУ решило “войти с ходатайством в Президиум ЦИК СССР о предоставлении Коллегии ОГПУ права вынесения внесудебного приговора по делу Латкина”. 1 апреля 1927 г. Президиум ЦИК СССР рассмотрел ходатайство и удовлетворил его. Без суда Степан Осипович был приговорен к расстрелу 18 апреля 1927 г. Все это время он содержался в Таганской тюрьме (камера № 1) и Внутренней тюрьме НКВД.

После приговора о расстреле Латкин пишет письмо в ВЦИК СССР: “Приговором Коллегии я присужден к расстрелу. Не желая просить пощады, я протестую против подобной расправы, которая творится вопреки здравому смыслу и вопреки законов (6 пункт 4 статьи Уголовного и Процессуального кодекса и 2 примечания 33 статьи Уголовного кодекса РСФСР). Просить пощады или помилования я считаю для себя абсолютно невозможным. Гордость ли это? Может быть, да, а может быть здесь не гордость, а простой искренний протест, и протест нужный, на мой взгляд”.

Расстрелян Латкин был, по всей видимости, не сразу, ибо только 18 сентября 1927 г. газета “Югыд туй” в заметке “Венок на могилу палача” сообщила читателям, что “губерниятом губернатор” (т.е. “губернатор без губернии” на коми языке) расстрелян. Так завершился жизненный путь самого известного политического деятеля Коми края начала XX в.

“В БОЙ ШЕЛ ВСЕГДА ПЬЯНЫЙ”

Подполковник Н.П.Орлов — единственный из белогвардейских офицеров Коми края, который упоминается на страницах капитальной советской энциклопедии “Гражданская война и военная интервенция в СССР”. Храбрость и решительность Орлова были вынуждены признавать и его враги. Велико-устюжская газета “Советская мысль” 17 декабря 1919 г. так писала о нем: “Вид... не внушительный: невысокий, худощавый, с низким лбом и решительными, тусклыми, черными глазами... властный, громкий и грубый голос. Его “хлопцы”, как он называл своих солдат, его боялись... В бой шел всегда пьяный, отличался смелостью и решительностью. Во время наступления был первым, ободряя трусливых белогвардейцев”. К сожалению, фотографии Орлова пока нигде не найдены, поэтому публикация в “Советской мысли” является своеобразным словесным портретом подполковника.

“Башибузук” из контрразведки

Николай Петрович Орлов родился в 1894 г. в г. Гороховец Ковровского уезда Владимирской губернии, в семье отставного генерал-майора, предводителя уездного дворянства и владельца 300 десятин земли. В советской историографии утверждается, что до Первой Мировой войны Орлов был офицером жандармерии, однако есть и другая версия, согласно которой он был учителем. Так или иначе, но школу прaporщиков Орлов закончил, уже будучи на фронтах Первой Мировой. Воевал прaporщик Орлов, наверное, отважно. В фондах Яренского краеведческого музея есть один любопытный документ, в котором утверждается, что сам император Николай Второй, обходя на смотре фронтовые части, пожаловал Орлову именные золотые часы. К сожалению, за какие боевые подвиги и где получил прaporщик Орлов такую награду, документ умалчивает. Летом 1917 г. Орлов был произведен в штабс-капитаны.

В августе 1918 г. Н.П.Орлов принял активное участие в антибольшевистском восстании в Архангельске, сразу был назначен командиром первой роты первого русского экспедиционного отряда, направленного против красных на двинском направлении. Командующий русскими белогвардейскими войсками на Севере в то время каперанг Г.Е.Чаплин в своих воспоминаниях позднее писал: “Одна рота и батарея, почти сплошь офицерского состава, под командой

капитана Орлова и подполковника Дилакторского (оба убиты в 1919 году) были посланы на Двинское направление, где с французской ротой и польским отрядом разбили красных в целом ряде боев, причем белые дошли до Нижней Тоймы, пункта, который нами впоследствии никогда более достигнут не был”.

В марте 1919 г. Н.П.Орлов был повышен в чине до капитана. В это время он являлся офицером контрольного пункта контрразведки в г. Холмогоры. (Именно служба в Холмогорах и явилась, наверное, источником утверждения советских историков, что Орлов был жандармским офицером). Тыловая служба разворачала офицерство, падал боевой дух, катилась ко всем чертам воинская дисциплина. В мемуарах управляющего отделом внутренних дел Временного правительства Северной области (ВПСО) В.И.Игнатьева, впервые изданных в 1922 г., когда их автор сидел в Ново-Николаевской московской тюрьме, можно найти абзац о штабс-капитане Орлове. Игнатьев писал: “Офицерство сильно пьянистовало в тылу. Особенно безобразничали офицеры так называемых контрольных пунктов — отделений на местах контрразведки, пьянистовали, арестовывали крестьян, избивали, истязали, издевались над арестованными социалистами (был среди них такой бashiбузук шт.-к. Орлов, к сожалению другие фамилии я забыл). Несмотря на протесты мои и местных властей, этих господ не убирали: Орлова по моему настоянию опубликованным приказом уволили из Холмогор, но при проезде через город я узнал, что он все-таки и по-прежнему безобразничает”. Впрочем, осенью 1919 г. “бashiбузук” Орлов оставил тыл и вновь был на фронте.

Организация Особого отряда зырян-добровольцев

В сентябре 1919 г. белые предприняли ряд крупных наступательных операций практически на всех участках Северного фронта. В Архангельске формировались особые ударные отряды для действий на стратегических направлениях. Одним из таких отрядов стал Особый Вычегодский добровольческий отряд капитана Н.П.Орлова, сформированный в августе 1919 г. в Архангельске. Основу отряда составили бывшие красноармейцы Ижмо-Печорского и Вашко-Мезенского полков, перешедшие на сторону белых.

О случаях массового перехода красноармейцев к белым на Северном фронте подробно описано в мемуарах бывшего военного прокурора Северной области С.Ц.Добровольского. Прокурор

отмечал, что солдаты Белой армии на Севере делились на три категории — мобилизованных, добровольцев и бывших красноармейцев. О последних Добровольский писал: “Ненависть красноармейцев к своим комиссарам и коммунистам не знала пределов, и они обыкновенно собственноручно расстреливали последних. Исполосованные спины пленных были лучшим средством агитации против большевиков. Они охотно демонстрировали их перед нашими войсками и деревенским населением, рассказывая о тех дисциплинарных мерах, которые применяла рабоче-крестьянская власть, поддерживая пролетарскую железную дисциплину в своей армии. Кроме розог, в качестве наказания применялись тяжелые принудительные работы с переводом на голодный паек и расстрел. Можно легко себе представить их настроение, когда вместо кровавой массовой расправы и “палочной офицерской дисциплины”, о чём им прожужжала уши большевистская агитационная литература, их встречало человеческое обращение, обильный паек и отличное обмундирование. Какими легкими казались им обычные требования воинской дисциплины, и видно было, с какой охотою они их выполняли. За исключением ничтожной части, признанной мало надежной, вся прочая масса их была взята в наши войска, причем составленные из них войковые части до конца оставались верными нам”.

Архангельская газета “За Россию” в номере от 26 августа 1919 г. опубликовала заметку об организации военной экспедиции на нижнюю Вычегду: “По инициативе группы вологжан организован добровольческий зырянский отряд, в который вступили военно-пленные красноармейцы-зыряне. Во главе отряда стоят — известный в Вычегодском крае общественный деятель и старый политический работник С.Л. и широко популярный здесь капитан О., боевой офицер, энергичный и активный работник нашего общего дела. Зыряне идут освобождать родные места от владычества коммунистов. Подъем и желание свергнуть власть Советов огромное. Рассказывают, как к группе зырян добровольцев подошел юркий человек в хорошем пальто, с бегающими глазами, и завел разговор на тему о злостных выдумках белогадов, и ответом на первую, очень осторожную фразу был дружный хохот солдат. “Пойдем-ка с нами, мы тебе покажем, как товарищи живут... Нет, брат, не надуешь... слыхали мы все там, в Советской России... теперь послушай нас... Мы еще не то скажем, что в архангельских газетах печатают... Проходи, пока не попало...” Юркий сконфуженно поплелся обратно.

Здесь почва агитации испорчена самими же коммунистами, которые жестоко уже поплатились от руки зырян во время их перехода к нам. Зырянская сила растет так же, как и крепнет вера в освобождение родного их края от власти издыхающих большевиков”.

Всего под командованием Орлова насчитывалось 260 – 280 человек, из них 50 офицеров и унтер-офицеров. Комендантам Особого отряда являлся прaporщик А.А.Скорохватов. В числе офицеров находились бывшие красные командиры штабс-капитан К.Г.Калинин и прaporщик А.С.Евдокимов; поручик Глыжев, прaporщики Б.С.Корсаков, Обрезков и др. Сохранились сведения, что в отряде были и несколько казачьих офицеров с Дона, сформировавшие кавказов из 25 всадников (по данным коми историка П.Г.Доронина, в отряде Орлова было 60 кавалеристов). На вооружении отряда находились восемь пулеметов и автоматические ружья.

Н.П.Орлов получил от командования задачу выйти на Вычегду, произвести переполох в глубоком советском тылу, взять по возможности Яренск, а в районе Усть-Сысольска соединиться с частями 10 Северного Печорского полка, которые должны были начать наступление на противника с востока одновременно с Особым Вычегодским отрядом.

Перед походом Николай Петрович женился. Его невеста Александра Плашкина владела до революции земельными угодьями под Сольвычегодском. Она сопровождала мужа в экспедиции. В Архангельске иронизировали, что Орловы едут на Вычегду освобождать свое имение от большевиков. Г.Н.Сосунов отправил Н.П.Орлову напутственное письмо: “На прощание мне хочется до земли поклонится вам, поблагодарить вас за добре ко мне отношение, забыть все и принять от меня искренние пожелания успехов... Берегите себя, храни вас Господь во всех военных делах и трудностях. Я ясно вижу светлый конец этого дела, за которое мы с вами с 1914 г. бьемся... Итак, да здравствует наша мечта – Россия – в ее воссоздании есть и наши кровь и слезы”.

Прыжок на Вычегду

10 сентября 1919 г. отряд Орлова погрузился на пароход “Мурман” и два тральщика и вдоль побережья Белого моря отправился на Мезень. Добравшись до Усть-Вашки, Орлов задержался здесь до середины октября, занявши разведкой и запасаясь довольствием и фуражом. Разведкоманда фельдфебеля А.В.Жданова

16 октября добралась до Ертома, где узнала, что красные на Удоре тоже занимаются разведкой. Незадолго до прибытия Жданова в Ертому поймали было двух красных шпионов, но те 13 октября сумели бежать. Добравшись охотничими тропами до Нюхчи, красные шпионы сообщили штабу 54 дивизии о появлении Особого Вычегодского отряда на Удоре.

Штаб VI Красной Армии обязал военного комиссара Яренского уезда Ф.С.Коковкина развернуть подготовку наступления на удорском направлении. Коковкин сообщил, что не располагает сведениями о численности противника, и что разведотряд последнего в 20 человек с пулеметом 17 сентября доходил до станции Повью в 22 верстах от Айкино, откуда был выбит айкинским гарнизоном. Коковкину не нравилась активизация противника, но он был вынужден выполнять указание штаба армии. 24 октября 1919 г. Ф.С.Коковкин издал приказ по боевым отрядам Яренского уезда о начале наступления на Удору. Предполагалось сосредоточить сводный отряд красноармейцев в 450 штыков в районе сел Айкино-Усть-Вымы для движения на Кослан, а сформированный в Яренске партизанский отряд из удорских беженцев-коммунистов направить на Ертом. Наступление планировалось на 1 ноября 1919 г. Однако, планам наступления на Удору не суждено было сбыться. Поступили сведения о появлении отряда Н.П.Орлова, и уже 28 октября 1919 г. Коковкин отменил приказ о наступлении и велел выслать разведгруппы по Черво-Лоптугскому тракту, по Шежамо-Бутканскому тракту (до починка Яренга) и по Турья-Глотовскому тракту (до починка Пегышдор); всячески усилить охранение в районе Турья — Весляна. По сообщению Коковкина в велико-устюжский губвоенкомат силы красных на 29 октября 1919 г. были распределены следующим образом: в Яренске находились 4 стрелковая рота в 230 человек, караульная команда в 70 штыков и с пулеметом “Максим”; в Айкино — Шежаме размещались отряд в 100 и караульная рота в 80 штыков; в Усть-Вымы имелась рота в 100 человек (часть из них были конными), а в Турье и Княжпогoste были заставы по 50 человек на каждой. Всего под общим командованием яренского военкома находилось около 700 человек, правда, часть из них, в частности, яренская стрелковая рота, находились в стадии формирования и были безоружными.

В конце октября 1919 г. Особый Вычегодский добровольческий отряд начал спускаться с Удоры на юг. Орлов разделил свой отряд на две части. Полурота в 60 штыков под командованием поручика

Глыжева была направлена по Турья-Глотовскому тракту на Вымь, где стояли заставы красных. Последние без боя оставили Турью и Княжпогост и отошли в Усть-Вымь. Большая же часть орловского отряда выступила по Шежамо-Бутканскому тракту на Вычегду. Утром 28 октября 1919 г. разведгруппа красных, посланная по Шежамо-Бутканскому тракту, встретилась с авангардом орловского отряда и поспешно отошла в Айкино-Шежам, где находилось до 180 штыков советского гарнизона. Днем 29 октября конный разведотряд красных из 35 всадников обнаружил противника уже недалеко от Айкино. Получив известие, что противник совсем рядом, начальник айкинско-шежамского гарнизона Н.И.Щепетев растерялся и, связавшись по телефону с Яренском, стал запрашивать инструкций. Ф.С.Коковкин на страницах коми областной газеты “Югыд туй” в 1925 г. вспоминал: “Я никогда не забуду, как ротный командир Щепетев в истерике по телефону стонал мне в трубку: “что мне делать, белые в двух верстах””. Во время разговора телефонный провод был перерезан. Раздались винтовочные выстрелы, взорвалась пара гранат (одна граната красными была брошена прямо под ноги Н.П.Орлову, находящемуся в передовых цепях белогвардейцев, но не взорвалась), после чего гарнизон Айкино без боя сложил оружие. Щепетев попытался спрятаться в стоге сена, но был обнаружен и доставлен к Орлову. Некоторое время красный командир (кстати, большевик) служил у белых дневальным на посту у цейхгауза, а потом его отправили в Архангельск на тыловые работы, где Щепетев попытался устроиться учителем, написав прошение об этом в архангельское земство.

Н.П.Орлов и С.О.Латкин отправили донесение в Архангельск, где сообщали, что “в 7 часов вечера с боем заняли Айкино, в 9 часов вечера с боем же заняли село Шежам, выбив противника из окопов. Наши трофеи в Айкино и Шежаме — пленные солдаты и один офицер (командир роты), винтовки, пулеметы, патроны, пулеметные ленты, продукты, часть обмундирования, телефонный аппарат, вся канцелярия военная и прочее”.

Усть-вымский гарнизон красных, пытаясь выяснить обстановку, направил в сторону Айкино конную разведку в 30 сабель. Она была обстреляна белыми и, потеряв 11 человек убитыми, ранеными и разбежавшимися, вернулась обратно, после чего красные в панике оставили Усть-Вымь и переправились через реку в Вогваздино. В Айкино тем временем прибыл обоз отряда Орлова.

В Айкино и других вычегодских волостях получило распространение заранее напечатанное в Архангельске воззвание Е.К.Миллера “К населению Вычегодского края”, в котором, в частности, писалось: “Вот уже больше двух лет, как царствуют в России большевики. Они обещали дать всему народу хлеб, мир и спокойствие. Они обещали дать народу полную волю. И что же есть в действительности ? Хлеба нет и подвоза его ждать нечего, так как самые хлебородные губернии уже отбиты от большевиков. Теперь комиссары отбирают даже ваш хлеб, жители Вычегды! Чем вы будете питаться потом? Вам всем грозит голод, а может быть и голодная смерть. Большевики обещали дать Вам мир. Что же вы получили? Мобилизация за мобилизацией следуют вместо мира. Кровь льется рекой за благополучие немецких агентов — Лениных, Бронштейнов, Мандельбаумов и прочих правителей русского народа. Большевики обещали вам дать спокойствие. Вместо этого спокойствия вы видите только страх и трепет перед комиссарскими револьверами и коммунистическими штыками. В каждом доме льются слезы матерей, жен, детей и невест. Большевики надругались над самым дорогим, над самым святым наряда. Они надругались над православной религией. Монастыри обращены в тюрьмы, очень многие церкви в казармы, священные сосуды служат большевикам для питья водки. Большевики дошли даже до того, что не постеснялись кощунственно надругаться над святыми мощами Сергия Радонежского. Народ все терпел, но всякому терпению бывает конец... Население Вычегодского края! К тебе наше обращение: достаточно терпеть злую тиранию насилиников, довольно голода и страха! Довольно ругательств над церковью! Довольно расстрелов стариков, женщин и детей. Пора свергнуть с себя большевистское иго! Северное правительство обращается к тебе, население Вычегодского края, с призывом свергнуть советскую власть, чтобы потом сразу же созвать Всероссийское Учредительное Собрание, которое решит, как должна управляться Россия. Вам большевики говорят, что окраинные правительства хотят восстановить прежнее самодержавие. Не верьте этому. Колчак, Деникин, Юденич и Северное правительство — все заявляют категорически, что только сам народ через своих выборных установит форму правления”. Айкинский священник П.А.Богословский отслужил благодарственный молебен за успех Белого дела на коми земле.

После занятия Айкино Н.П.Орлов предпринял перегруппировку своего отряда. Большая часть пленных (около 90 человек) добровольно вступила в ряды белых, что позволило Орлову начать

комплектацию двух стрелковых рот (1-я и 2-я Вычегодские роты). Часть пленных отправили в Архангельск, часть отпустили на поруки местному населению. В начале ноября сводный отряд Орлова, оставив в Айкино комендантский взвод, выступил по направлению к Гаму. Обращаясь к солдатам с приказом о наступлении на Яренск, Н.П.Орлов писал: “Я хочу обратиться к вам и сказать вам от лица народа спасибо, что вы освободили Айкинскую волость от ига грабителей-комиссаров. Надеюсь, что жидовский яренский кагал будет также успешно разгромлен. К жителям относится хорошо, не обижать их ни словом, ни делом, ибо это есть ваши отцы. К мобилизованным красноармейцам, сдающимся добровольно в плен, относится по-братьски... Комиссары и зловредные коммунисты будут мною расстреляны, на это мне дана власть. Этим способом мы освободим народ от власти этих разбойников-грабителей”.

Провал контрнаступления красных

Известие о появлении белых на нижней Вычегде вызвало шок в Усть-Сысольске и Яренске, считавшихся тыловыми городами. Гражданская власть была срочно свернута и созданы ревкомы, объявившие Усть-Сысольский и Яренский уезды на осадном положении. Телефонная связь между Яренском и Усть-Сысольском была прервана, и если яренский ревком мог напрямую сообщаться с губернским центром, то Усть-Сысольск оказался в полной изоляции. Для связи между уездными городами был сформирован партизанский отряд из палевицких и прокопьевских коммунистов под руководством яренского военрука П.И.Попова. В Яренске и Усть-Сысольске объявили мобилизацию, ревкомы начали реквизицию у населения охотничих ружей, седел и амуниции.

30 октября 1919 г. губвоенком Г.С.Дудников на переговорах с Ф.С.Коковкиным настоял на срочном контрударе по противнику: “Немедленно восстановите связь с Усть-Вымом. Возмущен. Действия ваши пассивны, немедленно, еще раз подтверждаю, примите энергичные решительные меры, минуя все препятствия, ликвидировать наступление противника, чем избежите предание суду”. Получив такую взбучку от начальства, Коковкин развернул подготовку контрнаступления на Айкино. Планировалось “опрокинуть противника и преследовать его”. 31 октября красные вернулись в Усть-Вымь, где началась концентрация ударной группировки войск из Усть-Сысольского уезда под общим

командованием военспеца А.О.Прокушева. С верхней Вычегды в Усть-Вымь перебрасывались все наличные силы, в Усть-Сысольске и Яренске срочно формировались новые стрелковые и караульные роты и команды, в строй становились больные иувечные солдаты. За неделю численность усть-вымской группировки достигла свыше 600 штыков при четырех пулеметах. 1 ноября в сторону Айкино была выдвинута застава в 80 штыков, разместившаяся в Тыдоре.

Военком Ф.С.Коковкин собрал в Яренске под свое начало около 400 человек, учитывая отряд яренских коммунистов под руководством М.П.Минина. Коковкин предложил А.О.Прокушеву план совместного контрудара по белым и в начале ноября с отрядом около полутораста человек выступил по направлению к Гаму. Общие силы красных между Яренском и Усть-Вымью составляли менее тысячи человек, что было вполне достаточно для разгрома Орлова. Однако план контрнаступления красных провалился.

По дороге к Гаму часть красноармейцев яренского отряда разбежалась. Заняв Гам, где уже стоял заслон красных в 40 штыков, Коковкин издает приказ: “Противник занимает Айкино и Шежам силою до 300 штыков при трех пулеметах и 8 автоматах, имеет кавалерию, прекрасно вооружен винтовками русского образца, имеются ручные гранаты и кроме того, наступает силою в 60 штыков от с.Глотово на с.Турью... Приказываю 4 ноября ... напасть на с.Шежам с восточной и северо-восточной стороны”. Однако уже 3 ноября гамский отряд Коковкина был вынужден вступить в бой с внезапно появившимся неприятелем, который наступал на село с нескольких сторон — по тракту и через наволок. Во время перестрелки левый фланг красных неожиданно бросил оружие и поднял руки вверх. Остатки отряда Коковкина с трудом вырвались из окружения и разрозненными группами бежали на Жешарт. Усть-вымская группа красных решила не участвовать в кампании и меланхолично наблюдала за дальнейшим ходом развития событий. Не зная о судьбе самого Ф.С.Коковкина и его отряда, из Яренска сообщили в Великий Устюг, что “отряд Коковкина при Айкино и Гаме разбит, он сам наверное обезоружен, из 120 человек осталось только 30. Остальные по сведениям окружены, но еще держатся”. Далее добавлялось, что “для обороны Яренска принимаются все меры, создан Реввоенсовет (имеется в виду ревком — авт.) и Ревтрибунал. Гражданское население мобилизовано для рытья окопов”. Прибывший вскоре в Яренск ротный фельдшер А.Гулынин, бывший с Коковкиным в Гаме, сообщил, что в плен Орлову при Гаме

попало 50 красноармейцев, часть которых тут же перешла на службу к белым. Сам Гулынин тоже попал в плен, но сумел бежать. Фельдшер оценивал численность орловского отряда, продолжавшего движение на Яренск, в 320-350 человек при 11 пулеметах.

Падение Яренска

Яренский гарнизон был полностью деморализован слишком быстрым поворотом событий. “Во избежание паники”, как сообщал яренский ревком, пришлось обезоружить и отправить в глубокий тыл городскую стрелковую роту. Разведка сообщала, что противник перебрасывает силы на левый берег Вычегды у жешартской переправы. Группа удорских партизан в 20 человек из остатков гамского отряда обстреляла переправу неприятеля, после чего поспешно ретировалась в Яренск. Поскольку сил оборонять город фактически не осталось, ревком отдал приказ оставить Яренск. Началась эвакуация советских учреждений, сопровождавшаяся страшной паникой. Не успели обозы с грузами и беженцы дойти до деревни Микшина Гора, как им навстречу встретилась посланная из Сольвычегодска рота красноармейцев в 115 штыков. Ревком отменил приказ о сдаче города. Горожане продолжили рытье окопов на восточной окраине Яренска. Коммунистический отряд М.П.Минина отправили в тыл противника для сбора информации (12 большевиков отказались идти, их разоружили, заставили сдать верхнюю одежду и обувь и навсегда исключили из рядов красных партизан). Днем 5 ноября Коковкин с новым поспешно собранным отрядом в 150 человек выступил навстречу Орлову, намереваясь дойти до Межога, но уже в пяти верстах от Яренска наткнулся на кавалерийский разъезд противника. Завязалась перестрелка, в ходе которой красные отступили на заранее подготовленные позиции и стали ждать атаки белых.

Тем временем Орлов, воспользовавшись услугами местных крестьян А.Чувашева и А.Маланина, в ночь на 6 ноября обошел город и ворвался в него с запада через предместье Долболовку, что было для защитников Яренска полным сюрпризом. Для пущего эффекта белые подожгли пароходную пристань. Под пулеметным огнем защитники города стали разбегаться из окопов в разные стороны, вплавь переправляясь на другой берег Кижмы (а по реке в это время шла шуга). Организованно отступил только отряд удорских партизан под командованием А.А.Артемьева, рассеявший взвод белых на яренском мосту. Коковкин, совершив потеряв управление

войсками, покинул город с красноармейцем Габовым, единственным, кто остался у него в подчинении (позднее, на страницах газеты “Югыд туй” Коковкин вспоминал: “Я лично, как командир, в Яренске попал в самое дурацкое положение: наступающим противником был отрезан в штабе (уездвоенкомате) от всех действующих частей и только под покровом ночи удалось перебраться через цепь противника с одним красноармейцем Габовым”). Председатель яренского ревкома С.И.Покровский погиб.

При отступлении часть красноармейцев была обстреляна отрядом коммунистов Минина, который к этому времени тоже обошел город с запада и решил как-то проявить себя, приняв отступающих за наступающих белых. Разобравшись, что к чему, Минин под угрозой расстрела заставил бегущих красноармейцев присоединиться к его отряду и лесами двинулся на с. Лена. В деревне Верхний Кряж коммунисты устроили митинг по случаю второй годовщины Октябрьского переворота, поклявшись: “Тысяча голов паразитов за каждую голову коммуниста. Да здравствует Красный Террор!”

В с.Лена отряды не стали задерживаться и отступили до Козьмино, где Коковкину каким-то образом удалось остановить исход и организовать оборону. В Котлас и Устюг полетели панические телеграммы с просьбой о помощи. На переговорах северодвинского губвоенкома Дудникова с начдивом 54-й дивизии Филипповским и комбригом 45-й бригады ВОХР Парамоновым 6 ноября Филипповский коротко охарактеризовал положение: “В одни сутки отступить на 55 верст совершенно недопустимо. Это не отступление, а бегство”.

8 ноября 1919 г. на экстренном заседании Сольвычегодский уездком РКП(б) констатировал: “С занятием г. Яренска белыми, если, конечно, это правда, (в Сольвычегодске не хотели поверить в столь ужасные новости; а один из членов губревкома даже назвал известия о взятии Яренска и Усть-Сысольска белыми “сказочным” — авт.) положение нашего Вилегодского района угрожающее. От Яренска до Селян, где начинается этот хлебный угол Виледи Сольвычегодского уезда, всего лишь 60 верст и, если залетит искра разложения в Виледи со стороны белых, где население и ранее было почти контрреволюционное вследствие своей темноты, а теперь тем более в связи с отчуждением излишков хлеба, то предстоит большое опасение, чтобы там в Виледи не вспыхнул пожар восстания... [Необходимо принятие] самых срочных мер, дабы не дать возмож-

ности проникнуть белогвардейцам в сторону Виледи... за нашей Виледью по соседству находятся хлебные Лальский и Никольский уезды”.

9 ноября был создан северо-двинский губревком под председательством И.М.Шумилова. Учитывая критическую ситуацию на фронте, Великий Устюг был объявлен на военном положении. Губчека арестовала заложников и этапировала их в Вологду. Началась срочная мобилизация, было выпущено “Обращение Северо-Двинского революционного комитета ко всем гражданам Северо-Двинской губернии об оказании отпора белобандитам”.

Сосредоточенные в Козьмино остатки красноармейских отрядов получили подписанный Ф.С.Коковкиным и начальником его оперативного штаба В.Серебренниковым приказ № 11 от 9 ноября 1919 г., призванный покончить с паникерством: “Ни один красногореец во время боя не имеет права покидать своего места без приказания начальников и бросать оружия. Красноармейцы, коим было выдано оружие и оказавшиеся без оружия, а также оставившие свои места, будут считаться врагами революции и расстреливаться на месте”. Уцелевшие силы красных в Козьмино по состоянию на 8 ноября были таковы: сольвычегодская рота — 34 человек, 28 винтовок; удорский партизанский отряд — 33 человека, 31 винтовка; отряд Минина — 63 штыка. Кроме того, уже успело подойти пополнение из Котласа — 70 человек (из них летучий отряд водчика в 17 человек с пулеметом), и в Урдоме был собран отряд в 52 человека, правда, почти безоружных. На переговорах с губвоенкомом Коковкин сообщил, что “отряду ЧК поручено произвести облаву по деревням с целью поиска дезертиров”.

10 ноября красные предприняли разведмарш до Лены. В пяти верстах от Лены отряду встретился комвзвода яренского гарнизона красных Гладышев, проинформировавший Коковкина о подходе крупных белогвардейских сил к Лене. Красные поспешно отступили. Как оказалось впоследствии, Гладышев перешел на сторону белых и работал теперь юго-западнее Яренска в качестве агента-провокатора (Лена никогда не занималась белыми). Впоследствии Гладышев и работавший с ним на пару Пашин были расстреляны за измену и распространение ложных слухов. Вернувшись в Козьмино, Коковкин занялся концентрацией войск.

В белом Яренске

7 ноября 1919 г. Н.П.Орлов торжественно вошел в захваченный Яренск. Бывший купец М.И.Щеголев преподнес ему хлеб-соль. Ювелир В.П.Берников выступил на народном митинге у Покровского собора с призывом поддержать освободителей от большевизма “словом и делом” (позднее он был расстрелян красными как яренский “Кузьма Минин”). Орлов объявил в Яренске мобилизацию, которая увеличила численность его отряда до 400-500 штыков и сабель. Под военный штаб была отведена советская школа II ступени. По городу разошлись патрули, начавшие аресты коммунистов и активистов советской власти (патрули были снабжены большим количеством фотографий разыскиваемых, что говорит об успешной работе белогвардейских шпионов). По свидетельству очевидцев, большую помочь в розыске яренских большевиков, не успевших покинуть город, оказали патрулям дети (“местные мальчики помогали арестовывать коммунистов”). Планировалось перевести в Яренск штаб 1-го Северного Мезенского стрелкового полка и развивать наступление на Котлас.

Из яренской тюрьмы выпустили всех арестованных поначалу меньшевиков-интернационалистов. Былпущен на свободу и секретарь яренской организации РСДРП(интернационалистов) Макаров, который добрался потом до Великого Устюга и 17 ноября изложил на заседании северо-двинского губревтрибунала обстоятельства падения Яренска: “Сольвычегодская рота — настроение бодрое, Яренск отдавать не думали. Противник обошел нас так быстро, что мы не успели даже расставить посты. Белые прошли безусловно под руководством местного жителя. Красноармейцы Сольвычегодской роты большей частью бежали. Ревком до последнего момента оставался в уездисполкome. Тов. Покровский и все бывшие с ним товарищи выбежали на улицу и оказались под перекрестным пулеметным огнем. Тов. Прокуряков пропал без вести. Тов. Покровский убит или застрелился сам. Расстреляны: Жданов, Леушев, Симаков и шесть красноармейцев. В первую очередь из Яренска эвакуировали казначейство, денежную отчетность, дела, громоздкие вещи оставлялись. Остался почти весь обоз в руках противника, кроме денежной отчетности...Осталась баржа с табаком и маслом и весь керосин. Весь Союз кооперативов остался в руках противника. Противник увозит все по направлению к Айкино. Везде на своем пути белые организуют Земские Управы. Коммунистов

белые уничтожают, к интернационалистам же отношение снисходительное”.

Из массы яренских коммунистов каратели расстреляли пять человек. По данным А.В.Попова, автора рукописной работы по истории усть-вымской уездной парторганизации РКП(б), написанной в 1935 г. и ныне хранящейся в фондах КРГАОПДФ, большое содействие белым в их расстреле оказали другие коммунисты, в частности, некто А.В.Павликов. Были расстреляны также семь красноармейцев, изъявившие желание стать белогвардейцами, а потом снова попытавшиеся перебежать на советскую сторону. Эти семеро были расстреляны для острастки всего орловского отряда, почти полностью состоящего из бывших красноармейцев. Часть большевиков, в основном руководящего звена, перешла на службу к белым (в том числе член яренского ревкома И.Д.Прокуряков, зав. канцелярией уездного военкомата В.К.Тырин, зав. транспортным отделом уездисполкома А.Д.Ершов, зав. техническим отделом уездисполкома П.П.Кобычев, начальник советской милиции 2-го района Яренского уезда С.Калинин, председатель Коквицкого Совдепа Седрысов, районный техник К.В.Осколков и др.). О фактах перехода яренских коммунистов на службу белым (причем, на руководящие должности) констатировала газета “Югыд туй” в 1925 г.: “В руки Орлову попали тт. Симаков, Габов, А.К.Туркин, С.П.Вурдов. Первые двое расстреляны, а последние каким-то образом устроились в штабе Орлова и спасли свои жизни”. По Яренскому уезду местное население устраивало самосуды над коммунистами. Так, по данным Е.Г.Королевой и А.А.Попова, “кулаки села Оквад близ Усть-Выми при нашествии банды Орлова убили 20 советских людей, в том числе 65-летнего старика Туркина В.И., 14-летнего мальчика Тимофеева и инвалида империалистической войны Омринова”.

Марш на Усть-Сысольск

9 ноября Н.П.Орлов, оставив в Яренске небольшой гарнизон в 40 штыков под начальством штабс-капитана К.Г.Калинина (в распоряжении последнего кроме того находились милицейские части), выступил на Усть-Сысольск, где планировалась встреча с подразделениями 10-го Печорского полка. Накануне похода в городе прошел парад войск. Штаб 54-й советской дивизии в разведсводке о положении на Яренском участке фронта с 15 октября по 15 ноября

1919 г. сообщал сведения о противнике: “9 ноября капитан Орлов с полуротой в числе 100 штыков и 25 конными двинулся из Яренска на Айкинское — Усть-Сысольск с целью занятия последнего и распространения в сторону железной дороги. Имеются непрерывные сведения от перебежчиков о движении отряда противника численностью 250 чел. в верховья р. Вымь. По тем же сведениям, по Червя-Лоптюгскому тракту будут двинуты на поддержку капитана Орлова части неизвестно какого полка (очевидно, 1 Северного полка). Действия капитана Орлова и сведения о движении отряда в верховья р. Вычегда и Вымь заставляют предположить со стороны противника серьезную операцию с общей целью овладения районом р. Вычегды. Развитию этой операции, очевидно, мешает наступившее бездорожье (отсутствие снега), что задерживает активные действия в верховьях р. Вычегды”.

Еще 1 ноября 1919 г. усть-сысольская газета “Зырянская жизнь”, сообщив, что “на нашем фронте оживление. Белые появились на Выми и на Вычегде... и стремятся распространиться по берегам реки Вычегды в направлении к... Усть-Сысольску”, призвала: “Это не должно вызвать среди населения паники, нет, наоборот, среди населения это должно вызвать подъем. Все граждане должны оказать посильную помощь нашим защитникам”.

С целью отражения наступления противника в Усть-Выми продолжалась концентрация войск из Усть-Сысольского уезда. Пароходом “Иртыш” из Усть-Сысольска до Часово, а оттуда походным маршем до Усть-Выми перебрасывались дополнительные отряды и команды. К середине ноября в Усть-Выми было сосредоточено 634 штыка при четырех пулеметах — это были почти все наличные силы уездного военкомата. Несмотря на то, что В.П.Юркин являлся командующим войсками Пинего-Печорского края и кроме того был уездным военкомом, усть-вымскую группировку возглавлял не он, а военспец А.О.Прокушев, бывший штабс-капитан царской армии. В подчинении Прокушева находились военспецы С.П.Коннин и В.П.Щекин. Находившаяся в Усть-Выми яренская рота под командованием С.А.Терентьева и политкомиссара В.И.Шишкина тоже подчинялась Прокушеву. Комиссаром группировки являлся В.Т.Елисеев.

В районе Усть-Выми шла война разведкоманд. 5 ноября при столкновении красной и белой разведгрупп, как доносил в Устюг военком В.П.Юркин, “половина наших людей разбежалась”. 10 ноября он же писал: “6 ноября наша разведка не возвращается из

Жешарта, как выяснилось попала в плен белым. Разведка, высланная в тыл белым на удорском тракте сожгла станцию Чуб... Укрепляются Часово, Койтыбож, производится эвакуация из города грузов, 700 ижемских беженцев... Противник располагает тремя бомбометами, большим количеством пулеметов, автоматов, винтовок, патронов, гранат".

12 ноября отряд Орлова окружил заставу красноармейцев в Тыдоре и вынудил их сложить оружие. Начальник заставы комроты П.А.Ивашев-Грохальский кинул в сторону белых гранату и убежал в лес, лесными тропами вышел в Усть-Сысольск, где и был пойман потом белыми и отправлен в Архангельск. Положение красных в Усть-Выми становилось угрожающим. Прибывший на фронт В.П.Юркин (он привез деньги в сумме 530700 рублей для раздачи жалованья) отдал войскам приказ оставить Усть-Вымь и отступить в Богвоздино. Часть красноармейцев стала переправляться через Вычегду, часть отказалась выполнять чьи бы то ни было приказы, пока им не выплатят жалованья и не выдадут табак и обувь. На улицах села валялись в огромном количестве брошенные винтовки, повсюду слонялись безоружные красноармейцы. В такой обстановке Орлов 13 ноября атаковал Усть-Вымь. В Усть-Сысольске успели получить по телефону сообщение: "Противник наступает на Усть-Вымь с Коквицкой стороны по льду на реке Вымь. Открылась пулеметная и ружейная стрельба. После 10-минутного боя взвод 3 стрелковой роты бросил позицию и укрылся в школе. Правый и левый фланги разорвались, противник устремился в центр и стал обстреливать штаб. Красноармейцы позорно разбегаются..." Остатки усть-вымского гарнизона бежали в Усть-Сысольск. Орлов преследовал красных до Часово, а потом вернулся обратно в Усть-Вымь.

Любопытно, но в этот же день белых встречали колокольным звоном в Ипатово и Шиладоре, хотя Орлов, заняв Усть-Вымь и Часово, ограничился этим. Под видом белых в Шиладорских лесах действовал отряд нювчимских рабочих из 30 человек под командованием М.М.Анисимова, отступающий из Семуково на Сысолу. В Ипатово Анисимов столкнулся с партизанским отрядом П.И.Попова, который к этому времени был усилен ротой красноармейцев из Никольского уезда. Отряд Попова заваливал лесом тракт Жешарт — Ипатово. Никольские красноармейцы, набранные в основном из бывших дезертиров ("зеленых"), при появлении "белых" в ужасе стали разбегаться кто куда, в сумятице избивая коммунистов и

растаскивая обоз. Коммунисты попрятались по лесным избушкам. Кomi население встречало “белых” шаньгами, выносило молоко, масло. В Шиладоре крестьяне выдали нювчимцам для расправы коммуниста Боброва, которого “белые” обещали расстрелять за окопицей, но, разумеется, оставили в живых. Целый день стоял отряд Анисимова в Шиладоре, занимаясь для правдоподобности обысками и допросами. Тем временем партизаны Попова, восстановившие свою боеспособность, решили перебить “белых” в Шиладоре и скрытно подтянулись к селу. Только чудо остановило чуть было не начавшееся в Шиладоре побоище. Объединившись, отряды Анисимова и Попова лесами продолжили путь на Сысолу.

В Усть-Выми состоялся смотр пленных красноармейцев (около 400 человек). Н.П.Орлов предложил им службу в Белой армии, и примерно 300 человек перешли в его отряд. Из оставшихся верными социалистической присяге красноармейцев была сформирована нестроевая рабочая рота, разместившаяся в районе Айкино-Шежам. Архангельск был поставлен в известность о новой крупной победе на Вычегде. Капитан Орлов получил повышение в чине до подполковника и право развертывания своего отряда в Особый Вычегодский полк. В Усть-Выми прошел смотр белогвардейцев. Объединенные силы Н.П.Орлова уже насчитывали до 700-800 штыков и сабель. Красные военспецы А.О.Прокушев, С.П.Коннин и В.П.Щекин перешли к нему на службу и были восстановлены в офицерских званиях (Прокушев в чине штабс-капитана, Коннин и Щекин — прaporщиков; позднее Щекин был повышен до подпоручика). После смотра, на котором прозвучал клич “Даешь Котлас!”, Н.П.Орлов повернул свои основные силы вновь вниз по Вычегде, направив в сторону Усть-Сысольска только один небольшой отряд фельдфебеля С.Е.Завьялова в 48 (или 46) штыков.

16 ноября 1919 г. член РВС VI Красной Армии М.К.Ветошкин в телеграфной записке председателю северо-двинского губревкома Шумилову и губвоенкому Дудникову сообщал: “Орлов... рассчитывает на сочувствие, нахальство, на уездную растерянность, а тов. Юркин уже очищает для него город, запугивает самого себя и других... Конечно, при таких условиях предприимчивый капитан Орлов может достигнуть успеха, сам того не ожидая... Если Усть-Сысольск будет захвачен на время Орловым, это будет пощечиной всем нашим организациям... Надо истребить эту сволочь, не беря ни одного из командного состава белых в плен. Смерть белым — вот лозунг дня”. Однако за день до этого, 15 ноября фельдфебель Завьялов

уже нанес пощечину т. Ветошкину и “всем его организациям” — белые заняли Усть-Сысольск, без боя вступив в него ровно в полдень. Большевики в панике бежали из города 14 ноября, даже не попытавшись организовать его оборону. Некоторые комиссары, сутками не слезая с подвод, драпали до Вятки. Их панические рассказы вынудили советские власти Вятки объявить город и север Вятской губернии на военном положении.

В итоге Николай Петрович Орлов за короткий срок захватил два города, разбил практически все силы красных в их собственном тылу, развернул свой партизанский отряд в полк и мог начать теперь наступление на котласском направлении. Это был “звездный час” Орлова.

Объясняя причины столь крупного успеха белых в ноябре 1919 г. историки Е.Г.Королева и А.А.Попов писали: “Осмысливая сейчас события, позволившие белогвардейцам столь быстро и безнаказанно захватить обширную территорию в долине Вычегды и Сысолы, можно сказать, что одной из причин этого явилась морально-политическая и боевая неустойчивость личного состава караульных и стрелковых рот... Эти роты, созданные из нестроевых, преимущественно из бывших дезертиров, не были обучены и спаяны в сколько-нибудь боеспособные подразделения. Слабая вооруженность, разносистемность оружия, недостаток боеприпасов не создавали уверенности у личного состава в своей боевой мощи... Главной причиной явилось полное несоответствие командного состава рот и отрядов своему назначению... Коммунистическая прослойка в ротах была незначительная. Все эти обстоятельства, вместе взятые, и предопределили развал рот, а их развал, в свою очередь, деморализующе сказался на остальном аппарате уездов”.

Но дело не только в этом. Большое значение имело настроение населения. В заключении военно-следственной комиссии красных о причинах сдачи Усть-Сысольска и Яренска прямо указывалось на “сочувственное отношение населения к белогвардейцам” как на один из способствовавших этому факторов. Позднее, после поражения белых, в Яренском уезде провели опрос волисполкомов об отношении населения к белым и красным. От руководителей Сереговской волости пришел такой ответ: “Сочувствие к белым имела 3-я часть населения, но [в связи с] чем оно выражалось, толком сообщить не можем, понять совершенно невозможно”. Из соседней Серегово-Горской волости сообщили: “Сочувствие белым было [у] более половины населения. Чем оно вызываемо, исполнком даже

понять не может”. О том же информировали исполкомы Айкинской и других волостей. Примечательно, что “сочувствие к белым было как со стороны кулачества, так и со стороны середняков и бедняков”.

В разных волостях ситуация складывалась по-разному: где к белым “радушно отнеслось большинство” (Серегово-Горская волость), где “в меньшинстве сочувственно” (Гам) или “особого сочувствия населения к белым не наблюдалось” (Часово); при этом следует помнить, что опрос проводился коммунистическими властями, и волисполкомы могли постараться в некоторых случаях приуменьшить размеры симпатий жителей к белым. Но то, что поражение большевиков, сама перемена власти была встречена с равнодушием повсеместно, оспаривать не приходится. Позднее IX съезд Советов Яренского уезда констатировал: “Разбойничья авантюра... выявила политическую физиономию населения, часть которого к великому нашему прискорбию участвовала в победе белых над красными войсками: население было орловскими проводниками, участвовало в тайном шпионаже и даже оказывало содействие при расстреле товарищей коммунистов. Съезд клеймит их позором, выражает проклятье и призывает всех к честному исполнению своих гражданских обязанностей”. На обманувших –вольно или невольно – ожидания людей большевиках большая часть населения поставила крест.

Все силы — против Орлова

19 ноября 1919 г. северо-двинский губревком на своем заседании постановил: “В связи с создавшимся на фронте осложнениями... наметить меры к установлению в Устюге укрепленного района, в спешном порядке разработать проект обороны г. Великий Устюг, часть мастерских, заводов, фабрик, типографий перевести на работу по обороне города, штабу Северо-Двинского коммунистического батальона особого назначения закончить формирование устюгской роты... Коллективы национального флота, Красавинской фабрики, Лальской фабрики и губпрофсовета со всеми профсоюзовыми объединениями перевести на военное положение... Губревком признал положение требующим подготовительных мер к эвакуации и поручил эвакокомиссии спешно разработать подробный план эвакуации... ”.

Созданный на железнодорожной станции Луза специальный штаб члена РВС VI Красной Армии Г.С.Биткера бросил для

ликвидации белогвардейского прорыва под Яренском значительные военные силы. С речных кораблей военной северо-двинской флотилии были сняты 500 балтийских матросов и отправлены в Козьмино. Туда же были посланы сводный отряд 45-й бригады ВОХР численностью в 200 штыков под командою Алферова и артбатарея из трех орудий. Командование яренской группировкой красных было возложено на бывшего мичмана Балтфлота И.А.Мякишева. Позднее в Козьмино был направлен еще один отряд красноармейцев, в итоге, общие силы красных на Яренском фронте стали насчитывать, по данным В.И.Прошева, 1262 штыков и сабель при 14 пулеметах регулярных войск и 140 партизан отрядов А.А.Артемьева и М.П.Минина. Положение немногочисленного гарнизона белых в Яренске становилось угрожающим.

18 ноября И.А.Мякишев, не дожидаясь подхода всех своих отрядов, двинулся на Яренск, выслав вперед разведгруппу. С этой разведкой приключилась любопытная история. Когда разведчики во главе с П.И.Белых внезапно для себя напоролись на заставу белых под городом, пьяные белогвардейцы даже не то что не расстреляли попавшихся красных шпионов, а пропустили их в свой тыл, крича при этом, что с “такими дрянными солдатами воевать мы не хотим! Нам нужны моряки, “черные вороны”!” Разведка благополучно осмотрела Яренск и вернулась к своим.

20 ноября в 10 утра Мякишев атаковал город с трех сторон и после непродолжительной перестрелки выбил противника из Яренска, захватив при этом шесть пленных. Командир батальона матросов Семен Обвинцов за взятие города был представлен к ордену Боевого Красного Знамени. Белые отступили до Межога. Заняв Яренск, Мякишев не стал развивать наступление на гамском направлении, а, расставив заставы вокруг города, стал ждать подхода всех своих сил. Штаб разместился в помещении винного склада, еще не вполне опустошенного предыдущими хозяевами города — это пагубно отразилось на трезвом образе жизни красных командиров. В город между тем постепенно стягивались обозы, завезли снаряды для пушек. Сама артбатарея находилась в Козьмино, где ее ставили на сани. Чекисты арестовали в городе 35 человек, обвиненных в связях с белыми, и начали следствие. Часть арестованных, среди них председатель Земской управы Н.В.Изюмов, агент охраны В.А.Булатов, В.П.Берников и др. были вывезены из города и расстреляны в Лене и Слободчиково. Есть также информация, что красные расстреляли всех священнослужителей г. Яренска.

21 ноября представитель губчека т. Делягин доносил о взятии Яренска: “Потери — 2 ранено... Арестовано мною 35 человек... Вступило в Яренск около 600 человек. На вопрос, как встретило население, ничего не скажу, потому что все залезли в избы”. Днем позже 22 ноября 1919 г. Ф.С.Коковкин в телеграмме в Великий Устюг также сообщал о победе : “20 ноября в 12 часов красными войсками занят Яренск. Сегодня в 16 часов установлена телеграфная связь. Банды белых оставили в Яренске полный хаос, органы управления еще не функционируют, кроме Ревкома. Некоторые начинают возвращаться. Казармы и цейхгаузы разграблены, условия для работы пока ненормальные, настроение населения пестрое, частей бодрое. По слухам все награбленное в Яренске белыми сложено в Шежаме и на Удору еще не отправлялось. Новых сведений о противнике не имею”. Надо заметить, что уполномоченный губпродкома по Яренскому уезду т. Седелков 21 ноября на заседании губревкому предложил заменить Коковкина на посту военкома Яренского уезда, и губревком почти согласился с этим: “Коковкин никуда не годится... Посоветовал мне удирать так же, как и он...” (очевидно, имеется в виду отступление красных из Яренска в начале ноября — авт.).

Второе падение Яренска

22 ноября разведка красных донесла, что к Яренску движутся крупные части белых — это возвращался из-под Усть-Выми Н.П.Орлов. В течение суток в окрестностях Яренска шли бои. Кемто были подожжены воинские казармы. Среди горожан распространился ужасный слух, что ЧК заживо сожгла там арестованных. Яренские “Известия...” были вынуждены специально выступить 6 декабря 1919 г. с заявлением, что “поджог ЧК арестованных — это не так. Белые подожгли казармы. Арестованные все были увезены...”

Н.П.Орлов окружил город, перерезав сообщение красных с их тылом. Дороги вокруг Яренска ему на этот раз показывал часовой мастер В.В.Крюков по прозвищу “Монах”. Штаб Мякишева все это время предавался пьянству, что вызывало глубокое возмущение рядовых солдат и матросов. В конце концов Мякишев отдал приказ оставить Яренск. При этом Ф.С.Коковкин предлагал уничтожить весь город, но не допустить, чтобы он снова достался врагу (в рукописи Б.И.Торкова и А.М.Огаркова “Нашествие”, написанной в 1981 г. и хранящейся в фондах Яренского музея, дословно приведено

высказывание Коковкина: “Сдадимся, но город сожжем!”). При вторичном отступлении из Яренска без вести пропали 150 (по другим данным, 45) матросов и красноармейцев. В ночь на 24 ноября белые снова вошли в Яренск. Часть обоза красных попала в их руки. Были захвачены также пленные. Матросов решили расстрелять, но “черные вороны”, спасая свою жизнь, выдали белым секрет подхода артиллерии, что было для Орлова неприятной новостью, ибо пушек у него не было. Матросы пообещали вывести артиллерию из строя, если их отпустят, что и было сделано. Добравшись до своих, моряки, разумеется, и не собирались портить орудия.

О событиях этих дней под Яренском сохранились интересные воспоминания командира роты матросов Г.А.Шишкина, написанные в 1968 г.: “Противник получил подкрепление с Удоры через Чорву, окружил нас в Яренске с трех сторон, начал интенсивный обстрел города. С чердаков и колокольни застручили пулеметы по нашим патрулям и связистам, создался ад кромешный. Близко к нашим заставам и цепям враг не подходил и только обстреливался. Создалось затруднительное положение. К нашей позиции, которую занимала рота, пришел командир отряда В.Шустов, говорит мне: “Гриша, пойдем в штаб”, я вместо себя оставил полуротного Яшу Пастухова. Приходим в штаб, где в окнах пулями выбиты стекла. Мякишев, Швецов, Петраков, Красиков и другие сидят на полу, так как ниже окон каменную стену пули не пробивают. Мы страшно возмутились поведением командования, когда заметили их в нетрезвом состоянии. Штаб занимал помещение винного склада. Шустов спрашивает: что будет дальше? Мякишев отвечает: будем отступать. Швецов ему вторит: да, мы должны отступить, а ты как думаешь? Да, поскольку создалось такое положение, благодаря нашей бездарности, придется отступить и то только один исход — через реку, говорит Шустов...

Перед рассветом началось наше отступление (злые языки назвали наше отступление исходом евреев из Египта). Пока переходили мост через Яренгу противник обстреливал из пулеметов, но прицел был взят высоко, жертв было немного — пять коней и несколько человек ранено. Наша рота шла в авангарде, на санях стояли пулеметы. Отойдя от Яренска версты три, нас нагоняет группа человек сорок всадников. Я поворачиваю коня, подъезжаю к ним, спрашиваю, кто такие? А что, растак твою мать, разве не видишь, что свои? А белые или красные? Конечно, белые, слепой черт! Даю команду, дать очередь из “максима”. А ведь различить в то время одинаково одетых

белых и красных можно только по звезде и кокарде. Заслышав стрельбу, среди возчиков началась паника, начали обгонять друг друга по льду озера, лед стал подламываться, хорошо, что было неглубоко. Кое-как навели порядок. Хорошо, что противник не сумел воспользоваться нашим замешательством. Вместо 29 верст от Яренска до Лены мы прошли 49 верст по бездорожью, большую часть лесами”.

Гибель побежденного и победителя

Вторичное падение Яренска вызвало в губернских учреждениях Великого Устюга новую волну паники. Г.С.Биткер был вынужден официально заверить руководство Северо-Двинской губернии, что “Котлас ни под каким видом не будет сдан”. Лена, ставшая базой советской группировки в Яренском уезде, укреплялась. По поступавшим оттуда донесениям, настроение среди красноармейцев было “неустойчивым”, матросы бузили, требуя сместить Мякишева с командования фронтом за трусость, пьянство и сдачу Яренска. В Лене рыли окопы и траншеи, устраивали блиндажи с перекрытыми бойницами.

25 ноября конница белых внезапно подошла к Лене и средь бела дня атаковала село, с шашками наголо ворвавшись на центральную улицу. Гарнизон красных был застигнут врасплох за обедом. Но матросы быстро пришли в себя и открыли пулеметный огонь. Противник был вынужден отступить. Н.П.Орлов, возглавлявший атаку, получил ранение в шею, а его адъютант С.Матвеев — в ногу. Об этом бое есть несколько версий. По одной из них, белые атаковали силою до двух рот прямо по тракту. Е.Г.Королева и А.А.Попов писали, что “рассыпавшись в цепь на опушке леса, белогвардейский отряд с дистанции 500-600 метров открыл ружейную и пулеметную стрельбу по селу, но после трехчасового боя с наступлением сумерек отошел, оставив убитыми 20 человек и один пулемет. Последующей разведкой красных было захвачено в плен несколько белогвардейцев”. В то же время сами участники боя, как, например, Г.А.Шишгин, писали, что атака белых состояла в кавалерийском налете утром и “в 2 часа того же дня противник начал наступление взводными колоннами, при приближении рассыпаясь в цепь. Пока заставы отбивали наступление противника, мы приготовились и пошли в контратаку”. Так или иначе, белые отступили.

Генеральное сражение под Леной произошло в ночь на 28 ноября 1919 г. По словам участника боя, помощника комбата матросов П.Т.Савельева, перед боем Орлов выслал к красным парламентера:

“Вдруг часовой докладывает, что какой-то бородач спрашивает старшего командира моряков по важному делу. Я вышел и спросил старика, что ему нужно. Он вытащил из-за пазухи пакет с сургучной печатью и со слезами на глазах попросил расписаться в получении. Как выяснилось, у него в доме остановился Орлов. Бандит послал старика с пакетом, пригрозив ему, что если он не принесет ответа, то будет расстрелян. Мы вскрыли пакет и прочитали обращение белогвардейского капитана к морякам. “Вы обмануты евреями (жидами-большевиками), — писал Орлов. — Сдавайтесь мне. Я сам капитан флота, ваш брат по роду оружия. Решим спор без кровопролития. Если вы не сложите оружия, то сегодня в два часа ночи будет гореть земля и небо и село Лена будет моим. Решайте. Жду вашего раскаяния. Капитан Орлов”. Жалея старика, мы дали ему расписку в получении пакета, а на словах просили передать Орлову, что ждем его с нетерпением и встретим с радостью”. Надо заметить, что упоминаемое в документе звание Н.П.Орлова “капитан флота” можно объяснить только одним — Орлов хотел таким образом воздействовать на матросов.

28 ноября в три часа ночи Орлов силою до 800 штыков и сабель вторично атаковал Лену. Ударная группа прaporщика Обрезкова сходу выбила противника из окопов и захватила было верхний конец села, но попала под пулеметный огонь и почти в полном составе погибла. Белые зажгли факелы и стали группироваться для решающего натиска. В этот момент заработала красная артиллерия. Под пушечным огнем белогвардейцы заметались, но Орлов пристрелил паникеров и лично возглавил атаку. Бой под Леной шел в течение семи часов. Почти весь офицерский и унтер-офицерский состав батальона белых погиб. Сам Орлов был убит пулеметной очередью в грудь в двух шагах от окопов красных (есть также версии, что его закололи штыком, убили выстрелом из нагана в упор и т.д. По меньшей мере, пять или шесть красноармейцев позднее утверждали, что именно они убили Орлова).

Потеряв командиров, белые отступили. На поле боя красными было обнаружено от 80 до 100 убитых солдат противника, в основном от пушечного огня, в плен попало около 60 белогвардейцев (сами белые потом признавали, что в ленском бою погибли лучшие солдаты орловского отряда). Трупы белых, в первую очередь Орлова, сфотографировали, и снимки в качестве доказательства победы отправили в Устюг.

По одним сведениям, тело Орлова тоже увезли в губернский центр, по другим, он был похоронен вместе со всеми мертвыми белогвардейцами в кладбищенском лесу Лены. (В современном Яренске бытует любопытная легенда о приезде в город уже после окончания гражданской войны вдовы Н.П.Орлова Александры Плашкиной. Вдова добивалась разрешения советских властей на перезахоронение останков своего мужа, но безрезультатно. Ф.С.Коковкин будто бы заявил, что “не получится у нее сделать мужчинка национальным героем”). Сверху на захоронение белогвардейцев был брошен труп белого коня подполковника (по другой версии, орловский конь не был убит, а как трофей доставлен в Яренск). Потери красных в ленском бою нигде не приводятся. В самом селе Лена имеется могила одного красноармейца, погибшего от ран после боя. Местные жители уверены, что это единственная жертва с советской стороны, во что поверить трудно. Тем не менее, газета “Известия Яренского уездного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов” 2 декабря 1919 г. тоже утверждает, что красные в ленском бою потеряли убитым одного человека и двоих ранеными. Потери противника газета оценивает в 60 человек убитыми и 12 пленными. О самом бое “Известия...” пишут в духе того времени; чего стоит, например, такая фраза: “Моряки радостно бросились навстречу врагу”.

И.А.Мякишев отдал приказ преследовать отступающего противника. Днем 28 ноября передовые части красных с боем заняли деревни Ирту и Микшину Гору, догнав и захватив там в плен около 40 отставших от своих белогвардейцев. Из Яренска белые бежали по двум направлениям: по Черво-Лоптиюскому тракту и на Айкино. Во время отступления были реквизированы в Яренске все подводы, что было одной из причин (как следует из документов) задержки дальнейшего движения красных. При появлении отрядов Мякишева горожане в ужасе попрятались кто куда, спасаясь от возможных арестов, а часть ушла с белыми (по некоторым данным, на Удоре потом скопилось до тысячи беженцев из Яренского уезда). 29 ноября в 11 часов утра красные вступили в Яренск, захватив в нем девять пленных. 1 декабря Мякишев занял Межог, 2 декабря — Жешарт. Под Гамом артиллерия красных обстреляла арьергард неприятеля. Прапорщик Скорохватов вызвал из Айкино на помощь роту 1-го Северного Мезенского полка в 200 штыков, но при приближении красных возобладало мнение отступать дальше на Удору. Без сопротивления белые оставили нижнюю Вычегду и отошли на север

по Шежамо-Бутканскому тракту. 3 декабря Мякишев занял Усть-Вымь. Яренский фронт был ликвидирован. Архангельская газета “Вестник Временного правительства Северной области” в номере от 13 декабря 1919 г. писала: “Партизанский отряд, ходивший в тыл большевикам, возвратился в Кослан, приведя с собой пленных. Во время боев на реке Лене, что южнее Яренска, убит доблестный командир отряда подполковник Орлов”.

5 декабря 1919 г. передовица уездной газеты “Зырянская жизнь” радостно извещала читателям: “Банды Орлова разбиты, сам золотопогонник капитан Орлов... уничтожен. Остатки белых бандитов бегут в леса Удоры. Над Яренском и Усть-Сысольском снова развевается Рабоче-Крестьянское Красное Знамя”. В этом же номере было напечатано стихотворение коми поэта и по совместительству чекиста В.А.Савина на коми языке “Губернатор без губернии” о пребывании С.О.Латкина и белых в Усть-Сысольске. Но не только Савин иронизировал над краткосрочным пребыванием белых в столице Коми края. 27 апреля 1920 г. в парижской газете русских эмигрантов во Франции “Последние новости” опубликовали рассказ-фельетон известной русской писательницы Тэффи (Н.А.Лохвицкой) “Ке фер?”, где так было написано о белых в Усть-Сысольске (якобы со слов какого-то генерала): “— Мы должны были поддержать Усть-Сысольское правительство. — А разве такое есть? — Было. Положим недолго. **Один подполковник** (выделено нами — авт.), не помню фамилии — объявил себя правительством. Продержался все-таки полтора дня. Если бы мы его поддержали вовремя, дело было бы выиграно”.

Судьба победителя Орлова И.А.Мякишева оказалась трагической. Через два месяца, 12 февраля 1920 г. он был убит на своей квартире в г.Яренске. Сначала чекисты задержали по подозрению в убийстве двух проституток, но затем было установлено, что убийство совершил начальник разведки яренской группы войск красных Каракчиев по прозвищу “Шаляпин”. За оспаривание приказов Мякишев отстранил Каракчиева от командования и поплатился за это жизнью. “Шаляпин” пытался скрыться в лесах на реке Вымь, но был пойман и расстрелян. Есть также версия архангельского краеведа А.М.Огаркова, что Мякишев покончил жизнь самоубийством.

Подполковник Орлов погиб. С его именем связан наивысший военный успех Белой армии в Коми крае, когда почти вся его территория контролировалась белыми. Первый батальон сформиро-

ванного на Вычегде в декабре 1919 г. 14-го Северного Вычегодского полка белых назвали именем подполковника Н.П.Орлова. Брат Н.П.Орлова Владимир стал командиром этого батальона и был расстрелян красными в марте 1920 г.

ПАРТИЗАНЫ ЗАТЕРЯННОГО МИРА

*“Повесть об этих полярных героях
похожа больше на увлекательный роман,
нежели на рассказ о подлинных событиях.
Всё в ней экзотично – начиная с обстановки,
в которой развертывалось действие...”*

*Н.И.Ульянов “Очерки по истории
коми-зырян”, 1932 г.*

Название “Изваиль” мало что скажет абсолютному большинству жителей нашей республики, да и часть тех, кто обнаружит свое знакомство с сим географическим объектом, пожалуй, спутает небольшую деревню в верховьях Ижмы с куда более популярным государством Израиль или даже с турецкой крепостью Измаил, некогда взятой штурмом чудо-богатырями незабвенного Суворова. Между тем именно событиям в Изваиле и его окрестностях посвящена одна из наиболее популярных в свое время “героических легенд” о гражданской войне, доставшихся нам в наследство от прошлого и зачастую имеющих с действительностью мало общего. Легенда эта, запечатленная и на страницах некоторых научных трудов, повествует о “героической борьбе красных партизан Изваиля”, будто бы несколько месяцев не дававших “белым бандам” захватить обширный район и совершивших “дерзкие разведывательные рейды в стан врага”... “Как им это удавалось?” – дивились читатели. А ларчик просто открывался...

Затерянный мир Изваиля

Располагавшаяся в самых верховьях Ижмы Изваильская волость представляла собой десяток разбросанных по территории более чем на 100 километров в длину и на 60 с лишним в ширину деревень и починков, иные из которых отстояли от центра волости на 50-60 верст. В самом крупном селении — Изваиле насчитывалось аж 28 дворов, остальные были еще меньше (от четырех до 19); жило в них в период гражданской войны в общей сложности около восьмисот человек, занимавшихся охотой и земледелием. Охота было уделом мужчин, земледелие — в основном, женщин. Как сообщал в 20-е годы журнал “Коми му”, “для мужчин обработка земли считалась неблагородным занятием. Всякая другая помощь в земледельческих

работах, кроме летней страды, охотнику равносильна унижению и оскорблению престижа”.

Вековой образ жизни, традиционные патриархальные отношения сохранялись тут дольше и прочнее, чем в других местах, из-за отдаленности и труднодоступности этого уголка Коми края. Если зимой, по льду и снегу можно было проложить сносные (по местным понятиям) пути сообщения, то весной и летом Извайльская волость превращалась едва ли не в затерянный мир. Связь с другими волостями и внутри самой волости осуществлялась главным образом по воде, что обычно было, по словам современников, “сопряжено с огромными трудностями, так как речки мелководны и порожисты”, а “в сухое лето движение совершенно невозможно”. Достойной альтернативой водным путям являлись узенькие лесные тропинки, “по коим трудно пробраться даже и верхом”; путешествие же по лесным дебрям за десятки верст пешком выглядело совсем непривлекательным… Никаких дорог в этом районе не было вообще; неудивительно, что в 1929 г. И.Шахов писал на страницах “Коми му” об Извайльской волости: “Телег здесь еще нет. О последних население имеет лишь смутное представление, как и большинство старых людей на Вычегде о паровозе”. В общем, как точно подметил историк 30-х годов Н.И.Ульянов, “это был своеобразный мир, напоминавший обломок какой-то древней формации”, затерявшийся в тайге.

Новые веяния

Несспешное течение жизни изваильцев было прервано революцией и гражданской войной. Конечно, было бы преувеличением сказать, что происходившие где-то далеко, в столице, губернском или даже уездном центре перемены тут же оказывались и здесь, в глухи. Однако осенью 1918 г. новые веяния дошли и до Извайля, и, по словам Н.И.Ульянова, “угнетенная часть населения, …еще не зная толком о смысле совершившегося переворота, имея смутное представление о самой Советской власти”, тем не менее “организовала у себя Советы, комбеты и продотряды”. Возглавил эту “созидательную деятельность” в Извайле Дмитрий Дмитриевич Уляшев.

Д.Д.Уляшев, закончивший два класса школы грамоты, слышал среди земляков знающим человеком (если использовать цитированное выше выражение И.Шахова, вероятно, он знал, что такое телега). Он три года работал почтальоном — “при буржуях и помещиках” почта, как ни удивительно, несколько раз за год все

же доставлялась в Изваиль; потом пришла Советская власть, и почты на время не стало. Невостребованной энергии у Дмитрия Дмитриевича оставалось еще много. Он стал сельским старостой, а в конце сентября 1918 г. возглавил первый изваильский комбед. Через месяц в Изваиль приехал из Помоздино большевик, навербовавший тут коммунистическую ячейку во главе с Д.Д.Уляшевым и вкратце разъяснивший новоявленным партийцам (среди которых был и Андрей Яковлевич Попов — это имя надлежит запомнить) их обязанности. Воодушевленный указаниями родной партии, Д.Д.Уляшев взялся за контрибуции с местных кулаков (по какому принципу он записывал односельчан в кулаки, самый богатый из которых где-нибудь в средней России едва ли потянул бы даже на середняка?); примечательно, что при этом опирался Дмитрий Дмитриевич не столько на большевистскую ячейку (часть членов которой не одобряла его стремление “взять все и поделить”), сколько на комбедовцев, у которых своего добра практически не было, а зарабатывать его честным кропотливым трудом всё как-то не получалось (может, и желания такого не имелось).

Члены изваильского Совета не сразу поддались нажиму комбедовцев, но в конце концов уступили (сильно помогло делу появление красного отряда из Помоздино), а в январе 1919 г. Совет крестьянских депутатов в соответствии с указаниями “сверху” был вовсе упразднен, а вместо него организован Совет бедноты (его возглавил опять-таки Д.Д.Уляшев), который с новыми силами принявшийся давить на живущую хоть более-менее сносно часть населения. Это вызвало конфликты между коммунистами, и часть из них (в том числе и А.Я.Попов) в знак протesta вышла из РКП(б); в большевистской ячейке осталось 8 человек: Дмитрий Уляшев с четырьмя своими братьями и еще трое (в том числе член исполкома сельсовета Егор Константинович Уляшев, чье имя тоже надо запомнить).

В ожидании белых

Весной 1919 г. красноармейские части отступили из Ижмо-Печорского района (чудом успев выбраться до начала весенней распутицы), по пути забрав в Изваиле почти всех лошадей и до смерти напугав местное население грядущими зверствами белых. Изваильские коммунисты решили организовать партизанский отряд и оказать сопротивление наступавшему врагу: “Кованые сапоги англо-американских интервентов и их наймитов не будут топтать наши

поля! Только через наши трупы белогвардейцы смогут перешагнуть Извайльскую волость!” Всех коммунистов и сочувствующих обязали записаться в партизаны, проявлять бдительность и расстреливать, если попадутся, односельчан-изменников. В это сложное время решил вновь вступить в компартию и в партизанский отряд А.Я.Попов и другие бывшие большевики.

Однако прошел месяц, за ним другой, а страшные белые банды не появлялись, и “боевая активность” красных партизан проявлялась разве что в том, что они ходили в поля и на рыбалку только с оружием. Свои же коммунистические лидеры — Д.Д.Уляшев и его брат Петр (председатель и секретарь волостной ячейки), напротив, доставляли местному населению все больше беспокойства, организуя все новые реквизиции у “кулаков”, затем у “зажиточных”; очередь была, похоже, за середняками. Те, у кого изымали “излишки” (под которыми порой имелось в виду едва ли не все, что имелось в доме), лишались в довершение всего и продовольственного (“голодного”) пайка… Продовольствия в волости катастрофически не хватало. Народ заволновался и заговорил о том, что, по доходившим издалека слухам, белые снабжают население хлебом, и не лучше ли обратиться к ним… Почти половина коммунистов вновь вышла из партии. Председатель избранного в апреле 1919 г. Извайльского волисполкома С.С.Габов был настроен против деятельности Д.Уляшева. А.Я.Попов открыто выступил против реквизиций и потребовал вывести из руководства большевистской ячейки и волостного Совета Дмитрия и Петра Уляшевых и других активистов “жесткой линии”, но осуществить его предложение не удалось. Обстановка в волости накалялась. Жители д. Лач (родной деревни А.Я.Попова) и еще нескольких селений отказались исполнять исходившие от братьев Уляшевых приказания, те в ответ грозили массовыми репрессиями. Начался голод. Тогда коммунист А.Я.Попов, который, по словам И.Шахова, “настолько расположил партию своей преданностью и верностью делу революции, что ему доверили самый опасный пункт” (сторожевую службу в д. Лач), решил обратиться за помощью к белым…

Неожиданное падение “Извайльской крепости”

С большим трудом удалось ему добраться до Усть-Ухты, где находился ближайший белогвардейский отряд, и попросить пресечь партизанские бесчинства и предотвратить назревающее кровопролитие. Руководство белых, с изумлением узнавшее о существо-

вании затерянной в лесах Изваильской волости и сохранявшейся в ней Советской власти, выделило для наведения порядка небольшой отряд — два с половиной десятка человек. А.Я.Попов привел белых в Изваильскую волость; в д. Гажаяг они встретились с председателем волисполкома С.С.Габовым (он был родом оттуда) и объяснили ему цели своего появления. Глава местной Советской власти не возражал против использования белых для пристрнения не в меру разошедшихся красных партизан...

23 июня 1919 г. белые заняли Изваиль. Красные партизаны, видимо, решив, что с обещанием “лечь трупами” на пути белых они погорячились, скрылись в лесных избушках (один из них даже сумел добраться до Помоздино, где и был арестован красными как подозрительный тип без документов). Белые занялись “страшными репрессиями” — арестовали двух коммунистических вожаков, Дмитрия и Петра Уляшевых, да и тех через два дня выпустили на поруки родственникам, заручившись их обещанием вести себя прилично. На этом “репрессии” и закончились. Было объявлено, что все скрывающиеся в лесах также могут вернуться домой и жить нормально, не нарушая порядка. Партизаны решили с возвращением домой из лесных избушек повременить, хотя спокойно приходили работать на свои земельные участки близ села (война войной, а страда страдой). Белые пригрозили было через пять дней расстрелять семьи беглецов, но эти угрозы всерьез никто не воспринял, да и сами белогвардейцы по прошествии отмеренного срока и не подумали их выполнять. Выпущенных Уляшевых тоже предупредили, что их семьи в случае бегства пострадают, но Д.Д.Уляшев тем не менее скрылся из села, и его родным это не повредило.

В Изваиле вместо Советской власти была создана земская управа, которую возглавил Е.К.Уляшев — недавний коммунист и один из руководителей сельского и волостного Совета... А.Я.Попова отправили в Усть-Цильму за хлебом. Казалось, жизнь с новой властью стала налаживаться, но 3 июля Изваиль был атакован прибывшим из Помоздино по просьбе Д.Д.Уляшева красноармейским отрядом. После длительной перестрелки белые сдались; всем им была обещана жизнь, но одного из пленных все же убили. В тот же день красноармейцы ушли назад в Помоздину, несмотря на отчаянные просьбы партизан и их семей “не оставлять Изваиль на произвол судьбы” (похоже, в свои силы партизаны больше не верили).

Подвиги партизан

Июньский рейд белых оказал на партизан отрезвляющее действие, и они наконец-то придали своему отряду действительно военную организацию — с командованием, разведгруппами и т.п., укрепили само село Извайлъ. Были восстановлены советские органы власти; земскую управу, ясное дело, упраздили, а ее председатель Е.К.Уляшев записался в красные партизаны. С.С.Габова на всякий случай арестовали, но по настоянию жителей Гажаяга освободили, и он тоже стал партизаном.

Судьба благоприятствовала красным партизанам. Наступившее полное бездорожье не давало возможности сколь-либо значительному отряду белых добраться до Извайла (возможно, впрочем, что они не особенно к этому и стремились). Лишь дважды (в июле и октябре) на территории волости, контролировавшейся партизанами, появлялись небольшие белые разведгруппы, с которыми красным удалось успешно справиться. Впрочем, белогвардейцы, окончившиеся на дальних подступах к “Извайльской крепости”, мало походили на суворовских чудо-богатырей.

Вот характерный эпизод: заскочив октябрьской ночью в д. Крутую, группа белых хотела арестовать местного коммуниста и партизанского активиста А.П.Шомысова. Его более шустрые коллеги по партии успели убежать в лес, на опушке пальнули несколько раз из ружей неведомо куда и, как пишет историк П.Г.Доронин, “побежали в направлении Извайла, чтобы оповестить своих товарищей о белогвардейском нападении”. Шомысов же убежать не успел — к дому уже подошли белые — и стал отстреливаться, “перебегая от одного окна к другому...” Нападавшие решили, “что в этом доме заперлось несколько партизан и начали правильную осаду дома”. Шомысов довольно долго палил в противника, а затем “босой и в нижнем белье” с гранатой в руке выскочил из дома во двор. Белогвардейцы от этого зрелища, видимо, пришли в ужас, “шарахнувшись в разные стороны и попрятавшись”. Шомысов швырнул в них гранату и бросился наутек. Белые остолбенело ждали то ли взрыва, то ли появления новых врагов (в белье, а то и без онего), но ни того, ни другого не произошло, и они ринулись в погоню. Но не тут-то было: “делая на ходу зигзаги, то припадая к земле, то вскакивая”, Шомысов добежал до леса и, в чем был, двинулся в Извайлъ, куда прибыл лишь часом позже своих товарищей..

Собрав всех, кого можно, партизаны двинулись из Извайла отражать “нашествие”. Враги к этому времени уже двинулись в

обратный путь, решив, видимо, с Шомысовым и его друзьями больше не связываться. Они захватили с собой конфискованное в домах скрывшихся партизан имущество — самовары, швейные машинки, одежду, обувь, охотничьи ружья, съестные припасы... (Историки обычно выражали недовольство этим “наглым грабежом”, не задаваясь при этом мыслью, откуда это у бывшей бедноты такие богатства — не от своих же соседей ли отнято при реквизициях?). Красным удалось к исходу дня догнать белых. Во время ночной перестрелки в лесу вышел небольшой конфуз: партизаны перепутали и атаковали не ту избушку, где ночевали белогвардейцы, но поле боя все равно осталось за ними...

Из других партизанских успехов можно упомянуть лишь старательно распространявшиеся ими (в устрашение потенциальному противнику) слухи о собственном многолюдстве и наилучшем вооружении, да еще арест приехавшего в волость с нижнего течения Ижмы мелкого торговца-лоточника; он бывал тут не раз и в предыдущие годы, но на сей раз партизаны решили, что он — шпион белых и, недолго думая, расстреляли бедолагу... “Героические” же “рейды в стан врага” являли собой, оказывается, весьма примечательное мероприятие: раза два в неделю группа конных хорошо снаряженных партизан (“разведка”) выступала к д. Лач, жители которой красной власти не признавали, но и белогвардейцев обычно там не было. Если, на грех, в Лаче в это время находилась какая-то группа белых, доставившая сюда продовольствие, партизаны тихонько уходили восвояси. Но ежели белых не было, то красные, по словам И.Шахова, “смело вступали в деревню, ходили по ней с песнями” (непременно революционными), “агитировали о свободе, хвалились своей силой”. Вволю попев в деревне, партизаны уходили за окопицу, “давали залп из всех ружей, бросали несколько бомб” (куда?), “затем с шумом, с песнями, временами стреляя, медленно двигались обратно к Извайлю” с чувством исполненного долга... Вообще гражданская война в Ижмо-Печорском крае была полна экзотики: “Одна из деревень для устрашения врага изобрела пушечные выстрелы. Мешочки с порохом подвешивались к многосаженным соснам и взрывались. Шум и страшный треск ломающегося дерева наводили панику на противника”. Не об Извайльской ли волости тут речь?..

Недостаточно высокую активность в ведении военных действий против “внешнего врага” красные партизаны (разумеется, далеко не все, а только наиболее активная их часть) с лихвой возмещали

борьбой с врагами “внутренними”, нещадно “экспроприиrя” “кулаков”, зажиточных и всех тех, кто смел выражать какое-нибудь недовольство краснопартизанским руководством. С наибольшим удовольствием они расстреляли бы ненавистного им А.Я.Попова, но тот был вне пределов их досягаемости... Всё большее количество жителей волости втайне копило обиду и злость на Дмитрия Уляшева, его братьев и товарищей по оружию, надеясь, что когда-нибудь “отольются кошке мышкины слезки”...

Основной сферой влияния партизан являлись Извайлъ, Лайково и Крутая. Жители деревень Лач и Одесдин красную власть признавать решительно отказались, население Гажаяга и некоторых других селений колебалось в выборе между белыми и партизанами. Пожалуй, ситуация в Извайльской волости как нельзя лучше соответствует словам белого генерала Марушевского, писавшего о событиях гражданской войны в Ижмо-Печорском районе: “В этих глухих местах... революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Разобрать, ...кто из воюющих был красный или белый – было практически невозможно. Отравленные ядом безнадежия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае...”

Трагическая развязка

С наступлением холодов распутица минула, и появилась возможность достаточно легко добраться до Извайля. В середине ноября красные части под напором белых оставили верхнюю Вычегду, не предупредив об этом изваильских партизан (а может, и красные к этому времени забыли о существовании этого партизанского отряда?). Направившиеся было “на большую землю” за боеприпасами партизанские гонцы узнали о кардинальных переменах на карте военных действий: кругом, куда ни кинь, были белые, успевшие очистить от красных даже Усть-Сысольск и Яренск. Потрясенные этой вестью изваильские партизаны стали решать, что делать дальше. Думали было уйти подальше от своих обиженных односельчан, в глухие вишерские леса, но выяснилось, что белые добрались и туда. В конце концов у белогвардейцев дошли руки и до Извайльской волости. 23 ноября они вошли в д. Лач, два дня спустя

– в д.Гажаяг. Партизанские активисты решили, как и при прошлом приходе белых, скрыться в лесах, надеясь, что их опять оставят в покое. 26 ноября белые вошли в Извайлъ, не встретив никакого сопротивления.

Поначалу, казалось, что расчет партизан отсидеться в лесных избушках до прихода спасителей-красноармейцев оправдается. Белогвардейское командование предложило партизанам вернуться домой и передало им через посредников соответствующее письмо, но ответа не получило. Однако дальнейшие события стали развиваться, увы, не по июньскому сценарию. Но на сей раз партизаны просчитались — слишком большое недовольство вызвали они у населения волости. Те, кого они в течение многих месяцев травили как “эксплуататоров трудового народа” или “несознательный элемент”, решили свести с ними счеты. Местные жители вывели белые подразделения к местам, где прятались партизаны, и большинство их было арестовано.

Некоторые погибли, оказывая сопротивление при аресте, часть была расстреляна позднее по настоянию и при участии местного населения. Роль самих изваильцев в репрессиях против партизанских активистов ярко видна в случае с одним из братьев Дмитрия Уляшева, арестованным вне пределов Извайльской волости и до февраля 1920 г. находившимся в Ижемской тюрьме. Он был расстрелян только после того, как этого в ультимативной форме потребовали узнавшие о его местонахождении жители д. Лач и других селений. По данным П.Г.Доронина, в самой Извайльской волости было казнено 12 партизан, многие из них — после жестоких пыток. Дмитрия Уляшева, пишет П.Г.Доронин, “несколько раз избивали до потери сознания, босым водили по снегу, ...голым привязали к лиственнице и стали обливать холодной водой чтобы обледенить его живым, ...полуживым привезли... в село и продолжали истязания. Ночью ...на р. Ижме расстреляли. После расстрела... нанесли... еще 19 штыковых ран, а затем тело бросили в прорубь”.

22 арестованных направили для дальнейшего следствия в Ижму. Этапируя их за пределы Извайльской волости, белое командование рассчитывало, по мере всего прочего, просто-напросто уберечь их от вероятных случаев самосуда. Двое из них затем были освобождены за недостаточностью улик и по старости, а один — уже знакомый нам С.С.Габов — получил свободу благодаря заступничеству А.Я.Попова. Остальные 19 за преступления против населения Извайльской волости были приговорены к тюремному заключению,

из которого были освобождены после падения белого режима пару месяцев спустя. Те члены партизанского отряда, которые не были замечены в жестоком отношении к населению волости и не скрывались от белых властей (упоминавшийся выше Е.К.Уляшев, Е.В.Уляшев) не были репрессированы.

На смену Советской власти вновь пришла земская управа. Возглавил ее А.Я.Попов; двое из трех остальных членов управы нам тоже хорошо известны — бывшие коммунисты, партизаны и советские руководители С.С.Габов (ставший заместителем председателя управы) и Е.К.Уляшев... Просуществовала управа недолго. В феврале 1920 г. белые капитулировали, и появившиеся красноармейцы в очередной раз восстановили в Извайле Советскую власть. А.Я.Попов долго скрывался в лесах, был арестован, заключен в устюжскую следственную тюрьму, умудрился бежать оттуда, но примерно через год, в 1921 г., был еще раз схвачен и расстрелян. С.С.Габов и Е.К.Уляшев не пострадали...

Потом, правда еще не одно десятилетие в волости шли разборки — кто был героем, а кто врагом народа... С.С.Габова именовали то предателем, то наоборот, тайным разведчиком партизан — причем настолько тайным, что вроде бы даже сами “партизаны не знали о существовании тайной разведки” (а кто же тогда знал?)! Время остыло кипевшие страсти, и не нужно сейчас, наверное, выяснить, “кто первый начал”, кто больше виноват в пролившейся крови... Но в памяти людей должна остаться не “героическая изваильская эпопея”, “славная страница истории”, а жуткая изваильская драма, печальный урок прошлого...

“НЕУЛОВИМЫЙ МСТИТЕЛЬ” ИЗ КЕРЧОМЬИ

История Алексея Тарабукина из Керчомы похожа на большое приключение, хотя таковы ему самому вряд ли тогда так казалось. Его отца Михаила Тарабукина расстрелял Мориц Мандельбаум якобы за убийство секретаря керчомской ячейки большевиков А.П.Гичева. Дядья Егор Тарабукин и Иван Тарабукин были расстреляны белыми, как “вредный элемент”. Во время троцкого-печорского антибольшевистского восстания 1919 г. Алексей попал к белым. Именно он передал пакет колчаковским частям с просьбой немедленно прибыть на Печору и помочь повстанцам Троцкого-Печорска. Потом Алексей перешел к красным и стал служить в дивизионной разведке у самого Чапаева. Василий Иванович лично дал ему прозвище “Самоед”. Под таким прозвищем Алексей и грабил крестьян в пользу чапаевской дивизии, угоняя скот у башкиров. Бывал в таких переделках, как в кино.

Сочувствующий РКП(б)

Семья Тарабукиных не была богатой, но жила безбедно. Имели двух лошадей, трех коров, но наемной рабочей силы не держали. Алексей закончил земскую школу, собирался в Деревянское второклассное училище, но мать не пустила сына так далеко. Остался он работать дома по хозяйству.

Грянула революция, начался передел всего и вся. Прибыл в Керчомью с Балтики земляк матрос Гичев, создал ячейку большевиков, набрали в дружину бывших уголовников под видом революционеров, и стала ячейка экспроприировать экспроприаторов. Хлеб, скот и вещи изымали даже у бедняков. Керчомские большевики от изобилия экспроприированного не страдали: время от времени накопившиеся запасы конфискованного просто выбрасывали в реку. Не мудрено, что керчомские крестьяне не выдержали такой жизни и убили Гичева. Произошло это в сентябре 1918 г. Как раз мимо села проезжал на Печору экспедиционный отряд красноармейцев Морица Мандельбаума. За убийство большевика арестовал Мандельбаум 30 человек, избил их всех стеком и велел расстрелять троих. Был расстрелян и отец Алексея Тарабукина, хотя никакого отношения к убийству Гичева он не имел. Подлинных убийц нашли уже после отъезда Мандельбаума и тоже расстреляли.

Стал Алексей кормильцем своей семьи, записался в сочувствующие РКП(б). В январе 1919 г. керчомский волисполком

отправил сорок подвод в Троицко-Печорск за хлебом. В это село красные свезли зауральский сибирский хлеб и собирались транспортировать его на запад, для нужд 6-й Красной армии. Голодные жители Троицко-Печорска, понятное дело, хлеб отдавать просто так не желали. Встретили они обоз из Керчомы, как и другие обозы с Вычегды, неприветливо. Погрузили в сани всякий хлам (Алексею достались, например, гири) и велели убираться обратно. Не успел керчомский обоз добраться до деревушки Сойва, что недалеко от Троицко-Печорска, как его задержали и вернули обратно. Оказывается, ночью 4 февраля 1919 г. в Троицко-Печорске произошло восстание, красных всех перебили, а над теми, кто остался в живых и кто работал на большевиков, будет суд. Мост через реку Сойва разобрали, здесь стала пролегать линия раздела между красными и белыми на верхней Печоре.

По воспоминаниям бывшего красноармейца П.З.Терентьева, не принимавшего участия в восстании, но работавшего впоследствии делопроизводителем в троицко-печорской земской управе (созданной вместо Совета), “местное население сочувствовало белой своре, во время постоянных тревог вооружались и женщины и мужчины кто топорами, кто вилами, косами и т.д.”

За подмогой к колчаковцам

Судебная коллегия повстанцев под председательством Петра Юдина заседала в здании бывшего волисполкома. Юдин называл фамилию, а набившиеся в дом мятежники кричали “Да!” или “Нет!” “Да” означало расстрел. Алексей заявил, что он ненавидит большевиков, что его отца расстреляли красные и что он собирается за это им мстить. Его оставили в живых, более того, поручили сразу важное дело. С пакетом он был направлен вверх по Печоре навстречу колчаковским частям, двигавшимся на север из Пермской губернии. Пакет Алексей доставил, рассказал белым о произошедших в Троицко-Печорске событиях, стал проводником для авангарда белых. Вскоре колчаковцы вступили в Троицко-Печорск. Народ встречал их колокольным благовестом, хлебом-солью.

За время отсутствия Алексея в селе Судебная коллегия приговорила к расстрелу около 130 большевиков и активистов советской власти, в основном беженцев из Чердынского уезда. Расстрелами руководил один из главных организаторов мятежа Иван Мельников (к слову, бывший секретарь большевистской волостной ячейки). Поначалу казнили где попало, и трупы потом валялись по всему

Троицко-Печорску. Были расстреляны и четыре коммуниста из керчомского обоза. Алексей вместе со всеми ямщиками помогал потом свозить трупы на лед Печоры, где их сбрасывали в прорубь.

О Троицко-Печорском восстании командующий Северным фронтом белых генерал-лейтенант В.В.Марушевский позднее писал в своих мемуарах: “Участники экспедиции (имеется в виду экспедиционный отряд есаула Мензелинцева, посланный из Архангельска в Омск через Троицко-Печорск — авт.) видели проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды. Романов (уполномоченный из белого Архангельска — авт.) посещал эти районы, опустошенные ужасами гражданской войны. Голод и нищета при жестоком морозе давали картины, не поддающиеся никакому описанию...”

Числился Алексей Тарабукин в Троицко-Печорске при земской управе, работал ямщиком. Однажды ему велели ехать в Чердынь, везти на сессию Чердынского уездного земского собрания троицко-печорских земцев. Не знал Алексей, что Петр Юдин, которого он вез, уже вычислил его принадлежность к сочувствующим к РКП(б), но не хотел арестовывать на родине. Арестовали Тарабукина уже в Чердыни.

Беглый арестант

Остаток зимы и весну 1919 г. Алексей провел на тыловых работах белых под конвоем, рыл окопы в районе Ныроба. Потом всех подконвойных погрузили в баржу и повезли по реке Вишере в город Усолье. В Усолье их посадили в товарный вагон, поезд тронулся, никто не знал, что с ними будет и куда их везут теперь. Два дня не давали ни воды, ни пищи. Потом состав остановился, началась перекличка арестованных.

Присмотрелся Алексей к одному прaporщику, а это оказался его односельчанин и к тому же дальний родственник Василий Булышев. Булышев тоже узнал Тарабукина, пригласил в штабной вагон, накормил, посоветовал, как бежать. Ночью дверь в вагоне арестованных была открыта, часовой предупрежден и Тарабукин соскочил на ходу (состав как раз шел в гору и двигался медленно, так что все обошлось). Позднее Алексей узнал, что все его товарищи по вагону были высажены на станции Чусовая и казнены там.

Сутки Алексей скрывался в небольшой деревушке у старообрядцев, а потом добрался до города Кизел, где случайно нашел приют у однофамильца, переселившегося сюда из Кужбы еще

до 1 Мировой войны. Спустя несколько недель в Кизел вступила Красная Армия, и Алексей пошел в штаб красных, где рассказал о своих злоключениях в белогвардейских застенках. Его зачислили в состав полка и вскоре Тарабукин уже воевал за освобождение города Туринска от белых.

“Самоед”— чапаевец

В июне 1919 г. полк перебросили под Уфу. Здесь на станции Егорьевская состоялся смотр части. Сам Алексей вспоминал этот эпизод так: “Выстроили нас всех 1500 человек в шеренгу. Я на левом фланге. Ростом не очень вышел. Идет вдоль строя человек, с усами, в военной форме. То к одному обратится, то к другому с разными вопросами. Дошел этот человек до меня и спрашивает: Как фамилия? — Тарабукин. — Откуда? — Зырянин-Самоед. — Три шага вперед, самоед!” Так Алексей очутился в 25-й дивизии Василия Ивановича Чапаева. Попал он сразу в дивизионную разведку, где все его так и стали звать “Самоедом”. Начальником разведки был некто Медведев.

Служба в разведке Чапаева была, по словам самого Тарабукина, “сложная, богата всевозможными событиями”. Как-то раз вызвал его сам Василий Иванович и говорит: “Вот что, зырянин-самоед, на тебе наряд на 60 голов коров. Дает тебе командир разведки еще пять человек. Поедешь в деревню Цыганскую, получишь по наряду их и пригонишь к начальнику снабжения. Срок тебе одни сутки”. Выехал Тарабукин с командой в Цыганскую, потребовал у крестьян коров по чапаевскому наряду, те согласились пригнать скот в пользу красных. Сутки Тарабукин ждал, когда ему скот пригонят — не дождался. Решили местность осмотреть. В шести километрах от деревни и обнаружили коровье стадо в несколько сотен голов. Пастух-башкир сказал, что приезжали к нему крестьяне из Цыганской, велели ни в коем случае стадо в деревню не приводить, здесь пасти. Доить коров хозяйки сюда приезжают. Отобрал Тарабукин из стада 60 коров и погнал их в расположение дивизии. А пастух-башкир с ними пошел. За это дело Тарабукин от Чапаева выговор заработал — не уложились в одни сутки, а проездели почти двое суток.

Другой случай из военных приключений Алексея Тарабукина связан с посещением родной деревни Чапаева. Тарабукин так вспоминал этот эпизод: “Вызывает как-то раз Василий Иванович и говорит: “Съездим, самоед, ко мне домой”. “Ну что ж, — говорю, — поедем”. Взял он нас шесть бойцов. Сам он седьмой. Вышли в тыл к

белым за 50-55 км. Там его деревня. Подошли к деревне. Все мы, кроме него самого, одеты под белых, в погонах. Все вооружены, ручной пулемет под брезентом. Около деревни он приказал себе связать руки и к седлу привязать, но так, чтобы это только для виду, чтоб вмиг можно было развязаться ему самому. Едем. И вдруг: “Стой, кто идет?” Пропуск мы знали. Назвали. А пароль изменился. Постовые около деревни придрались к нам. А мы говорим: “Да что же это за безобразие, тыловики какие-то над нами командуют, не видите — самого Чапаева в плен взяли!”. Посмотрели они повнимательнее. Удивились. Пропустили. А дом Чапаева на окраине деревни. Крайний дом. Прибыли в дом. Спешились. Лошадей поставили в загон. Оружие при себе. Отцу Чапаева было тогда лет 70. Было у него двое детей: сын и дочь. Сели за стол. Вдруг выстрел в окно. Никому не попало. Мы выскочили. Чапаев дает команду: “По коням!” Вступили в рукопашную шашками. А Чапаев все командует: “Первый эскадрон — туда-то...” и т.д. Услышав в ходе схватки такие команды, белогвардейцы разбежались, мы вырвались. Но Чапаеву этого показалось мало, он повернулся к штабу белых (а их в деревне было 30-40 человек), захватил ящик с документами и только после этого вернулись в часть”.

Во время службы в чапаевской дивизии Тарабукин, по его словам, “не пил, не курил, был очень дисциплинированным бойцом. Поэтому В.И.Чапаев очень уважал меня и любя называл “самоедом”. Знал я и Д.И.Фурманова, встречался с М.В.Фрунзе. Александр Фадеев работал в штабе”.

В боях за город Уфу разведотряд Тарабукина воевал в тылу белых, а проводником был как раз тот самый пастух-башкир из Цыганской. В боях на реке Урал Алексей был ранен, но из строя не вышел. В ночь, когда Чапаев и его штаб погибли, Тарабукин был в разведке и в этом бою не участвовал. Можно сказать, что ему повезло и на этот раз, потому что белые уничтожили весь штаб и штабные команды, в том числе разведотряд Медведева.

От гражданской до Отечественной

После гибели Чапаева его дивизия продолжала наступление на белых. Тарабукин участвовал в боях за Оренбург и Шадринск. В одном из разведрейдов под Шадринском осенью 1919 г. его серьезно ранили саблей по голове во время стычки на каком-то кладбище. Пришел в сознание уже в лазарете в городе Тюмени. Месяц лечился, потом попал в Рогожско-Симоновский полк, воевал за город Ачинск.

Там Тарабукина снова ранили. После выздоровления отпустили на побывку домой. С большими трудностями Алексей добрался до Екатеринбурга, где узнал, что в Керчомью дороги нет — белые заняли весь Коми край. Тарабукину пришлось возвращаться обратно в полк, который он догнал уже в Иркутске. Вскоре они получили приказ грузиться в вагоны и ехать на запад — начиналась война с Польшей.

Дорога от Иркутска до Москвы выдалась нелегкой — в пути заготавливали дрова, ведрами носили воду для паровоза. Доехали до Гродно. Но в боях с поляками Алексей не участвовал — его командировали в Полоцк на курсы командиров отделений связи. Учился полтора года, а потом демобилизовался.

В годы Великой Отечественной войны сержант Алексей Михайлович Тарабукин командовал взводом 1017-го стрелкового полка. Был награжден медалями “За взятие Берлина”, “За победу над Германией”, орденом Отечественной войны 2-й степени.

Когда в 1970 г. научный сотрудник Коми филиала АН СССР В.И.Прошев записывал воспоминания А.М.Тарабукина, последний пожаловался, что односельчане многому из того, что он рассказывает о гражданской войне, не верят. Но все, что с ним приключилось — чистая правда.

“ЗЕЛЕНАЯ АРМИЯ”

Весной и летом 1919 г. в Коми крае в массовом масштабе стали появляться “зеленые”. Всему виной была весенняя пахота на крестьянских полях. Красноармейцы, мобилизованные в состав Кай-Чердынского полка из вычегодских и сысольских волостей, стали правдами и неправдами уходить домой на весенние полевые работы. Этому способствовало и ужасное снабжение полка продовольствием. Как вспоминал И.М.Елькин, зимой и весной 1919 г. полк питался в основном лошадиной падалью, даже приходилось снаряжать специальные команды искать в снегах трупы павших или убитых лошадей с целью употребления их в пищу. Противник издавательски присыпал красноармейцам через линию фронта белый хлеб с прокламациями переходить на его сторону. Из-за голода началось дезертирство из полка. В мае 1919 г. летучий отряд ЧК и отряд коммунистов устроили на “зеленых” облаву. Только в окрестностях Усть-Сысольска было поймано 49 человек, все они были отправлены под трибунал в Котлас.

24 августа 1919 г. командующий Печорским районом белых полковник В.Ахаткин сообщал в Архангельск сведения, полученные от красноармейца-перебежчика: “... В полку (Кай-Чердынском — авт.) около 20 офицеров. Укреплений около Усть-Кулома и Помоздино нет. Продовольствия мало. Солдатский паек хлеба с мякиной от полфунта до фунта селедки. Иногда крупы испорченной четверть фунта. Чаю нет, сахар выдается изредка, табаку одна восьмая на четыре дня. Красноармейцы грабят продовольствие у местных крестьян. В двух верстах южнее Усть-Сысольска у деревни Вильгорде (Вильгорте — авт.) образовалась Зеленая Армия около 3 тысяч (человек — авт.). Много мобилизованных красными переходят к зеленым, которые имеют оружие, продовольствие... Настроение красноармейцев плохое... разбегаются по домам. Побеги красноармейцев усиливаются”. Конечно, сведения о Зеленой Армии под Усть-Сысольском очень сильно преувеличены, но факт наличия массы зеленых в Коми крае летом и осенью 1919 г. имел место. Из “зеленых” Усть-Сысольского, Яренского и Никольского уездов Северо-Двинской губернии была потом сформирована целая рота красноармейцев, разбежавшаяся при появлении белогвардейского отряда капитана Н.П.Орлова на Вычегде.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ “ПЕЧОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА”

На протяжении всей гражданской войны белые контролировали Печорский уезд. Здесь были развернуты значительные армейские соединения Северного фронта белых численностью свыше 3 тыс. чел. под командованием полковника В.Ахаткина. Население в большинстве своем поддерживало белых и гражданскую земскую администрацию. На случай поражения в Архангельске даже существовал план эвакуации Северного правительства белых и части войск на Печору для продолжения борьбы с большевиками (об этом пишет, например, бывший военный прокурор Северной области С.Ц.Добровольский). В самом конце войны на Севере генерал-лейтенант П.П.Петренко получил полномочия командующего всеми вооруженными силами Мезенского и Печорского районов и возможность автономных действий в этом регионе.

28 февраля 1920 г. на переговорах с представителями советских войск под Троицко-Печорском делегация белогвардейского командования заявила о возможности создания нейтральной “Печорской республики”. Белые предложили завершить гражданскую войну в Кomi крае на следующих условиях: “1. Прекращение активных действий с обеих сторон. 2. Не вводить советские войска в Троицко-Печорский район и в пределы реки Печора... 4. Должны быть даны полные гарантии со стороны советских войск о недопустимости какого бы то ни было террора, как-то убийств, грабежа, насилия, произвола, мародерства, спекуляции, так как таковые нами считаются подсудными преступлениями. 5. Должны быть гарантии всеобщего избирательного права пользующихся авторитетом и доверием от населения лиц...” Предусматривалось создание в верховьях Печоры и Вычегды особой территории, свободной прежде всего от советских войск, где будет создано местное самоуправление на основе всеобщего избирательного права.

1 марта 1920 г. командарм 6-й Красной Армии А.А.Самойло отклонил предложения белогвардейского командования о создании “нейтральной зоны” в Кomi крае. 3 марта боевые действия возобновились, красные наступали на Троицко-Печорск, который был взят ими 6 марта. Судьба авторов проекта Печорской республики неизвестна.

Содержание

Крашеные (И.Северянин)	3
“Красная горячка”, или о безусловном вреде пьянства делу пролетарской революции....	4
Переворот	13
Человек, который начал войну на Удоре ...	26
“Зеленое” правительство Удоры.....	37
“Печорский Чапаев”	46
“Расстрелян по просьбам трудящихся”.....	64
“В бой шел всегда пьяный”	89
Партизаны затерянного мира	116
“Неуловимый мститель” из Керчомыи	126
“Зеленая армия”	132
Несостоявшаяся “Печорская республика” .	133

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Игорь Любомирович Жеребцов

появился на свет 24 ноября 1960 года. Вся его жизнь (за исключением недолгого пребывания в рядах доблестных военных строителей) связана с родным Сыктывкаром. Искренне признателен школе № 4 и историческому факультету СыктГУ, давшим ему путевку в жизнь и в науку, и доброжелательным коллегам по работе, эту путевку, несмотря ни на что, не отобравшим. В результате вот уже 16 лет занимается научными исследованиями. В 1998 году защитил докторскую диссертацию — в основном, для того, чтобы коллеги и знакомые перестали задавать изрядно надоевший вопрос: “Когда ты наконец станешь доктором наук??!” Одно из любимых развлечений — пересчитывать количество своих опубликованных работ (число всякий раз получается разное, но, в общем, сотни за три перевалило точно, а если добавить к этому все публикации в энциклопедиях, то и поболее тысячи будет; про статьи в газетах уж и говорить не будем...). В промежутках между написанием пары — тройки очередных книг, работа над которыми идет одновременно, старается выполнять некоторые руководящие обязанности в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (кто дочитал название до конца, тот — молодец!), рулить несколькими общественными организациями и Партией роялистов Республики Коми. В соответствии с роялистскими традициями любит поиграть на компьютере в “Age of empires”, а проживающий у него вот уже 15 с лишним лет кот носит имя Боярин (что соответствующим образом его характеризует). В людях выше всего ценит чувство юмора. Большой любитель преферанса, красного сухого вина и умных изречений (особенно своих, но их почему-то маловато). Из всего сделанного и несделанного жалеет лишь о том, что не научился играть на гитаре — порой так хочется ударить по струнам и авторитетно сказать: “Щас спою!..”

Таскаев Михаил Владимирович родился 14 августа 1960 года в старинном коми-зырянском селе Йыб Сыктывдинского района Коми АССР. В школе последовательно был октябренком, пионером и комсомольцем. Являясь абсолютным победителем заочных республиканских олимпиад по истории, решил поступить в Сыктывкарский университет, где угораздило попасть на один факультет с И.Л.Жеребцовым. В годы студенчества был председателем ряда неформальных лит- и прочих объединений, в том числе клуба любителей фантастики, написал широко известный в узких кругах белогвардейский роман “Перекоп”. Преподавал в школе. В 1986 году в поисках работы забрел в ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Долго искал себя в науке — сначала был энтомографом, затем все-таки переквалифицировался в историки. Какое-то время издавал фэнзин “Хабар” и альманах сыктывкарских индеанистов “Томагавк”. Медленно, но верно продвигался по служебной лестнице, дошел от старшего лаборанта до старшего научного сотрудника. В 1996 году, переработав роман “Перекоп”, защитил кандидатскую диссертацию по белому движению в годы гражданской войны в Коми крае. Любимый цвет — черный с золотом (можно долларами), любимое вино — красное сухое, любит читать вестерны, слушать “Deep Purple”, любимая компьютерная игра “Heroes of might and magic”, есть кот Барон (практически Врангель). Свое 40-летие встретил на Эйфелевой башне.